

[Polaris]

МАРК МАКСИМ

СМЕРТЬ АННЫ ОР

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том XXII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССХХVII

Salamandra P.V.V.

**Марк
МАКСИМ**

СМЕРТЬ АННЫ ОР

Советская авантюрно-фантастическая
проза 1920-х гг.

Том XXII

Salamandra P.V.V.

Максим М. (Олидорт Б. В.)

Смерть Анны Ор: Роман (Советская авантюрно-фантастическая проза 1920-х гг. Том XXII). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 188 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCXXVII).

Романы Марка Максима (под этим псевдонимом выступал поэт, беллетрист и журналист Б. В. Олидорт), выходившие в 1920-х гг. – классический пример литературы «красного Пинкертона». На страницах их живут и действуют иностранные разведчики, пронырливые агенты империализма, роковые и несчастные красавицы и неустрашимые советские шпионы.

Роман «Смерть Анны Ор» рассказывает о шпионских интригах в Одессе времен иностранной интервенции 1919 г. В образе центральной героини, киноактрисы Анны Ор, угадывается звезда немого кино Вера Холодная и многочисленные легенды, связанные с ее безвременной смертью в Одессе в феврале 1919 г.

СМЕРТЬ АННЫ ОР

МАРК МАКСИМ
MARC MAXIM

СМЕРТЬ АННЫ ОР

РОМАН

1925

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роман «Смерть Анны Ор» принадлежит к роду литературы, который известен под названием авантюрного романа.

Советский авантюрный роман еще очень молод: в русской литературе почти нет образцов авантюрного романа и только в послереволюционное время на книжном рынке появились такого рода литературные произведения.

Для авантюрного романиста, имеющего темой современность, готовый материал имеется в огромном количестве: неслыханные преступления мирового Капитала на Востоке, в Руре, в Китае, в Египте, в Судане, в России во время гражданской войны, разоблачения коммунистической прессы всего мира, мемуары политических деятелей — это ли не материал для современного авантюрного романиста, разоблачающего не уголовное преступление, но гораздо более тяжелые, гораздо более жестокие преступления мирового империализма...

В романе «Смерть Анны Ор» действуют многие герои, агенты Англии и Франции, ведущие сложную и преступную политику мирового Капитала, но главный герой этого романа автором не назван... О нем почти нет речи на всем протяжении романа, о нем почти ничего не говорит автор, но присутствие этого героя чувствуется в каждой строке романа, в каждой фразе, произносимой героями: этот главный герой романа — революционные массы пролетариата и крестьянства России, ценой героических усилий отстаивающие свое право на свободу и независимость, на мирное строительство...

Этот герой романа чувствуется, как сказано, на каждой странице, также как чувствуются в романе и те миллионы трудящихся всего Востока и Египта, и Китая, и Индии, и Судана, и Персии — о которых также ничего не говорит автор и которые тем не менее являются активными героями романа...

Автор намеренно направляет — этот прием авантюрная литература позаимствовала у кино — все внимание читателя на сложную сеть преступлений, совершаемых агентами мирового империализма для того, чтобы еще рельефней от этого выступал главный и единственный герой романа:

— Миллионы революционных масс мира...

В романе почти нет исторических подробностей, нет обстановки, при которой происходили описываемые события и только фон — опять-таки кинематографический прием — только фон романа дает читателю незабываемое зрелище огненной стихии революции...

Умышленно, очевидно, в романе действуют лица разных национальностей, разных социальных устремлений: полковник Гаввард, британец, полковник Маршан, француз, киноактриса Анна Ор, Сергей Казарин, китаец Ли-Ванг, индус Абиндра-Нат, шотландец командир Томсон...

Огромная роль такой литературы достаточно ясна для того, чтобы распространяться о ней: динамический, представляющий собой сплав кино, литературы и газеты роман — в то же время правильно освещающий борьбу миллионов трудящихся против мирового Капитала — таково предназначение советского авантюрного романа, его роль на книжном рынке Союза Советских Республик...

ГЛАВА 1

Огромный «роллс-ройс», пятьдесят лошадиных сил, сирена, как медный левиафан, как глотка ископаемого чудовища. Вторая скорость, впереди шофер-китаец, на пассажирском месте мистер Джонс-старший, глава фирмы «Джонс и сын», улица Стренд — Сити, Лондон.

«Роллс-ройс» лавирует между автомобилями, автобусами, омнибусами, трамваями Реджент-стрит, направляясь в Сити. Мистер Джонс-старший покачивается в кресле автомобиля, медленно раскуривает первую трубочку, всего девять утра, отдается одному ему известным мыслям.

Мистеру Джонсу-старшему шестьдесят лет, настоящий возраст для настоящего дельца, для дельца из Сити, когда прошли все колебания юности. Будем откровенны: мистер Джонс-старший незаурядный хищник. Он плотно сжал узкие губы, трубка в правом углу рта, воротник пальто поднят, свежее утро, с Темзы медленно плывет туман, расплываясь над городом.

«Роллс-ройс», плавно покачиваясь, несет мистера Джонса в Сити, сирена рычит, мистер Джонс-старший думает.

Желтокожий шофер взял глаза в зубы на Реджент-стрит — зевать нечего, момент, и попадешь под трамвай или налетишь на автобус. Сирена «роллс-ройса» рывкнула оглушительно, свернув в Пикадилли. И в двух головах, одной впереди на шоферском месте, другой позади на пассажирском — мистера Джонса — несут обрывки мыслей.

В голове мистера Джонса-старшего:

...Ллойд-Банк... Африканский хлопок... Вестминстер-Банк... Цейлонский чай... Бюллетень цен чикагской биржи... Националь-Колониаль-Банк... Австралийский сахар... Мельбурн... Канада... Барклайс-Банк... Сбор урожая... Кораблестроительная компания «Джонс и сын»... Фунты стерлингов... Франки... Леи... Пезеты... Доллары... О, доллары... Персия... Африка... Австралия... Китай... Радио из Роттердама... Радио из...

Трубка мистера Джонса крепко прижата желтыми обкуренными зубами...

В голове желтокожего шофера летят обрывки иных мыслей:

— Демонстрация безработных докеров в Ист-Энде... Чье это лицо?.. Сун-Ят-Сен, конечно... надо свернуть направо, можно налете... Что касается до Дженни, то она, конечно... Чуть не наскочил... Стачка докеров... Но демобилизованные, во всяком случае... Они прибывают, прибывают.... Чья фамилия Вильямс?.. Этот проклятый «Таймс» сообщ... Автобус с плохим вожатым, черт побери...

Глаза желтокожего шофера прищурены и устремлены вдаль...

Мысли мистера Джонса старшего продолжают нестись третьей скоростью, подобные обрывкам облаков:

«...Мисс Кембелл в “Майской ночи”, удивительный оттенок волос, но тридцать лет назад... Брекфест, конечно, но отвратительный кофе, предпочтительней цейлонский чай... С акциями Педл-компани будет слабее, но... Русский лес... а главное, наши запасы кардифского угля...»

Два с половиной миллиона людей, сопровождаемых ревом авто и автобусов, вливаются ежедневно от десяти до трех в Сити и триста банков находятся в Сити; сотни тысяч людей в пробковых шлемах, с пожелтевшими от знойного солнца лицами шлют радио из Африки, из Австралии, из Индии, с Таити и из других колоний.

К двум с половиной миллионам людей прибавляются еще двое: «Роллс-ройс» подкатывает шофера Ли-Ванга и мистера Джонса к подъезду дворца, откуда правит миром династия «Джонс и сын».

Мистер Джонс выходит из автомобиля, на мгновение задерживается на подножке и спрашивает:

— Ванг, сколько времени?

— Десять без пятнадцати, сэр...

— Без десяти двенадцать подадите машину обратно!

— Есть, сэр...

Мистер Джонс-старший входит в вестибюль, сквозь толстые стекла швейцар приветствует мистера Джонса...

«Роллс-ройс» медленно отъезжает, рычит на проскочившего клерка и плавно катится обратно...

В кабинете мистера Джонса тишина храма. Вполголоса секретарь докладывает утреннее радио и выдержки из передовых «Таймс», «Манчестер Гардиан», еще двух-трех газет. Мистер Джонс нажимает кнопку звонка и говорит медленно:

— Попросить мистера Джонса-младшего...

Мистер Джонс-младший: второе издание мистера Джонса-старшего, дополненное и исправленное хоккеем, авиационными состязаниями, бельгийским фронтом... Трубка в левом углу рта, в отличие от Джонса-старшего...

Разговор мистеров отрывист и точен, как лента аппарата Морзе:

— Кардиф?..

— Слабее.

— Нефть?

— Неопределенно...

— Перспективы?..

— Забил источник: Баку, тридцать тысяч ведер в сутки...

— Транспорт в России?...

— Разрушен...

— Правительство в Грузии?..

— Есть радио: идут бои по всему побережью. Наш агент в Батуме сообщает...

— Хорошо...

Одно мгновение мистер Джонс-старший молчит: лента Морзе оборвалась. Мистер Джонс-младший сосет трубку, припоминая некоторые подробности, не относящиеся к делу и не имеющие отношения к забившему источнику нефти в Баку....

Затем мистер Джонс-старший говорит:

— Пусть стенографистка запишет распоряжения относительно...

Оба мистера Джонса глядят друг другу в глаза и без слов понимают друг друга...

Затем мистер Джонс опускает голову и читает некоторые бумаги, заботливо положенные перед ним секретарем...

Мистер Джонс-младший выходит из кабинета, отправляется в комнату стенографистки и отдает распоряжение:

— Ко мне в кабинет: работа на полчаса...

Стенографистка, молодая двадцатилетняя мисс, белокурая, голубоглазая, в белой блузке с синим галстуком, слегка краснеет... Карандаш в ее руках дрожит...

В кабинете мистера Джонса-младшего запах трубочного табака, бумаги разбросаны на столе и креслах... Мистер Джонс-младший внимательно глядит на стенографистку и говорит:

— Вы напрасно волнуетесь, мисс Дженни...

Мисс Дженни молчит...

Мистер Джонс-младший говорит с убедительностью всех своих тридцати пяти лет, общественного положения, крепких мускулов игрока в хоккей и участника авиационных состязаний:

— На этот раз действительно срочная работа... А волноваться совершенно нечего... Совершенно нечего, мисс...

И, рассказывая по кабинету, он начинает диктант:

— Срочное предписание агенту Батума выяснить состояние нефтяных источников, состояние дорог в Грузии, Абхазии, политическую конъюнктуру в связи с происходящими на Востоке событиями.

— Радио из Одессы сообщает...

Мистер Джонс приостанавливается и говорит:

— Не мешало бы, все-таки, прикрыть дверь в коридор...

Он идет к двери, дым из трубки стелется за ним струей, мисс Дженни низко наклоняется над бумагой...

* * *

Персидский ковер: сто двадцать пять человек повстанцев горного округа, павших за некорректное обращение с агентом фирмы «Джонс и сын» в Тегеране.

Пять зеркал, трельяж, мебель карельской березы: двадцать человек, умерших от переутомления на верфи в Кинг-

стоуне...

Темно-сиреневый капот леди Эдит, тканый тускло-золотым лотосами и крокодилами: сто человек индусов, осмелившихся поинтересоваться делами управления Индией.

Все остальное не превышает цены пятисот человеческих жизней, недорогая цена за подобранную со вкусом обстановку леди Эдит, дочери известного политического деятеля, одного из лидеров партии консерваторов, имеющего огромное влияние в Британии и колониях лорда — Арчибалда Холлстена.

Леди Эдит распахнула темно-лиловый капот, еще раз высунула перед зеркалом язык, внимательно посмотрела на свежий и яркий цвет лица, бегло отметила небольшую родинку на правой щеке и обернулась к горничной:

— Мэри, все готово?

Горничная Мэри: из семьи докеров в Поплере, двадцать три, года белый передник, темные жизнерадостные глаза; первоклассная дрессировка: остальным не интересовались в доме лорда Холлстена.

Мэри подошла ближе, в руках у нее платье леди Эдит, тускло-фиолетового цвета: леди не любит ярких цветов.

Леди Эдит говорит звонким сопрано:

— Мэри, я поеду кататься, погода хорошая. Вызовите автомобиль.

Мэри неслышно уходит, ступая по персидскому ковру. Машина уже стоит у подъезда. Четырехместный открытый «Стейвер», шофер-ирландец, рыжий, как сеттер...

Леди Эдит быстро выходит в автомобильном широком пальто, в маленькой шапочке на белокурых волосах... Она становится на ступеньку машины и спрашивает звонко:

— Куда мы поедем, Мак?

— Куда леди прикажет? Погода хорошая, можно по дороге в Кингстон-Хилл...

Но леди Эдит любит езду по самым оживленным улицам Лондона, ей нравится лететь между трамваями и омнибусами, нырять в переулки, вылетать на площади, пугать медной сиреной почтенных мистрис, переходящих улицу, и привлекать, подраживая, внимание степенных «бобби»,

полисменов его королевского величества...

Леди Эдит кивает головой в маленькой шапочке:

— Бонд-стрит...

Шофер отвечает:

— Слушаю, миледи...

Внезапно леди раздумывает ехать на заднем пассажирском месте: она садится рядом с шофером, приводя в ужас швейцара своей экстравагантностью...

«Стейвер № 456987» летит по улицам, угрожая медной сиреной.

Слегка покачиваясь, летят рядом два лица: огненно-рыжее лицо ирландца-шофера с нависшими над козырьком фуражки очками и избалованное, насмешливое, выхоленное лицо белокурой леди Эдит с зеленоватыми блестящими глазами....

* * *

Несколько иная широта и долгота, город Одесса, Дерibasовская улица, угол Екатерининской... На углу греческий солдат, с винтовкой через плечо... Несколько поодаль от него темнокожий сикх, поставлен для охраны уличного движения оккупационными войсками города Одессы... На рейде стоят два крейсера, несколько миноносцев под французскими, английскими и греческими флагами.

Третий дом от угла, кафе Фанкони, традиционное кафе актеров, журналистов, спекулянтов и иностранцев... Переполненное кафе жужжит, как потревоженный улей... Несколько английских офицеров пьют методически кофе... Два солидных грека, по всей видимости приезжих коммерсанта, совещаются вполголоса...

За угловым столиком компания киноактеров, режиссер, Джутич, первый любовник, герой множества мелодрам, гроза сердец машинисток и кассирш, соперник Максимова, Евгений Ленский и самая популярная, самая любимая не только в бывшей Российской империи, теперь представ-

ляющей вулкан во время извержения, но и за границей, кинозвезда Анна Ор, чье лицо плавает на сотнях экранов, взятое в первом плане, то улыбаясь, то роняя крупные как бриллиант в два с половиной карата, слезы, вызванные по предписанию энергичного режиссера Джутича...

Анна Ор сидит, наклонясь, облокотясь рукой в лайковой перчатке на мрамор столика. Джутич говорит ей что-то и она внимательно слушает, хмуря густые черные брови, потупив известные всему миру бархатистые черные глаза...

Один деникинский офицер говорит другому в углу кафе:

— Говорят, что Анна Ор...

Второй пожимает плечами:

— Почему бы нет?.. У англичан денег много и они любят русских женщин...

Оба они улыбаются и первый говорит:

— Черт ее побери, она красива! Но она не русская, она одесская еврейка...

— Английскому полковнику нужна красивая женщина... Все остальное неважно...

Ворвавшийся мальчишка-газетчик орет:

— Войска Деникина перешли в наступление... Полное замешательство в Москве. Интервью с Милюковым... Прибытие английского крейсера «Адмирабль»...

Анна Ор, медленно встает:

— Я поговорю о съемке... До свидания, Джутич... Ленский, ты заедешь ко мне?..

Ее провожает глазами все кафе: Анна Ор популярна... Котиковое манто Анны Ор скользит меж столиками, через минуту она сидит на извозчичьей пролетке:

— Пушкинская улица, скорее...

* * *

Тот же город, город Одесса, где на главных улицах, в кафе, банках и конторах лихорадочное оживление, суета,

подобная белой горячке, где спекулянты, офицеры, черные войска, англичане, французы, греки смешались вместе, где на окраинах, на фабричных окраинах царит мертвая тишина, прерываемая иногда отдельными отрывистыми выстрелами, где люди в синих блузах, в оборванных, истасканных шинелях без погон ходят оглядываясь, как затравленные волки, где даже фабричные гудки воют хрипло и как бы испуганно, где мечутся за ставнями маленьких убогих домиков умирающие от сыпного тифа дети, дети, лишённые молока и ухода... Тот же город, другая улица, помещение английской комендатуры...

Британский комендант города Одессы, полковник Гаввард, раскуривает первую за день трубку, слушает доклад старшего помощника:

— Пойманы пятеро с поличным...

Полковник Гаввард интересуется:

— С поличным?..

— Да, сэр — две женщины, трое мужчин... При них найдены гранаты, браунинги...

Полковник Гаввард прерывает помощника коротким жестом:

— Довольно... Ликвидировать...

Помощник продолжает доклад:

— Задержаны еще трое: одна женщина, двое мужчин...

При них найдены напечатанные на гектографе воззвание, затем...

Короткий вопрос полковника Гавварда:

— Оружие?..

— Никакого...

— Передать русскому командованию...

— Контрразведке, сэр?

— Да...

Затем полковник Гаввард медленно говорит:

— Стыльби, «Адмираль» прибывает сегодня... Вызвать ко мне командира...

— Будет исполнено, сэр.

Восемь человек выводят из здания комендатуры английские солдаты оккупационных частей... Пять человек

ведут за город... Трое поступают в распоряжение русской контрразведки, деникинских офицеров...

Майор Стильби закуривает папиросу и говорит сержанту:

— И те пятеро... И эти трое... Участь одна, сержант...

Сержант кивает головой и говорит заученно:

— Да, сэр...

Пять трупов лежат за городом... Три человека, живые трупы доставляются в контрразведку деникинцев: одна женщина и двое мужчин... Поручик в золотых шевронах, с хлыстом в руке долго смотрит на женщину, она молода, бледна, на иссиня-черных волосах легкая косынка... Поручик говорит:

— Иванов, женщину отдельно, в комнату № 19... Этих...

Он машет хлыстом...

Участь двоих решена... Женщина остается в живых... До тех пор... пока.

Словом, ее уведут в комнату № 19...

* * *

В порту Константинополя множество судов сгрудились вместе. Белый итальянский крейсер рядом с французской канонеркой, несколько английских крейсеров и миноносцев, среди них быстроходный «Адмиралъ».

Радио-каюта «Адмиралъ» находится на корме, радиотелеграфист в наушниках внимательно слушает скребущие звуки и записывает карандашом... Через три минуты вестовой передает радиодепешу командиру Томсону; лицо Томсона хмурится, гладко выбритое лицо английского моряка... Радио гласит:

— Приказ адмиралтейства идти на всех парах порт Одесса, стать на рейде. В распоряжение британского командования. Подпись.

Артур Томсон медленно встает, он выше среднего роста; прекрасно сложен, его серые глаза немного задумчивы,

далеко в Шотландии мистера Артура Томсона ждет невеста...

Командир крейсера «Адмираль» Томсон отдает приказ:
— Вызвать отпущенных на берег. Разводить пары... Точное направление по выходе в открытое море...

Судовой механик быстро проходит по спардеку... Склянки бьют медленно и раздумчиво и на борту «Адмираль» поднимается обычная перед отплытием суета...

Командир Томсон неподвижно сидит в каюте и изучает карту берегов Черного моря... На полу каюты лежит небрежно брошенный томик стихов Редьярда Киплинга: командир Томсон в свободное время любит заниматься литературой...

* * *

Почти в то же самое время представитель деникинского командования в Константинополе запрашивает британскую комендатуру:

— Не отходит ли какое-нибудь британское судно в направлении Одессы?

— Возможно.

— Нельзя ли воспользоваться любезностью командования для отправки этим судном офицера, агента русской...

Голос из комендантства, говорящий по телефону, перебивает:

— То есть, деникинской?...

— Да. Для отправки в Одессу крайне важного агента, поручика Сергея Казарина...

Разрешение английского командования дается... Крейсер «Адмираль» приобретает пассажира в форме гусарского поручика, среднего роста, с острыми, серыми, внимательными глазами, с гладко причесанными смолисто-черными волосами и спокойным неторопливым голосом...

Поручик Казарин щелкает шпорами, представляясь командиру Томсону:

— Казарин, поручик гусарского полка имени его величества...

Артур Томсон снисходительно качает головой:

— Вам отведена каюта, мистер Казарин.

* * *

Лорд Холлстен, лидер консерваторов, на заседании парламента задает вопрос:

— Правда ли, что британские войска несут сторожевую службу на черноморском побережье, в то время как русские добровольческие войска отведены на отдых и для перестроения?..

Ему отвечает товарищ министра иностранных дел: он заявляет, что, согласно сообщению министерства военных дел британские войска не несут сторожевой службы на черноморском побережье и находятся на Ближнем Востоке исключительно для охраны британских интересов на черноморском побережье...

Лорд Холлстен складывает бумаги в портфель и собирается уходить... Он высокого роста, седой, гладко выбритый... Его партия, партия консерваторов, имеет некоторые основания быть недовольной правительством Ллойд-Джорджа...

Лорд Холлстен покидает здание парламента ровно в пять часов пополудни для того, чтобы присутствовать на совещании лидеров по некоторым вопросам, не терпящим отлагательств.

* * *

Почти в то же самое время в лазарете, находящемся недалеко от Трафальгар-сквера, в лазарете, устроенном специально для офицеров колониальных войск, раненых на

западном фронте, в лазарете, в котором находится триста кроватей и на них триста жертв последних заключительных боев, последней схватки германского и союзного империализма — в это же самое время сестра милосердия мисс Дуглас, дочь полковника Дугласа, обходила кровати больных, проверяя температуру...

У одной из кроватей она остановилась и с мягкой улыбкой спросила:

— Сегодня лучше?...

Умиравший от туберкулеза, полученного в окопах Бельгии, индусский офицер, уроженец Горного округа Пенджаба, посмотрел на мисс Дуглас блестящими глазами:

— Температура ниже, — сказал он хриплым голосом...

Его английский язык носил только чуть заметные следы гортанного наречия Пенджаба...

— Вы поправитесь, — сказала мисс, кивая головой в белоснежной косынке... — Вы поправитесь и еще долго будете служить британской короне.. Потому что мы победили, мистер Абиндра, мы сломили германский воинственный дух и отныне мир воцарится...

Она замолчала, потому что легкая улыбка скользнула по бледному лицу индуса...

— Вы не верите в это, лейтенант Абиндра?...

— Я верю, — сказал лейтенант Абиндра, — я верю, но до этого еще далеко...

Он закрыл глаза, утомленный беседой...

Сестра милосердия поправила подушку, одернула одеяло и неслышно вышла из палаты...

Проходя по коридору, она подумала:

— С его точки зрения... Конечно, он не дожидется этого, его часы сочтены... Бедный Абиндра!..

Мисс Дуглас искренне пожалела его, этого индуса с матовым цветом лица и тускло-черными пристальными глазами.. Мисс Дуглас читала Рабиндраната Тагора и созвучие в именах внушало ей симпатию к индусу...

В дежурной комнате мисс Дуглас спросила врача:

— Как вы находите Абиндру, лейтенанта колониальных войск?

— Умрет к утру, — ответил врач, просматривая бюллетени, — правого легкого нет, а левое...

Он пожал плечами...

* * *

За закрытыми глазами индуса Абиндры, должно быть, пробегали видения, может быть, это были картины боев на западном фронте, на полях Бельгии, где сыновья Непала и Пенджаба сражались во имя британского империализма, поддерживаемые танками, эскадрами аэропланов и тяжелыми орудиями.. Может быть, это были картины Индии, солнца Пенджаба, гортанных слов родного наречия, смуглых, как шоколад, девушек...

Мягкая улыбка блуждала по лицу лейтенанта колониальных войск Абиндры, умиравшего в лазарете на Трафальгар-сквер... Эта мягкая, почти безвольная улыбка застыла на его лице и мисс Дуглас, наклонившись над ним, тихо сказала:

— Кончено...

Два ирландца-санитара вынесли тело лейтенанта Абиндры в покойницкую, мисс Дуглас доложила главному врачу... В книге лазарета против имени лейтенанта Абиндры появилась пометка: — «Скончался в 8 ч. 10 минут вечера. Уроженец Пенджаба. Поражение правого легкого... Вступил в лазарет 20 декабря 1918 г., выбыл 15 февраля 1919 г.»

Внизу стояли подписи палатной сестры мисс Дуглас и главного врача.

* * *

Людей, никогда не видевших друг друга, людей, живших в разных широтах, занимавшихся разной деятельностью и принадлежавших к разным социальным слоям и

разным национальностям, никогда не помышлявших о событиях, происшедших за краткий промежуток времени, секунду для Истории, за один год, этих разнообразных людей связал в один клубок, спутал, стасовал, как опытный фокусник тасует карты — 1919 год, один из лет той эпохи, которая в истории человечества будет отмечена красными пылающим и буквами..

Эти несколько людей действовали на фоне разгневанного океана человеческих существований, на фоне миллионов людей, приведенных в движение на Востоке, Севере, Юге и Западе. Миллионы людей легли на полях Бельгии, на Карпатах, в Польше и Галиции, в Африке на берегах озера Танганьики, на берегах Конго, на берегах Тихого океана, на берегах Черного моря, в горах Кавказа и в долинах Средней Европы, миллионы трупов украсили поля небывалых битв во славу мирового капитализма, во имя владык из Сити, из Нью-Йорка, биржи в Чикаго, улицы миллиардеров и Версаля и Даунинг-стрит.

Миллионы людей подняли красные знамена на Востоке... Миллионы людей на Западе выжидательно стояли под ружьем на недавних полях битв. И весь мир — от Шанхая до Лондона, от Сан-Франциско до Стокгольма, от Владивостока до Одессы, от Калькутты до Бухары — представлял собой зрелище вулкана, находящегося в начале извержения...

Изворотливые мозги дипломатов с Даунинг-стрит в Лондоне и социал-демократов его британского величества, давших безмолвное согласие на мировую бойню, и трех десятков преступников, сидевших в Версале в исторические дни 1919 года, и хищные инстинкты капиталистов всех бирж от Сити до Чикаго — напрягали все силы для того, чтобы покончить с результатами вызванной ими бойни и для того, чтобы бросить все силы на подавление того, что повергало их в трепет, что искрами радио за подписью — Чичерин — не давало их процентным бумагам расти спокойно на биржах...

Английские и французские крейсера в Одессе, Битуме, в Черном и Балтийском морях, греческие, английские, фран-

цузские десантные отряды и черные войска — все было брошено для «спасения цивилизации», жалкий предлог, стертое клише желтой прессы, придуманное для обывательских мозгов всего мира...

Лидер консерваторов лорд Арчибальд Холлстен, его дочь леди Эдит Холлстен, умирающий в лазарете индусский офицер Абиндра, сестра милосердия мисс Дуглас, командир крейсера «Адмирабль» Артур Томсов, киноактриса Анна Ор, режиссер Джутич, офицер гусарского полка Сергей Казарин, странный человек, совершивший много загадочных поступков, ничем внешне не оправданных, шофер лорда Холлстена китаец Ли-Ванг, и миллионы, миллионы восставших людей, миллионы людей в простой солдатской форме — таковы герои этой книги.

ГЛАВА 2

Мистер Джонс-старший вызвал звонком телефона мистера Джонса-младшего... Оба мистера Джонса, династия «Джонс и сын», правящая миром из Сити, беседовали полчаса вполголоса, наклонив друг к другу головы с трубками в правом и левом углах губ... Затем мистер Джонс-старший сказал коротко:

— Ол райт...

Его седая голова кивнула удовлетворенно... Мистер Джонс-младший удалился, насвистывая «Типперери»...

Ровно в час дня «Роллс-ройс» подкатил к подъезду дворца торговли в Сити и китаец-шофер получил из уст мистера Джонса Старшего короткое приказание:

— Сент-Джемс-стрит.

Шофер Ли-Ванг хорошо знал адрес: Карлтон-клуб, в котором встречались самые крупные дельцы из Сити и члены партии консерваторов. В этот клуб очень часто ездил мистер Джонс-старший и шофер повез его туда со всей возможной быстротой... Через двадцать минут «роллс-ройс» подкатил мистера Джонса к клубу.

Огромные кресла, как бы предназначенные для великанов, кресла клуба, приютили мистера Джонса и лорда Холлегена... Частная беседа, подкрепленная дымом сигар и крепкими виски-сода, продолжалась около часа...

Лорд Холлстен согласился с некоторыми доводами мистера Джонса. Он сказал медленно, раздумывая:

— Нет сомнения в том, что вы правы. Ваш голос — голос Сити и... Но Версаль — настолько сложная операция...

Лорд Холлстен сделал паузу:

— Именно — операция... Мы должны быть крайне осторожны... Не забывайте, что этот Вильсон — при всем нашем уважении к союзнику — этот Вильсон загонял мистера Ллойд-Джорджа до полного бессилия. С ним очень трудно... Этот человек почти не принимает во внимание интересов британской торговли... Он стоит на основе своих знаменитых

пунктов...

Лорд Холлстен сделал еще одну паузу:

— Как... как статуя Нельсона в Трафальгар-сквере... Совершенно недвижимо и не высказывает никакого намерения сдвинуться с места...

Мистер Джонс-старший вынул на мгновение сигару изо рта и сказал с возмущением:

— Он старый ханжа, этот Вильсон, и я...

Лорд Холлстен прервал его вполне корректно, как бы заканчивая мысль великого дельца из Сити:

— И вы, конечно, протестуете против этого со всей энергией, мистер Джонс... Но не забывайте, что весь мир... о, ну, за небольшим исключением, слушает этого старого ханжу... Во всяком случае, мы примем все меры и тогда...

Беседа лорда Холлстена и мистера Джонса продолжалась еще двадцать минут... Затем совершенно обычным тоном мистер Джонс сказал:

— Мабель Ли в новом обзрении восхитительна... Вы не находите, милорд?..

Милорд был согласен с уважаемым мистером Джонсом... Затем два автомобиля понеслись в противоположные стороны: один в Сити, другой на Даунинг-стрит.

Лорд Холлстен не терял времени даром: политика была профессией лорда Холлстена и он занимался этой хлопотливой и не совсем чистоплотной профессией тридцать пять лет... Поэтому лорд Холлстен принял некоторые меры, быстро сказавшиеся на другом берегу Ламанша, на другой день, 24 января, в Версале, где шло заседание конференции...

В этот день неутомимый в своем ханжестве, похожий на буксующий на невыгодной почве конференции автомобиль Вудро Вильсон поставил резко вопрос о мандатах... Этот вопрос о мандатах и включении Лиги Наций в мирный договор немедленно вызвал контр-план Ллойд-Джорджа, Клемансо и Соннино. Этот контр-план был поддержан еще и дипломатическим курьером, доложившим кое-какие взгляды лорда Холлстена и краткое его письмо мистеру Ллойд-Джорджу...

И мистер Ллойд-Джордж решился...

Он противопоставил эффектный спектакль проповедям мистера Вудро Вильсона, поставил его так, как ни один искуснейший режиссер не смог бы поставить, снабдил его такими мизансценами, которые не придумал бы даже Рейнгардт.

Несколько человек, сидевшие за двойными дверьми министерства иностранных дел в Версале, решали вопрос о судьбе миллионов людей, об островах Тихого океана, о Китае, о разделе старой империи оттоманов, о Турции...

И ввиду этого в секретный протокол по настоянию Ллойд-Джорджа было внесено постановление:

— Генеральный секретариат конференции предлагает всем державам, претендующим на территории, представить свои требования в десятидневный срок, в письменной форме...

И в этот момент начался спектакль мистера Ллойд-Джорджа.

В зал конференции в полной парадной форме вступили министры-президенты британских колоний... Они шли небольшой группой, встреченные изумлением участников конференции: мистер Массей, министр-президент Новой Зеландии, огромного роста, с шевелюрой Бетховена, за ним шел генерал Смутс, Южная Африка, в форме генерал-лейтенанта британской армии, за этими двумя семенил Гюгс; министр-президент Австралии, маленький старичок с трубкой у уха, он был глух, и мистер Борден, министр-президент Канады, «самый красивый мужчина мирной конференции», по отзывам парижских дипломатических дам...

Месье Клемансо встретил их словами приветствия, которые были, однако, произнесены сухим тоном...

И представители колоний официально заявили свои притязания на германские владения, мотивируя это тем, что колонии были завоеваны колониальными войсками. Мистер Ллойд-Джордж, откинув назад седые волосы, торжественно заявил:

— От имени всей Британской империи я позволю себе заявить, что самым решительным образом протестую против возвращения этих колоний Германии...

Спектакль имел большой художественный успех... Что касается до материального, то мистер Ллойд-Джордж был им также доволен: проповедник Вудро Вильсон был отброшен на место — притязаниями всех британских колоний...

И когда заседание кончилось и еще один секретный протокол прибавился к грудке документов, устанавливающих для истории огромное преступление, совершенное перед лицом всего мира в Версале, мистер Ллойд-Джордж обменялся двумя фразами с месье Клемансо, с «тигром» Клемансо:

— Относительно Ближнего Востока и побережья Черного моря, я думаю..

Месье Клемансо озабоченно сказал:

— Это сложный вопрос...

В глазах Ллойд-Джорджа мелькнул огонек:

— Очень сложный.. И поэтому....

Они поняли друг друга... И кивнули оба головами, начиненными планами так густо, как не всегда пирог любого французского и британского рабочего бывает начинен горохом....

Лорд Холлстен в тот же день получил срочное донесение, посланное на аэроплане.

Он внимательно прочел и кивнул головой... Мистер Джонс-старший несколько минут сидел, обдумывая что-то... Затем он коротко сказал в телефонную трубку:

— Прислать сюда Вельса...

С Вельсом, коренастым лондонцем, специалистом по вопросам нефти и торговли с Ближним Востоком, у мистера Джонса произошел короткий, но значительный диалог...

— Садитесь, — сказал коротко мистер Джонс-

Вельс сел, не спуская глаз с великого дельца, с короля Сити.

Мистер Джонс сказал отдельно:

— Вельс, интересы британской торговли требуют вашего присутствия на Ближнем Востоке..

— Слушаю, сэр...

— Ваше мнение о нашей заинтересованности в портах Черного моря?

Вельс сделал короткий доклад... Его слова пестрели именами экономистов, он считал, что Британия крайне заинтересована в рынках Ближнего Востока, в частности, в портах Черного моря, но что в результате происшедшей совместной оккупации некоторых центров — Британии придется считаться с сильной конкуренцией одной державы, которая...

Мистер Джонс кивнул головой:

— Вы можете не стесняться: Франция... И вот поэтому, Вельс, соединенные банки Сити в моем лице и посылают вас туда.. Мы снабдим вас достаточно вескими документами для того, чтобы вы могли оперировать свободно.

Мистер Джонс-старший воткнул трубку в правый угол рта:

— Некоторые сведения, полученные нами из Версаля, говорят о том, что в результате интересы двух победивших держав расходятся. Вернее, они сталкиваются на побережье Черного моря. И, конечно, мы должны победить. Это строго секретное дело, Вельс, помните, потому что, если...

Он поглядел пристально в глаза Вельса:

— Если это станет известным — будет огромный политический скандал... Окажется, что союзные державы роют друг другу могилу на берегу Черного моря...

Пауза.

Затем мистер Джонс добавил:

— Конечно, агенты противной стороны, агенты Франции употребят все усилия для того, чтобы взять верх... Но Сити дает все полномочия действовать быстро и решительно. Средства — неограниченны... Документы, дающие вам директивы возмещать денежно заинтересованных лиц, в том числе командование добровольческой армии на юге России — вы получите сегодня. Кроме того, вы должны употребить все усилия, чтобы гражданская война продолжалась на юге России до тех пор, пока страна окончательно не истощится и ее можно будет взять голыми руками... Мы откровенны с вами, вы понимаете?

— Я понимаю, — сказал Вельс.

— Поддерживайте зеленых против белых, белых против зеленых...

Мистер Вельс, экономист, спросил:

— А красные?..

Лицо мистера Джонса побагровело:

— С ними мы справимся впоследствии... Одним словом, Вельс, действуйте... Все письма и документы получите сегодня.. Завтра вы выедете...

— Слушаю, сэр...

И мистер Вельс, экономист и агент банков из Сити, выехал на Ближний Восток с небольшим багажом, заключавшим некоторые документы и значительное количество британской и американской валюты. Мистер Вельс ехал на Ближний Восток с большими полномочиями и снабженный некоторыми документами, которые, будучи опубликованными, могли бы произвести фурор, нечто вроде политического землетрясения. Но эти документы находились в опытных руках Вельса и ни редакции газет, ни миллионы рабочих Англии и Франции не знали, что находится в обыкновенном портфеле агента банков из Сити, человека обыкновенной деловой наружности, совершенно такого же, как и те два с половиной миллиона людей, которые ежедневно посещают Сити.

ГЛАВА 3

Три юпитера бросали сверкающий, неживой, как бы взятый напрокат с другой планеты, свет; в ателье шла съемка с участием любимцев экрана, кинозвезд Ленского и Анны Ор... Режиссер Джутич в темных очках с встрепанными волосами, похожий на помесь германского ученого и индусского жреца, кричал хриплым голосом:

— Анна, изобразите страдание... Ленский, вы похожи скорее на маклера от Робина, а не на пожирателя сердец...

Внезапно он схватился за голову и застонал:

— Это, по-вашему, княжеская гостиная?.. Они убьют меня, они меня...

Юпитеры погасли одновременно... Оператор, оставив ручку аппарата, сказал, почесывая переносицу:

— Накрутил двести. Больше не буду: пленки мало...

Джутич закричал ему остервенело:

— Я здесь режиссер и ответственен за пленку!.. К черту, требую дисциплины...

Немного тише он сказал:

— Начните сцену сначала... Юпитера, свет!.. Анна, первым планом, Ленский вправо, изобразите равнодушие. Начинаем!..

Хладнокровный оператор завертел ручку, юпитеры бросили снопы яркого света на Анну Ор, заученно поднявшую кверху глаза, и на Ленского, попытавшегося изобразить каменное равнодушие на густо загримированном лице...

Джутич внимательно следил за ними... Ручка аппарата вертелась, юпитеры потрескивали...

Трое статистов в костюмах «великосветских молодых людей» и взятых напрокат фраках, стоя за аппаратом, переговаривались вполголоса:

— Сегодня прибыл еще один английский крейсер... Видел?

— Видел. Что из этого толку?.. Я знаю, что...

Джутич заорал на них:

— К аппарату, черт бы вас побрал!..

Вошедший мальчик сказал:

— Мадам Ор к телефону. Срочно!

Джутич огрызнулся:

— Пошел вон!.. Некогда...

Анна Ор сказала, не поворачивая головы и не меняя выражения лица обманутой женщины:

— Джутич, я пойду: может быть, дело... Прекратите съемку...

Оператор снова перестал вертеть... Джутич сказал, махнув рукой:

— Это драма?.. Это «Звезды огненные»?.. Если бы германские режиссеры это видели — они бы сошли с ума в короткий срок. Да! Идите к телефону, вас ждет любовник, черт бы меня побрал!...

Набрасывая на плечи на ходу свое котиковое манто, Анна Ор сказала быстро:

— Это не ваше дело... Приступите к следующей сцене...

Джутич проводил ее ненавидящим взглядом... Затем он снова надел очки и приказал:

— Следующую сцену: дочь садовника, где дочь садовника, какого черта вы оделись швейцарской пейзажкой? Я от вас разрыв сердца получу, к аппарату, оператор, вертите, все равно, не отвечаю за картину, это не фильма, а этнографический музей: к черту!...

Анна Ор взяла трубку телефона и сказала своим мягким, немного глухим контральто:

— Слушаю...

.....

— Да...

.....

— Я занята на съемке... Но я очень занята!..

.....

— Хорошо. Через час.

Она положила трубку и вернулась в ателье... Джутич сказал, стараясь быть ироническим:

— Вы свободны?..

Бархатные черные глаза киноактрисы смирили его с ног до головы:

— На один час. Затем я уезжаю...

Рука Джутича безнадежно повисла в воздухе... Затем его хриплый голос отдал приказание:

— Дочь садовника, отойдите!.. Оператор — первый план: Ленский и Анна — равнодушный поцелуй, зайдите слева, я вам говорю, пленка даром не дается...

Через полчаса совершенно измученный и охрипший Джутич сказал:

— На завтра съемка четвертой части: прошу быть вовремя. Это касается всех... Иначе я вынужден буду вместо экранной звезды пригласить чистую светлую девушку с Дерibasовской. Понимаете?

Анна сказала Ленскому, смеясь заглушенным и дразнящим смехом:

— Джутич остервенел надолго: до конца съемки... Джутич, перестань, вечером в кружке будешь?...

Джутич ничего не ответил и она, быстро снова рассмеявшись, вышла...

Лицо Анны Ор, неправильное, смуглое лицо с яркими губами, внезапно стало серьезным, когда она уселась на извозчичью пролетку. Дав адрес, она откинулась и рассеянно стала глядеть по сторонам. Дважды она ответила на поклоны встречных и улыбнулась третьему... Извозчик подъехал к подъезду гостиницы «Европейская», где Анна Ор занимала номер в бельэтаже...

Швейцар сообщил, почтительно, понизив голос:

— Вас ждут...

Анна Ор сказала со своей обычной манерой, слегка кивнув головой:

— Хорошо...

Она быстро поднялась по лестнице и вошла в номер...

Сидевший на диване полковник Гаввард поднялся:

— Я жду вас десять минут...

— Я не могла раньше: съемка... Сегодня холодно...

Ее голос звучал иначе: это был голос нерешительности, сплавленной с боязнью... Полковник Гаввард помог ей снять мантию, аккуратно повесил ее и сообщил:

— У меня срочное дело...

Он говорил по-русски свободно, только слишком твердо выговаривая некоторые слоги... Анна Ор села в кресло и подняла на него глаза, немного покрасневшие от света юпитеров и грима:

— Я к вашим услугам...

Мистер Гаввард слегка наклонился к ней:

— Я должен вам сообщить, что сегодня ночью случилась крайне неприятная, крайне тяжелая история, о которой я и хочу рассказать вам...

— О, — сказала Анна Ор...

В ее голосе прозвучало беспокойство.

— Гостиница «Бристоль» находится на Пушкинской улице...

— Я знаю эту гостиницу... Я в ней жила в прошлом...

— Это неважно... В этой гостинице остановился прибывший с крайне важными поручениями из Лондона мистер Вельс. Он прибыл в пятницу вечером... В субботу, вчера...

— Вчера, — механически повторила Анна Ор...

— В субботу, вчера, его нашли мертвым в отеле, он был задушен и...

Побледневшая Анна Ор переспросила:

— И...

— И некоторые документы, которые... Одним словом, некоторые бумаги пропали...

Полковник Гаввард повторил сухо:

— Пропали...

Анна Ор спросила тихо:

— Это был грабёж?..

— Разумеется... Но не денежный, потому что денег у мистера Вельса имелась ограниченная сумма... Таким образом — это грабёж не денежный... Это политический грабёж...

Они с минуту помолчали... Затем полковник Гаввард сказал вполголоса:

— Это дело будет поручено вам...

Смуглое лицо Анны Ор побледнело...

Она спросила:

— Большевики?..

Мистер Гаввард сказал задумчиво:

— Этого я не знаю... Но некоторые данные говорят о том, что это не были большевики... Вот почему...

Его взгляд скользнул по двери и он снова понизил голос:

— Дело в том, что у нас есть сведения...

Полковник Гаввард пристально посмотрел на Анну Ор:

— Как ответственному агенту — я должен сообщить вам некоторые подробности...

Анна Ор кивнула головой...

— Дело в том, что французская контрразведка очень заинтересована в том, чтобы...

— Я понимаю, — сказала Анна Ор.

— Вот видите, мисс...

Полковник Гаввард был очень занят своими мыслями и поэтому назвал Анну Ор мисс...

— Вот видите, мисс, мне лично, это, конечно, ни на чем не основано, мне лично кажется, что этот грабеж совершен не без ведома французов, потому что документы, украденные из номера убитого мистера Вельса, оченьгодились бы французскому правительству на Версальской конференции в качестве компрометирующих нас, британцев, документов... И считая...

Полковник Гаввард сухо поклонился:

— И считая вас наиболее подходящим агентом — я поручаю это дело вам... Я считаю...

Анна Ор сказала медленно, ее голос немного дрожал:

— Значит... значит...

Полковник Гаввард кивнул головой:

— Да... Это будет вам оплачено особо, как важное дело... Дело, несомненно, большой трудности...

Она сказала с трудом:

— Я обязана это сделать... Я обязана...

Мистер Гаввард посмотрел на киноактрису и сухо ответил:

— Мне, нам хотелось бы, чтобы это было проведено в кратчайший срок...

Через десять минут полковник Гаввард, уходя от Анны Ор, кратко сказал в коридоре поджидавшему его ординарцу:

— Обратно, в комендатуру...

Анна Ор осталась одна в номере... Она автоматически подошла к зеркалу, поправила густые, иссиня-черные волосы. Затем несколько раз прошла из угла в угол... И внезапно бросилась ничком на постель... Она пролежала на постели совершенно неподвижно в течение двух часов и только плечи ее изредка вздрагивали...

И когда Ленский, киноактер, постучал в дверь, он не узнал голос Анны Ор:

— Кто там?..

— Анна, к тебе можно?..

— Можно, — сказала Анна Ор, приподнимаясь... Ее лицо было бледно и черные глаза воспалены...

Ленский вошел и моментально схватил зорким взглядом бледность актрисы:

— Нездоровится? Неприятность?.. — быстро спросил он...

Она подняла на него глаза и покачала головой:

— Нет... Немного глаза разболелись от света юпитеров... Ты оттуда?

Он присел на кровать и обнял ее:

— У тебя, правда, никаких неприятностей?..

Она снова покачала отрицательно головой...

Затем, после нескольких поцелуев, на этот раз не кинематографических, Анна Ор сказала тихо:

— Женя, уедем отсюда...

Ленский сказал с улыбкой:

— Как только закончим «Звезды огненные»... Я увезу мою Ню в Италию, нам выдадут паспорта, мне обещали.... Ставни можно закрыть?...

Тоска прозвучала в голосе Анны Ор, когда она сказала тихо и покорно:

— Можно...

* * *

Перед полковником Гаввардом стоял человек ничем не замечательной внешности... Его можно было бы принять за крупье клубной рулетки или маклера от Робина, если бы не странный, пристальный и настойчивый взгляд, который притягивал внимание.. Жидкие волосы этого человека были тщательно причесаны, разделены аккуратным пробором...

Мистер Гаввард сухо и корректно сказал:

— Я слушаю ваше дело...

Быстро и совершенно по-воровски человек сказал:

— Нас никто не слышит?...

Полковник Гаввард ответил с достоинством британца:

— В здании британской комендатуры можно говорить не боясь.. Я вас слушаю...

Пристальный взгляд человека снова обежал всю комнату и снова остановился на полковнике Гавварде:

— Я могу сообщить некоторые подробности о мистере Вельсе....

Мистер Гаввард пытался изучить неизвестного посетителя. Это ему не удалось... С некоторой досадой он сказал:

— Я вас слушаю...

— Мистер Вельс был убит в субботу....

— Вчера, — сухо подтвердил полковник...

— Некоторые вещи, бывшие с мистером Вельсом, пропали...

— Об этом мне ничего не известно, — осторожно сказал полковник Гаввард...

— Я понимаю: газетам даже запрещено сообщать об этом убийстве... Но я знаю некоторые подробности...

Неожиданный вопрос заставил его вздрогнуть:

— Кто вы, собственно, такой?..

Но он оправился быстро и, поклонившись, сказал:

— Старший конторщик гостиницы «Бристоль»...

— А... — сказал полковник Гаввард... Он сделал жест рукой по направлению двери:

— Пройдите сюда. Мы поговорим там...

Через полчаса полковник Гаввард, пропуская вперед конторщика гостиницы Бристоль, сказал ему с обычной своей суховатой манерой:

— Мы оплатим вам полностью, если ваши показания подтвердятся. До тех пор вы можете не являться...

Не ответив на поклон конторщика, полковник Гаввард вызвал помощника:

— Стильби, справка в контрразведке об этом...

Он протянул помощнику бумажку...

Затем полковник Гаввард закурил папироску... История с убийством Вельса была ему крайне неприятна... Это, во-первых, была неприятность по службе: он, комендант оккупированного города, был в сущности ответственен за то, что в городе был убит чиновник британского министерства, прибывший с ответственным поручением. Во-вторых — эти документы...

По лицу полковника Гавварда пробежала гримаса... Затем оно стало снова холодным и корректным: помощник вернулся... Он доложил вполголоса полковнику Гавварду...

Полковник с минуту подумал... Затем сказал:

— Стильби, арестовать этого человека немедленно... Согласовать с контрразведкой... И никакого шума... Понимаете?..

Стильби сказал:

— Слушаю, сэр...

Он вышел. Полковник Гаввард проводил его взглядом, бросил папиросу и сказал:

— Служба в Индии — десять лет. Фронт — три года. И все это на карту из-за этого...

Полковник Гаввард стиснул зубы:

— Проклятая страна: хуже Пенджаба!..

Вошедший ординарец сказал:

— Командир Томсон с «Адмирабль»...

— Пропустить...

И полковник Гаввард поднялся навстречу Томсону:

— Артур, мне приятно встретить старого товарища. Вы помните Калькутту?..

— Рад видеть Гавварда... Как дела?..

— «Адмирабль» на рейде?..

— Да...

— Кто-нибудь прибыл?..

— Один русский офицер...

— Мы пройдем ко мне... Сюда, направо...

Следуя за Гаввардом, командир Томсон сказал:

— Чертовски скучный, кажется, город, Гаввард?..

Не оборачиваясь, полковник Гаввард сказал:

— Проклятый город: хуже Пенджаба... Кофе готово!..

ГЛАВА 4

Люди, действовавшие от имени Британии и Франции на побережье Черного моря в 1920 году, были подобны человеку, употребляющему все усилия для того, чтобы заткнуть носовым платком кратер вулкана и приостановить извержение. Этим людям дано было задание всеми усилиями, доступными им, держаться на этом побережье и они делали это...

Они поддерживали добровольческое командование, своры офицеров бывшей императорской армии, хорошо зная, что это банды привилегированных убийц... Они поддерживали зеленое движение, стан дезертиров, действовавших в окрестностях городов, и только в тот момент, когда эти банды угрожали городам — принимали некоторые меры... Германские войска получили разрешение возвратиться на родину с оружием в руках в том случае, если они разобьют угрожавшие городу банды зеленых...

Цветные войска, британские, греческие и французские войсковые части несли сторожевую службу в городе... И все эти люди ходили по поверхности бурлящего и готовящегося к извержению вулкана, по тонкой искусственной поверхности, под которой уже гудело, содрогалось и готовилось извержение... Ибо рабочие массы оккупированного района уже поняли, что только вооруженным восстанием можно избавиться от той накипи спекулянтов, оккупантов, офицеров, тысяч и тысяч паразитов, облепивших Одессу, как моллюски облепляют корму погрузившегося в воду корабля...

Город, центр города, жил в горячечном состоянии... Балы, маскарады, ночные кабаре, десятки клубов, театры легкого жанра, иностранцы, прокучивающие удешевленные ставки жалованья в оккупированной местности, разжиревшие на трупах спекулянты, тысячи дельцов, сотни шпионов и десятки трупов, нараставшие на улицах за ночь как

жуткая плесень... Кем были эти убитые ночью люди — трудно было разгадать...

Но каждое утро на улицах находили десятки трупов.

Предмесьтя города, рабочие районы молчали, контрразведка Деникина действовала здесь всюду, почти в каждой рабочей семье не досчитывались брата, мужа, отца... И это молчание рабочих районов больше всего пугало командование как добровольческой армии, так и оккупационных властей: ибо за этой грозовой тишиной таилось то самое извержение вулкана, которого смертным страхом боялись люди из центра...

Англичане и французы тратили огромные суммы, баснословные количества фунтов и франков на шпионаж и контрразведку, на поддержку белых и зеленых. На поддержку тысяч бандитов, состоявших на службе одновременно у британцев, у французов и у белых. Ибо британское командование принимало все меры к тому, чтобы влияние Британии превалировало над влиянием Франции. А французское командование делало то же самое...

Закончившие схватку на западном фронте хищники готовились к разделу Ближнего Востока и побережья Черного моря и уже оскалились друг на друга... Патриотическая печать, желтая пресса всего мира пела гимны единению союзников, но уже проскальзывали инспирированные министерствами иностранных дел заметки о расходящихся интересах на Востоке... Армии еще стояли под ружьем, только что начиналась демобилизация и штыки миллионов созданных на бойню еще могли быть использованы против вчерашних друзей.

Неслыханное преступление, в которое обманом были втянуты миллионы людей, продолжалось.

Полковник Гаввард, просматривая утром газеты, скалз сквозь зубы ночевавшему у него командиру крейсера «Адмираль» Артуру Томсону:

— Снова двадцать трупов на улицах. Это повторяется каждую ночь.

Артур Томсон стряхнул пепел со светло-серой пижамы и спросил:

— Бандиты?..

— Контрразведка. И, кроме того, из рабочих районов... И, кроме того, провокаторы. И, кроме того, солдаты... И кроме того... — мистер Гаввард махнул рукой...

Мельком просмотрев четвертую страницу, он сказал:

— Томсон, сегодня вечером маскарад... Мы должны быть там по многим соображениям... И, главным образом, из-за того, что французское командование будет там, конечно... Это полковник Маршан, продувной тип...

Томсон переспросил:

— Маршан, это знакомая фамилия?.. Он дрался на каком фронте?

— Он был в Сирии, с оккупационными войсками... Кажется...

Томсон сказал:

— О... Я помню его... Это действительно бестия... Я высадил десант, человек сто, в пяти милях от мыса и эта бестия предала нас Муджехему, вождю повстанцев... Мне в голову не могло прийти, что полковник французской армии, наш союзник может... Это было дело при Деир-Эль-Камаре, черт побери... Короче говоря: я вернулся на борт крейсера с сорока людьми из сотни... И что всего пикантней...

— Ну? — спросил Гаввард, закуривая...

— Что этот самый Маршан принес мне чувства искреннего соболезнования от имени французского командования... Честное слово, это было дело почище восстания в Пенджабе, помнишь?.. Я едва унес ноги... Но с Муджехом и Ибн-Фессалом я все-таки успел разделаться позже: это стоило мне всего одного сублейтенанта и двадцати матросов... И в кармане Муджехема мы нашли, думаешь, что именно?.. Дружественное письмо полковника Маршана, сообщающее о передаче двух пулеметов Льюиса и сотни винтовок этой банде.

Гаввард сказал с некоторым интересом:

— Ты поставил в известность наше командование?

— Конечно! Мне ответили, что это надо замять, потому что...

Томсон рассмеялся...

— Потому что? — переспросил Гаввард...

— Потому что весьма возможно, что у полковника Маршана имеются контр-документы... Черт побери, Сити торгует даже во время войны пулеметами и пулями дум-дум...

Полковник Гаввард сказал задумчиво:

— Вот с этим самым Маршаном и придется иметь дело... И я сильно подозреваю, что этот бедняга Вельс отправился к праотцам именно при содействии полковника Маршана...

— Очень возможно...

— Я делаю все, чтобы выяснить это... Во всяком случае — картина ясна, речи в Версале, торжественные речи о братском единении двух великих народов...

— Блеф, — сказал с коротким смешком Томсон...

— Именно... И здесь, в Одессе, я хочу сказать, в России, мы воюем не только с восставшим народом, но, главным образом, с французами.

Артур Томсон обернулся к Гавварду.

— Но... в таком случае у Маршана в руках находятся все документы из портфеля этого несчастного Вельса?

Гаввард кивнул головой:

— В этом вся штука... Мы должны вбить ему гол, иначе он наделает неприятностей... Парижская пресса, ты понимаешь?..

Томсон сказал, нахмурясь:

— Я понимаю... Неприятное дело...

— Очень.. Я принимаю все меры...

— Агентура?

— Да.

Поднявшись со стула и потягиваясь, командир Томсон сказал:

— Гаввард, я поеду на борт... Вечером буду у тебя...

Гаввард кивнул головой:

— Обязательно... Мы будем на маскараде... Ты увидишь любопытное общество, черт побери.. Здесь танцуют до утра, не зная, будут ли живы к вечеру.. Потому что деникинская разведка свирепствует.

— Это не наше дело...

— Нет, это наше дело...

Они оба улыбнулись: это был настоящий юмор в стиле Диккенса, только менее человечный... Юмор меняется с временами, и юмор полковника Гавварда был изрядно спрыснут кровью, пролитой в Пенджабе, Аргоннах и здесь в Одессе, через посредство контрразведки...

Полковник Гаввард занялся делами... Стильби доложил вновь об арестованных и Гаввард поморщился: ему смертельно надоело видеть людей, приговоренных заранее к смерти...

— Передавайте их русской контрразведке, — сказал он коротко, — за исключением тех, которые ведут агитацию в войсках Британии.

— Слушаю, сэр...

— И, кроме того, запомните, Стильби, что мы здесь исключительно для охраны британских интересов, понимаете?..

— Но, сэр...

— Никаких возражений.

— Слушаю, сэр..

За дверью Стильби тихо выругался: охрана британских интересов сводилась все-таки, по его мнению, к довольно странным проявлениям!... Но майор Стильби был солдат с выслугой: он повиновался молча, не рассуждая...

Когда в полной парадной форме командир Томсон и полковник Гаввард прибыли в кабаре «Арлекин», там было веселье в разгаре. Подбежавший распорядитель в три погребели согнулся перед британцами...

— Столик готов для господина полковника...

Гаввард кивнул головой снисходительно: в Одессе он чувствовал себя приблизительно так, как в Индии... Только несколько настроенней.

Они уселись за столиком, бутылка французского шампанского очутилась на столе как бы по мановению волшебника... С эстрады довольно толстая особа пела французскую шансонетку:

— Мадлен, Мадлен...

С усмешкой Томсон сказал Гавварду:

— Это французская ориентация, черт побери!..

Гаввард пожал плечами:

— Она сейчас будет петь «Типперери»... «Мадлен» для Маршала, вон он сидит за столиком в правом углу, «Типперери» для нас: здесь угождают всем...

Томсон пристально посмотрел на Маршана:

— Конечно, это он.. Черт побери, этот человек стоил мне полусотни отборных людей.. Я с удовольствием свернул бы ему голову...

— Все в свое время, — проворчал Гаввард...

Толстая особа с эстрады запела:

— Ах, далеко ли до Типперери...

— Ты видишь, — сказал Гаввард, усмехаясь...

Полупьяный человек во фраке вылез на эстраду и хриплым голосом закричал:

— Здесь присутствуют наши друзья, представители Великобритании. Предлагаю крикнуть «ура» в честь наших друзей, помогающих нам в борьбе против большевистских насильников. Ура!..

Несколько хриплых голосов из зала ответило:

— Ура!..

С безразличной улыбкой полковник Гаввард поклонился, встав. Томсон отметил недовольное выражение лица полковника Маршана, полуобернувшегося в этот момент...

Гаввард, снова сев, сказал вполголоса:

— Представитель кадетской партии, адвокат и бывший министр. Получает жалованье от французов и от нас одновременно.. Но стоит недорого, у него скромные запросы...

Томсон сказал с любопытством:

— Ты знаешь кого-нибудь здесь?..

— Конечно.. Я назову тебе некоторых... Вон там, в углу с двумя дамами, бывший председатель государственной думы и помещик, один из самых крупных в России. Его имени равны по площади Шотландии... Там теперь свирепствуют большевики и он мечтает о восстановлении крепостного права...

— А вот те две дамы?..

— О... — сказал Гаввард, улыбаясь, — не пугайся: светлейшая княгиня Ливен и графиня Орлова... С ними князь Воронцов, один из знаменитых Воронцовых... Но этот замечателен только тем, что успел повесить около пятидесяти человек собственноручно: он в контрразведке...

— Очень милая компания...

— Что делать, нам приходилось бывать и в худших: помнишь убийцу губернатора Крисби, мы с ним провели десять вечеров до того момента, пока установили его причастность к убийству... После этого я отправил его на виселицу непосредственно от ресторанного стола...

В этот момент к ним подошел полковник Маршан, представитель французского командования...

Этот человек с профилем лисицы, с небольшими коротко подрезанными усами и висками с проседью, с тремя нашивками на рукаве военного мундира защитного цвета — был очень похож на насторожившуюся кошку...

На прекрасном английском языке он приветствовал британцев:

— О, старые друзья, командир Томсон... Я рад приветствовать вас здесь.

Обратясь к Гавварду, он сказал:

— Я знаю мистера Томсона еще по Сирии...

— Я знаю, — ответил Гаввард с еле заметной иронией...

Он прибавил:

— Вы присядете к нам, полковник?..

— С наслаждением... Я немного устал от слишком пылко выражаемых здесь дружественных чувств... Эти русские ни в чем не знают меры...

— Ну, они стоят недорого, по крайней мере эти...

Полковник Маршан посмотрел на Гавварда:

— Но какие женщины, какие женщины у этих русских...

Например...

Он сделал паузу.

— Например, эта актриса, Анна Ор... Великолепная брюнетка, командир... Почему-то я не вижу ее здесь сегодня...

Гаввард отвел глаза от чересчур пристального взгляда француза:

— Она, вероятно, будет... Да, красивая женщина...

Веселье становилось все более шумным... Два пьяных офицера требовали исполнения «Боже, царя храни» и оркестр заиграл его... В зале все поднялись, кроме британцев и Маршана...

— Это не обязательно, — сказал Маршан, выпивая немного шампанского из бокала...

— Вот она идет, — сказал коротко Гаввард...

— Кто? — переспросил полковник Маршан...

Он обернулся и увидел шедшую в проходе между столиками Анну Ор...

Глаза Маршана заблестели...

— Красивая женщина, — повторил он, прищелкнув языком...

Полковник Гаввард, встав, пригласил актрису к столу... И, представляя ее, сказал коротко:

— Известная киноартистка госпожа Ор, полковник Маршан, командир Томсон, мои друзья... Вы сегодня очаровательны, миледи...

Анна Ор непринужденно села, слегка отбросив горностаевый палантин, оттенявший ее бархатные черные глаза и смолистые волосы, густой короной лежавшие вокруг белого лба.

На хорошем французском языке она сказала:

— Полковник Маршан, мы уже с вами были знакомы... Я была у вас по делу...

Полковник Маршан удивился:

— Я не помню этого, мадам...

— Это было на прошлой неделе... Но вы могли не заметить меня в толпе посетителей...

Командир Томсон сказал:

— Вряд ли месье Маршан, такой знаток женщин, мог пропустить такую прекрасную женщину...

Анна Ор наклонила голову:

— Я очень вам благодарна, командир...

Ее взгляд скользнул по полковнику Гавварду и снова она обратилась к Маршану:

— Между тем мы, бедные русские женщины, так инте-

ресуемся доблестными французскими воинами... Нашими союзниками, полковник, в борьбе против общего врага...

— Против тевтонов?—спросил Маршан...

— О, не только... Вы ведь знаете, что я хочу сказать...

Командир Томсон, не видевший женщины восемь месяцев, все время пребывания на борту крейсера, испытал чувство досады: эта красивая женщина обращалась главным образом к этой бестии, Маршану...

Он сказал, вмешиваясь в разговор:

— А мы, бедные британцы, не заслуживаем внимания прекрасных женщин России?...

Он не услышал ответа Анны Ор, так как Гаввард придал ему ногу под столом с такой силой, что чуть не отдал палцы.

И, посмотрев в глаза Гавварда, Томсон понял...

— Агентура, черт побери, — подумал он, глядя на эту красивую и нарядную женщину. — Молодчина Гаввард, он не дремлет... Но, в таком случае...

— В какой фильме будем мы иметь наслаждение видеть миледи в ближайшее время?...

Анна Ор оборвала разговор с Маршаном:

— «Звезды огненные». Эта фильма снимается уже два месяца... Она скоро будет закончена...

Она поднялась сказав:

— Я вынуждена покинуть вас. Завтра съемка и мне рано надо встать...

Полковник Маршан приподнялся и сказал со всей доступной ему галантностью француза:

— Мадам разрешит мне отвезти ее?...

— Пожалуйста, — сказала Анна Ор...

Ее взгляд опять скользнул по Гавварду...

Когда они удалились — Томсон сказал:

— Ты должен был меня предупредить, Чарли... Мои пальцы до сих пор болят... Конечно, агентура... Я бы никогда не подумал...

Полковник Гаввард проворчал, расплачиваясь с лакеем:

— Один из лучших наших агентов... Стоит много денег, но зато работает безупречно... Это — удочка для этой бес-

тии... Но она тебе понравилась?..

— Красивая женщина, — сказал с сожалением Томсон

— Здесь много красивых женщин... Хочешь, я познакомлю тебя вон с тон певицей... Бывшая любовница великого князя, мой дорогой...

— Нет, — сказал упрямо Томсон...

Внезапно он раскланялся, отвечая на поклон русского офицера в гусарском доломане...

— Мой пассажир, — сказал он Гавварду...

Офицер подошел и был представлен Гавварду:

— Сергей Казарин...

Казарин щелкнул шпорами... Он был явно не в духе, его серые глаза щурились на свет, черные волосы слегка растрепались...

— Вы едете домой, сэр?.. — спросил он у Томсона...

— Мой дом далеко, в Шотландии, — ответил, смеясь, Томсон... — Я живу у полковника Гавварда, чтобы не ездить на крейсер...

— А, — сказал Казарин...

Его взгляд обежал весь зал, ни на чем не останавливаясь...

— Вы получили назначение? — спросил Томсон, чтобы что-нибудь сказать...

— Да, — ответил Казарин... И, поклонившись, добавил:

— Мистер Гаввард, мы будем часто встречаться, я назначен для связи с британским командованием...

— Очень рад, — сказал Гаввард холодно...

Казарин сказал, неожиданно улыбнувшись:

— Я не очень буду надоедать полковнику... Моя должность не сложна...

Его улыбка не понравилась Гавварду: это была улыбка такой иронии, которую Гаввард предпочитал видеть на британских лицах.

— Я очень рад, — повторил он...

Сергей Казарин снова щелкнул шпорами... Затем, отходя, он прибавил:

— Мы еще увидимся, полковник?..

— Ты привез его сюда из Константинополя? — спросил Гаввард, усаживаясь в автомобиль...

— Да, — ответил Томсон, — по приказу комендатуры... Генерал Лэнноу приказал его доставить в Одессу...

— Вот как... И он быстро получил назначение... Впрочем — он владеет хорошо английским языком, а этого достаточно... Мы поедem ко мне?..

— Конечно...

Гаввард сказал шоферу адрес и, откинувшись, добавил:

— Если Маршан не попадетcя на удочку... Годдем, мне придется принять более решительные меры...

Томсон ответил:

— Я с наслаждением был бы твоим орудием...

Гаввард пробормотал что-то неразборчивое...

Анна Ор ехала в закрытом ландо полковника Маршана. Она откинула назад голову и рассеянно слушала комплименты Маршана.

Затем неожиданно сказала:

— Полковник, вы давно назначены в Одессу?...

Маршан удивился:

— О... всего только месяц... Я заместил заболевшего Оршена... Но мадам, вероятно, знает...

Низкое контральто Анны Ор явно волновало полковника Маршана.

Когда автомобиль подъезжал к гостинице, он спросил очень учтиво:

— Мадам разрешит мне навестить ее?...

— Пожалуйста...

— Когда мадам разрешит?..

В полутьме автомобильного купе глаза Анны Ор блеснули... Она сказала, наклонясь к Маршану:

— Полковник, я всегда буду рада видеть вас у себя... Если вы не очень устали — у меня есть ликер... Кофе нам подадут, я надеюсь, из ресторана... Я буду очень рада...

Запах сладких духов опьянил, казалось, полковника Маршана... Он сказал неровным голосом:

— Я счастлив, мадам...

Он помог ей выйти из машины и приказал шоферу прие-

хоть за ним через час...

Поднимаясь за Анной Ор по лестнице гостиницы, полковник Маршан имел вид человека, решающего в уме сложную задачу...

В номере Анна Ор сказала:

— Располагайтесь, полковник... Я сейчас прикажу подать кофе...

Она ушла в соседнюю комнату двойного номера... Полковник Маршан, сидя на мягком диване, продолжал решать в уме ту же задачу...

Когда двадцать минут спустя он сидел против Анны Ор за маленьким столиком, на котором стоял кипящий кофейник и ликер, его лицо все еще продолжало сохранять напряженное выражение.

Мягкое низкое контральто Анны Ор ласкающими звуками прозвучало в этой комнате, видевшей многое, в номере гостиницы:

— Полковник, еще ликера?..

Взгляд полковника скользнул по смуглому плечу Анны Ор, выступившему из белого пеньюара... Его лицо неожиданно просветлело: задача почти была решена...

Когда час спустя он ласкал пальцами черные волосы Анны Ор, лежавшей на диване, его голос стал тверже и уверенней...

Неожиданно он сказал:

— Для меня не секрет, что ты состоишь на службе у Гавварда...

Анна Ор резко обернулась к нему: она действительно была удивлена...

— Вот как, — сказала она...

— Да... Говорят, что одновременно ты — его любовница... Этого я не...

— Нет, — сказала Анна Ор с отвращением...

Полковник Маршан поднялся и его голос прозвучал официально:

— Сударыня... От имени французского командования я предлагаю вам службу иного рода... Французское командо-

вание примет все меры, чтобы эта служба оплачивалась не только не хуже...

— Но лучше, — резко сказала Анна Ор. — Полковник, вы трезвый человек, вы предпочитаете, чтобы ваши любовницы оплачивались из средств французского казначейства... Это похвально; можно поручиться, что более практического человека, может быть, не найдется в войсках оккупационной зоны... Но...

Анна Ор стиснула зубы:

— Я отказываюсь, полковник... Я не агент разведки, я только актриса...

Полковник Маршан недаром был прозван «лисицей Маршаном»... Его тон изменился сразу... Пальцы полковника Маршака, только что ласкавшие тело актрисы, очень ловко вынули из бокового кармана небольшой кожаный портфель... Из портфеля появилась на свет небольшая бумажка... С лисьей улыбкой — одновременно вежливой и наглой — полковник Маршан показал Анне Ор документ:

— Дорогая, вы напрасно стараетесь ввести меня в заблуждение...

Порывистым жестом она попыталась выхватить бумажку, но полковник Маршан не спеша спрятал ее в портфель и наклонился опять к ней:

— Итак, дорогая?..

— Я согласна.

— Это гораздо лучше, — сказал полковник Маршан с облегчением...

— Мои обязанности? — резко спросила женщина...

Полковник Маршан объяснил это, не спеша... Он налил немного ликера в рюмку и, процеживая его сквозь зубы, объяснил:

— Английское командование должно быть уверено в том, что вы продолжаете состоять у него на службе...

— То есть — полковник Гаввард? — спросила Анна Ор...

— Да... Потому что британское командование не знает ничего о нашей контрразведке... То есть, почти ничего...

В голосе полковника Маршана прозвучало самодовольное удовлетворение...

Анна Ор, пристально глядя на него, спросила:

— Вы в этом уверены?..

Кровь слегка прилила к седым вискам полковника Маршана.

— Мне сорок пять лет... Из них пятнадцать лет службы в разведке... Я достаточно опытен...

— Возможно, — тихо сказала Анна Ор...

Минута молчания... Анна Ор сказала:

— Я слушаю вас, полковник...

Полковник Маршан продолжал:

— Это сложная работа... Но вы, вероятно, достаточно опытни... Вы давно...

Анна Ор приподнялась с дивана:

— Полковник — я не профессиональная шпионка... Я...

Легкий жест Маршана остановил ее:

— Я это прекрасно знаю... Но вы служите у Гавварда...

Он приостановился, припоминая:

— Около пяти месяцев... И ваша работа достаточно плодотворна, дорогая... Я надеюсь, что и нам вы будете служить так же...

— Двойной шпионаж, — тихо сказала Анна Ор...

Полковник Маршан снисходительно улыбнулся:

— Пустяки... Вы будете служить Франции и, косвенно, России... Не той, большевистской, ужасной России, но прежней, вы понимаете... Франция — искренний друг России...

— А если английское командование узнает и меня... Что тогда?..

Полковник Маршан развел руками:

— Оно не должно узнать...

— Но если?..

Голос полковника Маршана прозвучал неподдельным сожалением:

— Будет очень печально. Очень, очень прискорбно... Ибо британцы не пожалеют даже такой красивой женщины: они очень сухи, британцы.

— Перестаньте шутить, — резко сказала Анна Ор — ее черные глаза сверкнули бешенством. — Французское командование примет меры к моей безопасности?..

— В пределах возможности, — сказал полковник Маршан рассудительно... Лисья улыбка снова заиграла в углах его губ...

— В пределах возможности, потому что в оккупационной зоне очень трудно ручаться...

Анна Ор молчала... Полковник Маршан оценил беглым взглядом красоту густых черных волос на белом пеньюаре и смуглую кожу плеча... Он хотел прикоснуться к ней губами.

— Не надо, — тихо сказала женщина...

Полковник Маршан выпрямился:

— Я должен ехать. Итак...

— Да. Потому что иного выхода нет...

С удовлетворением Маршан подтвердил:

— Вы — рассудительная женщина... Спокойной ночи, моя дорогая...

Спускаясь по лестнице вниз, он щелкнул пальцами и сказал:

— Прекрасная любовница и великолепный агент. Полковник Маршан, поздравляю вас с успехом...

В купе автомобиля он повторил:

— Полковник Маршан, поздравляю вас... Гаввард, черт побери, теперь вы должны держаться крепко, потому что...

И он снова щелкнул пальцами...

ГЛАВА 5

Конторщика гостиницы «Бристоль», бывшего с кратковременным визитом у полковника Гавварда, арестовали по ордеру контрразведки и отвезли в помещение, охранявшееся чернокожими солдатами. Все способы культурного воздействия на конторщика Василия Остроухова были использованы: его били шомполами, таскали за волосы, майор Стильби применил даже способ, который с успехом пользовал для индийских повстанцев: втыкание иглол под ногти. Конторщик Остроухов продолжал утверждать то же самое, что сообщил полковнику Гавварду. А именно: в ночь убийства в гостинице «Бристоль» британского подданного, коммерческого агента Вельса, он, конторщик Остроухов, видел проскользнувшую к выходу тень... Эта тень была в форме английского офицера, в плаще защитного цвета и конторщик Остроухов утверждал, что если ему будут предъявлены все офицеры одесского гарнизона, состоящие на британской службе, он сумеет указать убийцу...

Полковник Гаввард сумрачно выслушал доклад Стильби по этому поводу...

Помолчав, он сказал:

— Нам необходимо доказать, что Вельс был убит французами. Продолжайте допрос.

Стильби сказал коротко:

— Слушаю, сэр...

Однако вырвать новые показания у конторщика Остроухова не удалось: во время допроса конторщик Остроухов скончался, вызвав проклятие у Стильби...

Полковник Гаввард был раздосадован несвоевременной смертью упрямого конторщика. Поручик Сергей Казарин, находившийся в здании британской комендатуры, услышал за дверью, как полковник Гаввард сказал раздраженно Стильби:

— Вы разучились допрашивать, Стилби... В Индии я поручал вам допросы и они продолжались, бывало, по две недели...

Стилби сказал сумрачно:

— То были индусы, сэр, крепкий народ... А это конторщик, просидевший всю жизнь за счетами... Слабый человек, сэр...

— Можете идти, — ответил Гаввард.

Круто повернувшийся Стилби был снова остановлен:

— Стилби, мы продолжаем расследование...

— Слушаю, сэр...

Стилби вышел из кабинета Гавварда в плохом настроении. Поручик Казарин спросил холодно и равнодушно:

— Мистер Гаввард может меня принять?..

— Да, — буркнул Стилби, хлопая дверью.

Полковник Гаввард предложил Казарину сигару и сказал:

— Мистер Казарин, я попрошу вас довести до сведения добровольческой разведки следующее: если в течение трех дней убийца британского подданного Вельса не будет найден — я приму иные меры...

Холодный пристальный взгляд стальных глаз Казарина действовал раздражающе на полковника Гавварда, но этот русский был особо рекомендован британскому командованию командующим всеми британскими силами на Ближнем Востоке — эта рекомендация лежала в секретных делах полковника Гавварда и поэтому он был корректен и вежлив....

Казарин наклонил голову:

— Слушаю, сэр...

Полковник Гаввард, покончив с официальной частью, сказал, выпуская сигарный дым:

— Говорят — вы провели вчера вечер с киноактрисой Анной Ор, красивая женщина, не правда ли?..

Лицо Казарина не выразило ничего, что могло бы остановить внимание мистера Гавварда. Он кивнул головой:

— Очень..

— И пользуется большим успехом у мужчин?..

— Может быть...

— Мне говорили, например, что госпожа Анна Ор провела несколько приятных часов с полковником Маршаном, представителем французского командования...

Легкая улыбка пробежала по лицу Казарина, по гладко выбритому, бесстрастному лицу этого поручика, состоящего на службе у британской комендатуры... Он посмотрел на Гавварда:

— Слухи, сэр, разнообразны и не всегда верны... Утверждают, например, что в судьбе госпожи Ор принимает также участие и один из видных представителей британского командования... Быть может, не верно ни то, ни другое...

— Да, — неопределенно протянул полковник Гаввард...

Он подумал:

— Он достаточно хорошо осведомлен. Но, конечно, сути он не знает... Он думает, что Анна Ор была моей любовницей... Пусть так...

Он поднялся, сказав официальным тоном:

— Итак, мистер Казарин, мое поручение будет исполнено.

— Слушаю, сэр...

Полковник Гаввард посмотрел вслед вышедшему Казарину. Смутное подозрение шевельнулось где то глубоко, в подсознательной сфере полковника Гавварда... Но в эту минуту вошел Томсон.

— Алло, Гаввард, — сказал он, сбивая приставшую пыль на крагах стеком. — Как дела?..

Полковник Гаввард ответил неопределенно:

— По-прежнему, Томсон, сегодня придется собрать небольшое совещание представителей оккупационных властей... В том числе и полковника Маршана...

Томсон пожал плечами:

— Если это нужно...

— Очень...

Они помолчали... Затем Гаввард сказал сухо:

— Ты будешь присутствовать как представитель британского флота...

Томсон еще раз пожал плечами.

Совещание, собранное полковником Гаввардом, состоялось в пять часов вечера. Это было строго секретное совещание и, кроме полковника Маршана, представителя французского командования, полковника Гавварда, командира «Адмирабля» Томсона, присутствовал только итальянец Джулио Спинелли, причисленный военным наблюдателем к штабу Гавварда. Ни греческих представителей, ни представителей деникинцев на совещании не было.

Полковник Маршан со свойственной ему лисьей манерой начал издалека... Он довел до сведения своих слушателей, что на французских судах, стоящих на одесском рейде, дисциплина образцовая.

— Героические моряки Франции несут свой долг по-прежнему стойчески, — сообщил полковник Маршан...

Но из последующих сообщений полковника выяснилось, что за последнее время на судах французской эскадры распространяются неизвестно кем некоторые прокламации, могущие иметь чрезвычайно вредное влияние на героических моряков французского флота...

— Эти прокламации, — сказал Маршан, — напечатаны на гектографе и составлены на великолепном французском языке, очевидно, лицом, владеющим прекрасно этим языком...

Полковник Гаввард насторожился:

— Имеются ли какие-нибудь подозрения?..

— Арестованы три моряка, у которых были найдены прокламации, утверждают, что они нашли их на палубе...

— На палубе?..

— Да. Во время утренней уборки палубы.

Наступила пауза.

Полковник Гаввард сказал:

— Как представитель союзного командования, я рекомендую вам, полковник, меры сугубой осторожности... Не надо забывать...

Он подчеркнул:

— Что большевистские агенты принимают все меры к тому, чтобы на судах союзного флота...

Полковник Маршан прервал его:

— Я знаю это... Но дело в том, что некоторое расследование, предпринятое нами, наводит на мысль о противоположном...

Полковник Гаввард удивился:

— Противоположном?..

— Да. Дело в том, что часть этих прокламаций была найдена в кафе, посещаемом исключительно моряками британского военного флота... И кроме того...

— И кроме того? — спросил побагровевший Гаввард...

— И кроме того, показания одного из наших арестованных свидетельствуют о том, что прокламации были переданы ему на берегу лицом, переодетым в...

Полковник Маршан любил эффекты... Он выдержал паузу:

— В обмундирование военного моряка британского флота...

После минуты тягостного молчания полковник Гаввард заверил полковника Маршана, что им будут предприняты строжайшие меры к выяснению этого печального инцидента. Он еще раз посоветовал полковнику Маршану меры сугубой осторожности...

— Опасная работа здесь, на побережье... — сказал итальянец.

Совещание пришло к определенным выводам и разошлось...

Выходя, полковник Маршан встретился с входившим Казариным и раскланялся с ним...

— Этот молодчик мне не нравится, — сказал он самому себе... Он познакомился с Казариным у Анны Ор, и тот ему не понравился сразу.

Но на всякий случай полковник Маршан улыбнулся Казарину самой своей дружеской и самой хитрой улыбкой: он предпочитал быть ласковым с окружающими...

Однако полковника Маршана ждали еще некоторые неприятности.

По приезде домой ему было доложено опять о найденных на судах французской эскадры прокламациях...

Докладывавший, молодой лейтенант, утверждал, что в данном случае французское командование имеет дело с очень сильной организацией и что...

— Господин полковник, я начинаю подозревать, что лица, распространяющие прокламации, находятся среди нас...

Полковник Маршан смерил взглядом лейтенанта...

— Какие у вас доказательства?..

Молодой лейтенант покраснел, но ему хотелось выслужаться. Он сказал:

— Прокламации, найденные на «Жанне д'Арк», были найдены в трюме. В трюм, господин полковник, имели вход только люди экипажа.

— Вот как, — сказал полковник Маршан...

Он подумал.

— Хорошо, примите все меры предосторожности, лейтенант. И если вам удастся найти виновников — вы будете повышены по службе.

Счастливый лейтенант откланялся...

Полковник Маршан несколько раз прошелся по комнате; затем он велел себе подать автомобиль.

* * *

Режиссеру Джутичу не хватало голосовых связок. Охрипший от крика, он сказал:

— Два часа, а Анны Ор нет...

Ленский, стоявший рядом, сообщил:

— Она сейчас приедет...

— Приедет! — крикнул Джутич. — Я жду три часа, съемка не может идти.

Совершенно осатанев от бешенства, он прибавил:

— Когда спят одну ночь с британцем, другую ночь с французом — некогда сниматься... Но надо честно заявить об этом.

Ленский побледнел:

— Я не позволю вам!..

— А вы кто такой? — хрипло и тихо спросил Джутич...

Бледный Ленский повторил:

— Я не позволю...

В этот момент в ателье показалась Анна Ор... Она пристально посмотрела на обоих...

— Ругаетесь? — спросила она, пытаясь быть шутливой...

Джутич, задыхаясь от бешенства, встал и сказал:

— Госпожа Ор, шутки в сторону... Одно из двух: либо проституция, либо кино... Я предлагаю вам выбор...

Ленский сделал шаг вперед: звук пощечины привлек внимание оператора и статистов...

— Ленский, оставь, — тихо сказала Анна Ор, смертельно бледная...

Она повернулась к Джутичу:

— На каком основании вы позволили себе такую мерзость?..

Джутич упрямо повторил:

— Одно из двух...

Анна Ор круто повернулась и пошла к выходу... Ее лицо продолжало быть бледным, глаза горели...

У выхода она столкнулась с Казариным... Он сказал, целуя руку:

— Вы обещали мне поехать со мной кататься...

Анна Ор на мгновение остановилась:

— Я не могу... — сказала она резко... И быстро пошла прочь...

Отойдя несколько шагов, она обернулась:

— Заезжайте за мной завтра...

На другой день ни Джутич, ни Ленский в ателье не явились. Администратор фирмы заявил, что съемки продолжаться будут под режиссерством нового режиссера... Отойдя в сторону, он сказал оператору:

— Неприятная история...

— Что такое?..

— Джутич и Ленский арестованы сегодня ночью. Им предъявлено обвинение в большевистской агитации среди иностранных моряков...

— Не может быть, — сказал потрясенный оператор...
Затем, внезапно припомнив вчерашнюю сцену, он сказал:

— Это работа Анны Ор... Вот увидите.

ГЛАВА 6

При всей своей нелюбви к Казарину полковник Гаввард должен был признаться наедине с собой, что этот офицер контрразведки был дельным, энергичным и толковым человеком... Этот поручик с каменным бесстрастным лицом, с холодными, сделавшими бы честь любому британскому офицеру глазами, прикомандированный деникинским командованием к британскому штабу — исполнял свои обязанности офицера связи безукоризненно. Он обладал еще неоценимым достоинством: не видеть того, чего не нужно было видеть и молчаливостью, которая являлась большим профессиональным достоинством...

В ответ на приказание щелкали шпоры, голова Казарина слегка наклонялась, показывая безукоризненный пробор смолистых черных волос: можно было быть уверенным, что приказание будет исполнено в точности в самый короткий срок. Одним словом — полковник Гаввард был доволен поручиком Казариным.

Гавварду пришлось переживать неприятные минуты не только в связи с убийством в гостинице «Бристоль» британского агента, последние дни были полны неприятностей... Чья-то искусная рука, рука совершенно неведомого врага, нарушала все планы британского командования, спутывала все нити, делала невозможным выполнение директив из Лондона и полковник Гаввард еще лишний раз убеждался, что работа на черноморском побережье гораздо труднее и сложнее работы в Пенджабе...

Полковник Гаввард принимал все меры к тому, чтобы неуловимый враг был разоблачен и уничтожен. Вся агентура была поставлена на ноги, майор Стильби допрашивал круглые сутки подозреваемых, особо важным агентам даны были срочные инструкции...

Гаввард поставил на карту всю свою репутацию, репутацию десятилетней службы в колониях: ибо директивы из Лондона определенно говорили о том, что черномор-

ское побережье является более важным для интересов Британии и ее промышленности, чем какой-либо другой пункт в мире...

— И ни одно частное лицо и ни одна держава не должны иметь перевеса на черноморском побережье... — припомнил Гаввард содержание зашифрованной телеграммы.

Между тем, работа не ладилась: та же настойчивая, искусная и неуловимая рука расстраивала все планы, ее делом было убийство в «Бристоле» ответственного британского агента, ее же делом было сорванное накануне осуществление крупного плана организации зеленых банд в окрестностях Одессы в сильное ядро — там работали инструктора британского штаба — для того, чтобы денкинское командование чувствовало себя в опасности и соглашалось на все мероприятия полковника Гавварда... Мало того: крупная сделка по продаже нескольких крупных пароходов Британии — была сорвана тем же неуловимым врагом...

Полковник подумал, стискивая зубы:

— Это животное — Маршан... Надо ему отдать должную справедливость, он ловкий и энергичный агент...

Полковник Гаввард умел ценить в своих врагах достоинства и он поклялся не отступать: в этом поединке Маршан должен был быть сломлен на славу Британии, во славу британской короны, черт побери!..

И кулак полковника Гавварда тяжело опустился на стол...

Но ответственный агент Гавварда, эта женщина, эта киноактриса до сих пор не добила никаких определенных результатов, а Гаввард хорошо знал — что неуловимая рука настойчивого врага принадлежала именно Маршану и никому другому... Об этом говорили все донесения агентов, об этом догадывался сам Гаввард... Борьба с большевиками отступила на второй план, на первом плане оказывался агент дружественной державы, этот Маршан с его лисьей улыбкой и способностью поспевать повсюду...

Поэтому во время очередного доклада Стильби полковник Гаввард еще раз стукнул кулаком о стол:

— Один кончик нити, Стильби!.. Один кончик нити и мы доберемся до главного... Хотя бы одного, второстепен-

ного агента Маршана заполучить в свои руки... Вы понимаете, майор?..

Майор Стильби ответил, что он понимает, но как это сделать, годдем?!.. До сих пор, по крайней мере...

И майор Стильби осмелился намекнуть на то, что госпожа Анна Ор, которая...

— Молчите, — сказал коротко Гаввард...

Майор Стильби пожал плечами: роль Анны Ор хорошо была ему известна, ему, помощнику начальника британской разведки, но если британскому офицеру приказывает молчать его начальник, то он молчит.

Стильби спросил:

— Никаких приказаний, сэр?..

— Все по-прежнему... И помните, Стильби, всю энергию, все...

Он не успел закончить: вошедший сержант доложил о приходе Томсона...

— Пусть он войдет, — приказал Гаввард...

Томсон был явно расстроен... Его длинное лицо носило все признаки беспокойства.

— Опять, — сказал он, когда Стильби удалился...

Полковник Гаввард сжал губы:

— Когда?..

— Сегодня... Прокламации у пяти матросов и одного боцмана.

— Арестованы?

— Да...

— Допрос?..

— Произведен.

— И?..

— И те же результаты. Нашли на баке...

— Черт побери, — сказал Гаввард, — это становится неприятным. Эти люди давно служат во флоте?..

— Трое всю кампанию... Остальные один год...

Сержант снова доложил:

— Мистер Казарин...

— Пусть войдет...

— Я мешаю? — спросил Томсон.

— Нет, можешь остаться... Мистер Казарин, я должен довести через ваше посредство до сведения вашей разведки, что она работает плохо...

Казарин спросил медленно:

— Что-нибудь случилось, сэр?..

— Ничего особенного... Но наши агенты сообщают о попытке агитировать среди моряков британского флота... Это в третий раз.

Глаза Казарина блеснули:

— Я доложу, сэр... Но ведь, кроме нашей разведки, имеется, если не ошибаюсь, британская разведка и она также ничего не может сделать?..

— Это не входит в вашу компетенцию, — сухо сказал Гаввард...

— Будет передано...

С минуту они молчали... Затем Гаввард сказал:

— Мистер Казарин, вы свободны...

Шпоры щелкнули: Казарин вышел... Томсон сказал:

— Энергичный малый...

— Хороший офицер, — коротко ответил Гаввард, занятый мыслями об агентах Маршана...

Он спросил:

— Сколько человек команды на «Адмирале»?..

— Сто двадцать...

— Биографии всех известны?..

— Вполне... Можно положиться...

— Наверное?

— Да.

Томсон добавил, припоминая:

— Кроме... кроме двух...

— Кто такие?..

— Один индус... Другой ирландец...

— Как имена?..

— Индуса зовут Абиндра... Ирландец — О'Тайль...

Карандаш полковника Гавварда аккуратно отметил на бумаге имена...

Затем он сказал:

— Я думаю, Томсон, надо удвоить караулы на судах...

- Сделано...
- Следить за подозрительными...
- Сделано...

Кулак полковника Гавварда стукнул по столу в третий раз.

— Будь я не Гаввард, мое имя хорошо известно во многих местах, если я не заставлю отозвать отсюда Маршана и не оставлю инициативы за нами... Годдем, моя двадцатилетняя служба тому порукой...

Томсон сказал, выпуская клуб дыма из трубки:

— Еще бы...

* * *

В шесть вечера Сергей Казарин заехал за Анной Ор, как было условлено: они должны были поехать кататься за город. Анна Ор была немного бледна, она сослалась на головную боль...

Глаза его были опущены, когда он сказал:

— На воздухе головная боль пройдет...

Его голос был ровен и спокоен...

Со стороны никогда нельзя было бы подумать, что эта пара людей, очень красивая черноглазая стройная женщина в нарядном мантио светло палевого цвета, в широкой шляпе с нависшими над глазами полями и гусарский офицер, садящиеся в автомобиль, что эти люди были обуреваемы самыми противоположными мыслями...

Когда автомобиль вылетел на широкое шоссе за городом и, мягко покачивая, понес их в обгащенную закатом даль, Анна Ор сказала почти ласково:

- Я, правда, не должна была поехать кататься...
- Вы ведь не заняты сегодня?..
- Съёмки нет...
- А других дел тоже нет?..
- Почем знать...

Шофер дал гудок: навстречу ехал пикет, охрана побережья...

Мельком взглянув на всадников, исчезнувших в сумерках, Казарин сказал рассеянным голосом:

— Какие могут быть дела у киноактрисы?..

Заметив улыбку актрисы — он извинился.

— Простите, конечно...

Автомобиль мягко понесся по берегу моря... Слабый шум прибоя заставил Анну Ор повысить голос:

— Вы, конечно, про себя, подумали: кино, любовники. Но это не так просто...

Она искоса взглянула на своего спутника: он показался ей неожиданно постаревшим и усталым... Сквозь спокойное холодное выражение лица этого вылощенного гусарского офицера проступило, показалось актрисе, — какое-то чужое, никогда до сих не виденное лицо другого человека....

И голос был тоже чужой, голос ответивший мягко, почти грустно:

— Нам всем приходится много работать... Что делать: такая судьба, такая эпоха... О нас будут говорить: пушечное мясо истории... О нас будут писать...

Он прервал самого себя и прежний Казарин, спокойный, уверенный в себе и хладнокровный, наклонясь к Анне Ор, сказал, улыбаясь:

— Но, во всяком случае, любовные истории занимают у вас много времени... Этого вы не можете отрицать...

Она запротестовала, смеясь... Тот, чужой, который на мгновение выглянул из-под казаринской маски, взволновал ее странным, незнакомым волнением... Актрисе показалось, что на мгновение она прикоснулась к чему-то огромному и важному, к какой-то огромной, неведомой ей тайне, это прикосновение было почти реальным... Но длилось только один момент...

— Станный человек, — пронеслось в голове актрисы...

Они замолчали, покачиваясь в автомобиле, и отдались каждый своим мыслям...

Только две фразы были еще сказаны за все время прогулки...

Когда автомобиль въехал обратно в город и понесся по Пушкинской улице — Казарин кивнул на двухэтажный дом:

— Французское командование...

Анна Ор мельком взглянула на стоявших у ворот солдат в французских кепи...

Вторую фразу сказала она, когда Казарин помог ей выйти из автомобиля:

— Вы не должны дурно думать обо мне... Я...

Наклоняясь и целуя ее руку, Казарин сказал вполголоса:

— Я не думаю о вас дурно...

Он выпрямился и сказал:

— Ни о ком из нас нельзя думать дурно: мы все одинаковы...

Поднимаясь по лестнице, Анна Ор пыталась разгадать, что могли означать эти слова... Записка Маршана, найденная на столе в номере, отвлекла ее от этих мыслей:

— Прошу прийти в девять в кабаре «Арлекин». Необходимо. М.

То, что всегда осторожный Маршан оставил ей записку, несколько удивило актрису... Она перечла записку, не нашла ничего нового и, спрятав в бювар, прилегла отдохнуть...

Лицо Казарина с тем неуловимым, странным выражением, которое промелькнуло перед ней, на один момент снова проплыло перед ее глазами... Она почувствовала странное, давно забытое ощущение...

— Кажется, я начинаю влюбляться, — подумала Анна Ор с усмешкой...

Внутренне она пожала плечами... Этой женщине, чьи обнаженные плечи смаковала на экране вся Европа, этой женщине, видевшей на своем веку больше любовников, чем ей было лет — показалось смешным и нелепым, что она может влюбиться...

— Но несомненно интересный человек, — попыталась она оправдаться перед самой собой...

И, все еще улыбаясь, подошла к зеркалу готовиться к вечеру в «Арлекине»...

Электрическая лампа осветила в зеркале два больших черных глаза с синевой под ними, прямые брови, матовую кожу лица и прекрасные, полные плечи и шею... Небрежно сбросив на спинку кресла белый пеньюар, Анна Ор внимательно осмотрела себя и то, что всегда заставляет женщину вздрогнуть в первый раз, то, что увидела Анна Ор, заставило вздрогнуть и ее: это была маленькая, едва заметная морщинка у губ, маленький, еще незаметный для посторонних глаз след многих бессонных ночей, след многих ночей, когда под утро, в холодном рассвете лезут в голову нелепые, незванные мысли: маленькая, едва заметная морщинка у губ...

Легкая дрожь пробежала по телу Анны Ор: это было напоминание о тридцати шести прожитых годах, первое напоминание о том времени, когда потухнут прекрасные, популярные в половине мира глаза и пожелтеют матовые смуглые плечи, заставляющие маслиться жирным блеском посетителей лож в кинотеатрах...

Совершенно неожиданно для себя самой Анна Ор опустила голову на мраморный подзеркальник и заплакала, вздрагивая голыми плечами и часто всхлипывая, как плачут дети...

Через час, кутаясь в соболий палантин, откинув назад голову с тугим, стянутым сзади узлом черных волос, с золотой лорнеткой у глаз она входила в шумный и пьяный зал «Арлекина», где за угловым столиком ее ждал полковник Маршан...

Лисье лицо Маршана было насторожено... Казалось, он нюхал воздух, чуя приближение врага... Он поднялся, встречая Анну Ор и, опустившись снова на стул, сказал тихо:

— Необходимо поговорить...

Анна Ор кивнула головой...

Маршан резко сказал лакею:

— Бутылку поммери сек, и не стойте возле столика, как привидение...

Его голос выдавал нервное напряжение...

Лакей исчез...

Маршан говорил вполголоса, наклоняясь к Анне Ор... Она слушала внимательно, делая вид, что разглядывает зал... Дважды она холодно ответила на поклон: один раз кинорежиссеру, заместителю Джутича, в другой раз Сергею Казарину, вошедшему в зал с компанией офицеров, поместившихся за центральным столом...

Оркестр заиграл «Типперери», два английских офицера подтягивали за соседним столиком:

— Ах, далеко ли до Типперери...

Чей-то пьяный голос кричал:

— Лакея, дайте мне лакея...

Под звуки оркестра Анна Ор сказала:

— Я не могу выполнять подобных поручений... Я не обязывалась...

Лисье лицо Маршана вытянулось:

— Вы должны...

Анна Ор нагнулась к нему и сказала отдельно:

— Полковник, вы забываете, что со мной нельзя обращаться, как с мелким агентом вашей разведки, я попрошу вас не забывать...

Лакей поставил на стол ведро, наполненное льдом, с торчавшей в нем бутылкой поммери, и два бокала...

Маршан сказал:

— Можете идти...

Когда лакей отошел, он добавил:

— Но и вы забываете, что я не из людей, способных отступать... Черт побери, вы это должны знать...

Глаза Анны Ор встретились с глазами полковника Маршана.. И этот взгляд сказал лучше слов Анне Ор, что месть полковника Маршана была бы беспощадной и более жестокой, чем расправы с туземцами в колониях Франции... На мгновение она почувствовала себя в капкане...

Это ощущение не раз приходило последнее время к Анне Ор...

Она сказала коротко:

— Хорошо...

Маршан кивнул, его глаза заискрились: борьба возбуждала его...

Мимо столика прошли Гаввард и Томсон... Полковник Маршан приподнялся, приветствуя их... С усмешкой он сказал Анне Ор:

— Наши друзья-британцы кажутся сегодня озабоченными... Держу пари, что ими овладело такое же беспокойство, как и мной...

Затем он добавил:

— Я провожаю вас сегодня домой...

С отвращением и покорностью Анна Ор сказала:

— Хорошо...

— Что касается до дела, то вы приведете его в исполнение завтра же. Это срочно...

Она кивнула головой, подумав:

— Он начинает распоряжаться мною как вещью... И спасения нет, потому что у Гавварда то же самое... В сущности...

Она отпила глоток колючего холодного вина из стакана:

— В сущности — я погибла... Спасения неоткуда ждать... Я погибла, и никто мне не поможет... Если не Маршан — то Гаввард разделается со мной...

Чинный и корректный полковник Маршан приподнялся... Его лисья физиономия лоснилась лукавством:

— Мы поедем, не правда ли?..

Он бросил деньги на стол и помог Анне Ор накинуть палантин, который она отбросила на кресло...

Садясь в автомобиль, полковник Маршан коротко сказал шоферу:

— «Европейская»...

И, обернувшись к Анне Ор, добавил:

— Сегодня сыро. Не простудитесь, дорогая...

Его короткий смешок дополнил: полковник Маршан испытывал большое удовлетворение, видя, как подчинял себе непокорного агента, очень строптивую, привыкшую к самостоятельности и красивую женщину...

Он еще раз коротко рассмеялся: подобного рода переживания составляли главную цель существования полковника Маршана, он был полной противоположностью Гавварду: то, что было для Гавварда долгом чиновника и изредка спортом, было для полковника Маршана наслаждением большим, чем его любимое поммери во льду, обязательно сек и обязательно определенной фирмы...

Красное кепи с черным шнурком оттеняло седые виски полковника Маршана, офицера колониальных войск французской республики, прозванного в колониях «лисицей Маршаном»: он поцеловал руку Анны Ор у сгиба локтя и, ловя в темноте автомобиля блеск ненавидящих глаз, сказал шепотом:

— Этот Казарин — странный малый... Вы разобрались в нем?..

— Я не любопытна...

— За исключением, надеюсь, случаев, когда это требуется, не правда ли?..

В номере гостиницы он снова рассмеялся коротким прерывистым смешком: полковник Маршан чувствовал себя прекрасно, курия сигару и глядя, как раздевалась у зеркала Анна Ор...

ГЛАВА 7

Леди Эдит Холлстен, известная достаточно своей экстравагантностью в самых широких кругах Лондона благодаря прессе, почти еженедельно сообщавшей о новой эксцентричной выдумке дочери лорда Холлстена, вроде ее намерения поехать на Версальскую конференцию и лично заявить Вудро Вильсону о своем критическом отношении к его политике — леди Эдит Холлстен еще лишний раз доказала, что ее замыслы всегда отличались новизной и неожиданностью...

По крайней мере, лорд Холлстен опустил в кресло и, глядя изумленными глазами на леди Эдит, спросил:

— В такое время?..

— Время довольно подходящее, — упрямо ответила леди Эдит, поправляя белокурую прядь волос...

— В Константинополь?..

— И дальше... Милорд, я люблю спорт...

Леди Эдит была единственная дочь лорда Холлстена и ей разрешалось многое: но это было чересчур.

Лорд Холлстен встал во весь рост и заявил:

— Я не позволю тебе ехать в такое время на Восток...

— Я поеду...

— Я запрещаю министерству иностранных дел дать тебе пропуск.

— Я поеду без пропуска.

Это было выше сил лорда Холлстена. Без пропуска министерства иностранных дел, как авантюристка!. И потом это совершенно невозможно, за отбывающими следят.

Леди Эдит сказала упрямо, сверкнув зеленоватыми глазами:

— Я поеду...

Лорд Холлстен снова сел.

Он подробно нарисовал леди Эдит картину огромной борьбы, идущей на Востоке, столкновения интересов двух могущественных держав, еще незаконченной войны.

— У нас в Европе все кончилось, мирная жизнь вошла в свои права, — заявил лорд Холлстен, — но на Востоке идет ожесточенная война, хотя там и нет фронта...

Леди Эдит была неумолима...

Лорд Холлстен бросил на чашу весов последний довод:

— И потом...

Он понизил голос:

— Там большевики...

Капризный голос леди Эдит заявил, что ей очень хочется самой увидеть хотя бы одного живого большевика, это захватывающе интересно, по ее мнению...

Лорд Холлстен поднялся и заявил категорически:

— Разрешения на поездку не будет дано...

Вдогонку ему леди Эдит сказала с яростью избалованной женщины, каприз которой не удовлетворили:

— Я уезжаю на следующей неделе...

В течение пяти дней «Стейвер» леди Эдит носился по лондонским улицам, пугая гудком переходящих улицу и испытывая терпение полицейских... Шофер О'Тайль измучился, развозя леди Эдит по самым невозможным местам... Но, хорошо зная своенравную леди, он стойчески переносил самые фантастические поездки: с Даунинг-стрит в Поплер, из Поплера в Сити, из Сити в Кингстон-Холл и Карлтон-клуб...

Именно эти поездки и послужили отправным пунктом к приказанию, отданному леди Эдит своему рыжему шоферу:

— На Гладстон-роад...

«Стейвер» помчался со всей быстротой, доступной ему и разрешенной лондонской полицией для уличного движения...

В очень скромной квартире леди Эдит сказала открывшему двери молодому человеку в френче и с перевязанной рукой:

— Могу я видеть сестру милосердия мисс Дуглас?..

— Я сейчас передам.. Как зовут леди?..

— Леди Холлстен...

Сестра милосердия Дуглас со всей чистосердечностью шотландки встретила почетную гостью:

— Я рада услужить вам, леди... Я слушаю вас...

Лицо сестры Дуглас выражало следы утомления: долгая работа на фронте подточила силы мисс Дуглас...

Леди Эдит коротко спросила:

— Вы отправляетесь в распоряжение командования в Константинополе?..

— Да, миледи...

— Вы хотите остаться здесь?..

— Это невозможно, миледи...

— Почему?..

— Приказ отдан...

— Это хорошо... Я предлагаю вам остаться здесь, я поеду вместо вас...

Мисс Дуглас испугалась: это неожиданное предложение поставило ее в тупик...

— Но, миледи...

Леди Эдит сказала властно:

— Я предлагаю вам остаться здесь и, кроме того, выплачиваю вам пятьсот фунтов за это... Это подходит?..

Мисс Дуглас испугалась еще больше... Она пролепетала о судебной ответственности, о военном суде, но была прервана леди Эдит...

— Я беру это на себя...

Неизвестно, чем кончилось бы это испытание сестры Дуглас, если бы новый посетитель не прервал леди Эдит...

Лорд Холлстен, войдя, сказал мисс Дуглас;

— Я прошу извинить мою дочь: она полна несбыточных планов...

Леди Эдит посмотрела на него раздраженно:

— Вы следили за мной?..

Лорд Холлстен сказал мягко:

— Эдит, к чему эти резкости?.. Наконец, все можно устроить иначе...

Именно таким образом леди Эдит Холлстен оказалась пассажиркой судна, ушедшего из Лондона на Восток.

Леди Эдит ехала в компании мисс Дуглас, командированной в Константинополь, и сопровождаемая шофером лорда Холлстена китайцем Ли-Вангом, молчаливым и преданным, как пес, — так, по крайней мере, утверждал лорд Холлстен...

По радио было дано знать британскому командованию на Востоке о знатной туристке и о том, чтобы все меры для ее личной безопасности были приняты... Сам лорд Алленби, командующий всеми британскими силами на Востоке, встретил леди Эдит на пристани Константинополя и дал вечер в ее честь... На этом вечере присутствовали все представители французского командования, весь штаб лорда Алленби, смущенная мисс Дуглас, старавшаяся как можно тщательнее спрятать свои руки, больше привыкшие к бинтам и термометрам, чем к по-королевски сервированному столу... Лорд Алленби принял все меры к тому, чтобы леди развлекалась на Востоке всеми доступными ему способами... Ей показали мечеть Айя-София и леди Эдит, провожаемая штабом лорда Алленби и ненавидящими, горящими взглядами турок обошла мечеть и сказала с ничего не выражающей британской улыбкой, слегка прищурив зеленые глаза:

— Очень мило...

Британское высокомерие леди Эдит усмотрело слишком много грязи в столице османов, в столице, поверженной во прах сначала каблуком германского кайзера, а затем безжалостно растоптанной британцами и французами...

Произведения оттоманского искусства, знаменитый мост, соединяющий Азию и Европу, Галату и Перу, и согнутый под пятой империализма турецкий народ не очень заинтересовали леди Эдит. Немного более ей понравились Сладкие воды Азии, куда какикчисы повезли леди Эдит в сопровождении штаба лорда Алленби: приятная прогулка на качающемся каике, крики «халваджи», продавцов сладостей и скользящие по голубоватой воде каики понравились леди.. Еще больше ей понравился флирт с одним из офицеров штаба, молодым лейтенантом, строго корректный, выдержанный флирт в чисто британском духе...

— Мне начинает казаться, что я в Лондоне, — сообщила леди Эдит за ленчем. — Я ожидала гораздо большего от поездки на Восток.

Лорд Алленби слегка усмехнулся: он знал кое-что о Востоке. Этот великан, тяжелый и грузный, знал многое о Востоке, но этого он не мог сказать знатной туристке, посетившей столицу османов сейчас же после войны, во время оккупации, ради сильных ощущений.. Лорд Алленби знал, что такое Восток.. Но он не сказал этого леди Эдит...

И леди Эдит, вскинув белокурую голову и смотря прямо в глаза главнокомандующего своими прозрачными зеленатыми глазами — сообщила:

— Я еду дальше...

Генерал поинтересовался:

— В Каир, миледи?..

Леди Эдит рассмеялась:

— Нет...

Генерал посмотрел на нее:

— Куда же?..

— В Россию...

Несмотря на то, что мысли генерала были очень заняты столкновением двух держав, столкновением интересов Британии и Франции на Востоке, столкновением, грозившим выявить подлинные инстинкты обоих победителей в мировой войне еще до конца Версальской конференции...

Несмотря на то, что генерал был занят обдумыванием донесений его агентов о нападении курдов на британские отряды, нападении, явно инспирированном французами, о том, что эмир Фахед-Ибн-Феццал, получив круглую сумму в сто тысяч фунтов стерлингов от британских агентов — получил после этого еще и пятьсот тысяч франков от французов и устроил уничтожение британского отряда между Деир-Эль-Камаром и Джуном при участии бедуинов пустыни, стрелявших из пулеметов Льюиса, источник получения которых был достаточно ясен...

Несмотря на то, что главнокомандующий британскими силами получил донесение от полковника Гавварда, командующего оккупационной зоной в Одессе, о крайне сложном

положении в Одессе, о тайных планах французского командования, об агитации среди моряков флота... Несмотря на все эти сложные мысли, лорд Алленби выразил крайнюю, доступную ему, степень удивления:

— В Россию, миледи?..

Леди рассмеялась, взглянув на изумленные глаза командующего.

— Да, милорд...

Командующий сказал более спокойно:

— Вы шутите?.. Я не отпущу дочь моего лучшего друга, дочь старика Холлстена, в Россию... И кроме того...

Леди Эдит переспросила:

— И кроме того?..

— России нет, миледи... Есть пропасть, кишащая варварами-большевиками, есть сыпной тиф, и больше ничего нет... Поезжайте лучше в Каир, там довольно занятно... Я дам депешу нашему пред...

Леди Эдит прервала его:

— Сэр, а сражалась с отцом и выиграла сражение... Хотите ли вы, чтобы и вам я устроила битву на Марне?.. Хотя я, впрочем, лучше разбираюсь в прошлом... Согласны ли вы на Седан?..

Юмор был доступен главнокомандующему в ограниченной степени; он еще раз сказал:

— Я не отпущу вас в эту ужасную страну большевиков...

Ответ леди Эдит был краток:

— Именно большевиков, настоящих живых большевиков я и хочу посмотреть: это чисто спортивный интерес, сэр... И я поеду...

Леди вновь выиграла сражение: она победила главнокомандующего точно так же, как победила вождя консерваторов, британским упрямством и своеволием...

И через сорок восемь часов миноносец «Гладстон» привез леди Эдит, мисс Дуллас в белой косынке с расширенными от сознания того, что она едет в ужасную страну большевиков глазами и шофера Ли-Ванга в Одессу, где

они были встречены полковником Гаввардом, получившим специальное радио с инструкциями...

Полковник Гаввард приветствовал леди Холлстен на территории города Одессы, представил ей своего помощника майора Стильби и командира «Адмирабля» Томсона и, чинный и корректный предложил леди Эдит обед в кают-компании «Адмирабля», совершенно британский обед на палубе британского крейсера...

И здесь случилось нечто, что повергло в крайнее изумление полковника Гавварда, командира Томсона и перепугало насмерть скромную мисс Дуглас, виновницу этого случая...

Весь экипаж «Адмирабля» был представлен леди Эдит... Все лейтенанты, механики и остальные офицеры флота по очереди прикладывались к ручке леди Эдит, знатной гостью из Лондона, прибывшей на Восток для утоления жажды приключений... Мисс Дуглас присутствовала при этом передобеденном параде...

И когда смуглый старший механик в чинном поклоне сказал стереотипную фразу:

— Рад видеть вас на борту «Адмирабля», миледи...

Командир Томсон представил:

— Наш старший механик Абиндра-Нат...

Мисс Дуглас порозовела под белой косынкой, приподняла красную огрубевшую руку и с прямоотой британской мисс сказала:

— Эту фамилию я уже слышала... Абиндра...

Перед ее глазами встал лазарет на Трафальгар-Сквер...

И мисс Дуглас сказала:

— У вас был брат на фронте, мистер Абиндра?..

Самое странное было то, что мистер Абиндра смутился... Но, сейчас же оправившись, он сказал корректно:

— Никакого, миледи...

— Но я, — начала мисс Дуглас...

Затем она сказала, волнуясь:

— В моем лазарете скончался лейтенант Абиндра из колониального полка, это я хорошо помню....

Острый взгляд полковника Гавварда ухватил смущение индуса и еще более яркое смущение при сообщении о смерти его тезки в лазарете на Трафальгар-сквере... Мистер Абиндра-Нат повторил:

— Я не имею к нему никакого отношения, мисс...

Он сейчас же отошел в угол... Все время обеда полковник Гаввард изучал выражение лица этого судового механика и, должно быть, оно ему не понравилось...

Уезжая с «Адмирабля», он сказал вполголоса Томсону:

— Особое наблюдение за старшим механиком, Томсон...

Томсон удивился:

— Инженер Абиндра?.. Но этот вне сомнений: племянник раджи Непала, кончил калькуттский техникум, совершенствовался в Лондоне, по всем симпатиям, воззрениям, воспитанию подлинный британец!

Полковник Гаввард повторил настойчиво:

— Особое наблюдение за этим индусом..

— Хорошо, — коротко сказал Томсон...

Леди Эдит съехала на берег в сопровождении Томсона и Гавварда.. Этот город напомнил ей немного Глазго, немного Суотгамптон, немного Марсель....

— Но это неинтересно, — сказала она Томсону. — Где же большевики?..

— Миледи, — сказал Томсон, — их здесь нет. К счастью. Иначе мы с вами не ездили бы так спокойно на автомобиле по улицам этого города....

— Я должна увидеть большевика, — деловито сказала леди Эдит...

Командир Томсон заверил миледи, что это трудно и вряд ли осуществимо... Вот кабаре «Арлекин» можно показать миледи...

Мисс Дуглас ехала позади в другом автомобиле. Она мучилась мыслью, что совершила некорректный поступок, смутив инженера Абиндру. Потому что его смущение не ускользнуло и от мисс Дуглас.. Поэтому мисс Дуглас вечером принесла свои извинения индусу, чем еще больше испортила свои отношения с ним...

Почти грубо, это не вязалось с его обликом, индус сказал:

— Оставьте, наконец, эту историю с умершим индусом, мисс... Я жив и не представляю собой привидения... Вам изменила память, его звали иначе, этого вашего индуса...

Он поклонился и ушел, очень недовольный... И мисс Дуглас снова покраснела под своей белой косынкой и поклялась больше не упоминать о своих воспоминаниях при незнакомых людях...

Однако, ей не пришлось успокоиться... Командир Томсон, как бы случайно столкнувшись с ней, спросил:

— Не можете ли вы припомнить, мисс Дуглас, возраст того индуса, о котором вы упоминали?..

С отчаянием мисс Дуглас сказала:

— Конечно... Я хорошо помню его документы, они прошли через мои руки... Я была старшей сестрой милосердия и...

— Вот как, — сказал Артур Томсон...

Его длинное лицо было озабочено...

Он прибавил:

— Я попросил бы вас, мисс Дуглас, посетить мою каюту...

В каюте он предложил мисс Дуглас стул, сам сел за стол и, приготовившись записывать, сказал:

— Итак, припомните хорошо, мисс, эхо очень важно...

В полном отчаянии мисс Дуглас, которая не обидела на своем веку и мухи, сказала:

— Ему было тридцать два года...

Карандаш отметил и Томсон спросил:

— Откуда?..

После нескольких вопросов он попросил мисс припомнить все подробности о документах умершего в лазарете Трафальгар-сквер лейтенанта Абиндры, и по мере ответов мисс Дуглас его лицо становилось все серьезнее...

Затем он отпустил мисс Дуглас, попросив ее молчать и извинившись за беспокойство;

— Но ведь мы на Востоке, мисс, — сказал он в свое оправдание...

Мисс Дуглас с отчаянием сказала:

— Я вообще больше ничего не буду говорить... Это так глупо...

Ее глаза наполнились слезами. Она вытерла их безукоризненным, как ее косынка, белоснежным платком...

Командир Томсон сказал жестко:

— Это ваш долг, мисс, не больше...

Он совещался с Гаввардом в течение часа. Затем уехал обратно на борт «Адмирабля»...

В три часа дня инженер Абиндра-Нат, старший судовой механик крейсера «Адмирабль» флота его королевского величества, был арестован командиром судна Артуром Томсоном и препровожден под конвоем трех матросов в распоряжение полковника Гавварда, британского коменданта города Одессы и порта...

ГЛАВА 8

Полковник Гаввард пристально посмотрел на стоявшего перед ним смуглого человека с огненными черными глазами, с упрямым и властным выражением лица...

Затем полковник Гаввард спросил негромко:

— Инженер Абиндра-Нат, ваше звание?..

— Инженер-механик...

— Ваш чин?..

— Лейтенант...

— Ваши служебные заслуги?

— Два года на западном фронте. Ранение. Затем служба во флоте.

— С какого времени?..

— Три месяца. С июля...

Полковник Гаввард поиграл карандашом и снова посмотрел на индуса...

— Я должен вас поставить в известность, что запрошенное мною адмиралтейство Британии сообщило, что никакого инженера по имени Абиндра-Нат в списках адмиралтейства не существует. Больше того: инженер-механик, лейтенант Абиндра-Нат, служивший в сухопутных колониальных войсках его британского величества, скончался четыре месяца назад в лазарете в Лондоне. Что вы имеете возразить?...

По лицу индуса пробежала едва заметная судорога...

— Ничего, — ответил он негромко...

Полковник Гаввард сказал, не повышая голоса:

— Лейтенант Абиндра, назовете ли вы свое настоящее имя?

— Нет.

Полковник Гаввард помолчал... Затем сказал тем же голосом, не меняя интонаций:

— Я должен вас предупредить, что это предварительный допрос. Вы будете отданы военному суду его королевского величества... Для вас лучше открыть свое настоящее

имя, указать сообщников. Я обещаю вам за это смягчение наказания. В противном случае...

Индус пожал плечами:

— Смерть! Я знаю...

Совершенно просто, как будто говоря о погоде, он сказал:

— Я не боюсь смерти...

Полковник Гаввард позвонил. Вошедшему Стильби он сказал коротко:

— Под строгий арест. Обыскать и не оставить ничего, что могло бы вызвать подозрения...

— Слушаю, сэр, — сказал Стильби отрывисто... Он обернулся к индусу:

— Следуйте за мной...

Когда дверь за ними закрылась, полковник Гаввард сказал сквозь сжатые зубы:

— За кончик нити мы, кажется, ухватились... Гаввард, теперь дальше... Клянусь всеми раджами Индии, я выжму из этого темнокожего все, что вообще можно выжать из человека, годдем!..

Он схватил стек и, продумывая какую-то сложную мысль, сжав челюсти, согнул стек... Стек сломался пополам... Бросив обломки на пол, Гаввард еще раз сказал:

— Не будь я Гаввард...

И вышел из комнаты большими решительными шагами...

* * *

Леди Эдит, потеряв временно надежду увидеть настоящего большевика, занялась более доступными развлечениями... В трех, комнатах отведенных ей в гостинице «Бристоль», в той самой гостинице, где так трагически погиб уполномоченный банков Сити — леди Эдит почувствовала себя так же, как чувствуют себя британцы везде, в Судане, в Египте, в Китае, в Константинополе, в Сингапуре... Дру-

гими словами, территория этих трех комнат превратилась в маленький кусочек Великобритании, находящийся среди еще непокоренной колонии. Ибо леди Эдит, дочь лорда Холлстена, рассматривала Россию как еще непокорившуюся Великобритании колонию. Порядок на территории трех комнат леди Эдит был обще-британским порядком: утром ленч, затем брекфест, затем обед в бальном платье, затем флирт, вполне корректный, британский флирт, затем вечерний чай, «Таймс», главным образом, шестнадцатая страница, и затем сон...

То, что совершалось за окнами гостиницы «Бристоль», мало интересовало леди Эдит: это была непокорная колония, ее надо было покорить, вот и все. Общество, окружавшее леди Эдит, британские, французские, греческие офицеры, два-три коммерческих агента Британии, словом, обычное колониальное общество... Это все было забавно; леди Эдит решила провести два оригинальных месяца в стране большевиков.

А затем она будет об этом рассказывать в лондонских салонах.

Из русских леди Эдит познакомилась с несколькими офицерами, с двумя-тремя князьями, беглыми аристократами несуществующего уже государства, приверженцами несуществующей монархии, с двумя либеральными деятелями, также бежавшими и с киноактрисой Анной Ор.

Картины с участием этой актрисы леди Эдит несколько раз видела в Лондоне, во время «русского сезона» в начале войны...

Кроме того, ей был представлен и Сергей Казарин. Этот молчаливый русский офицер со стальными глазами, с каменным, как бы высеченным из гранита, лицом и с легкой бесшумной походкой произвел на леди Холлстен некоторое впечатление.

Его биография, переданная леди Эдит, также была неинтересна: бежал от большевиков за границу, сын старинной, богатой русской семьи, вернулся через Константинополь в район оккупации, служит в контрразведке, числен для связи к британскому штабу. Это и безукоризнен-

ный английский язык Казарина понравились леди Эдит.

Ее притягивал этот человек, но холодный и спокойный вид Казарина держал в отдалении леди Холлстен...

От наблюдательных глаз леди Холлстен не ускользнуло тяготение Анны Ор к Казарину... Но леди Эдит держалась выжидательно, она предпочитала осторожную окопную войну — открытому бою. Может быть, здесь сказывалась наследственность: целый ряд лордов, предков леди Холлстен, служивших по министерству иностранных дел и отличавшихся большой изворотливостью и коварностью. Это было установлено в летописях дипломатии и Холлстены всегда гордились этим качеством...

Во всяком случае — эти две женщины — противоположные, настолько же непохожие друг на друга, насколько непохожи день и ночь; одна белокурая, капризная и своевольная, стройная спортсменка и туристка, другая смуглая, с огромными черными глазами, мягкая и нервная, чувствующая приближение увядания — эти непохожие друг на друга женщины столкнулись на одной дороге... И, может быть, именно любовь к спорту заставила леди Эдит не уступать дороги той, другой...

Об этой скрытой борьбе, об этом поединке знали только эти две женщины. Они чувствовали противника инстинктом. Может быть, догадывался о ней и Казарин, но его холодное лицо не подавало никакого повода к таким подозрениям. Он был вежлив и холоден с леди Эдит и так же вежлив и холоден с Анной Ор.

И в то время, как в кабаре «Арлекин» и в комнатах леди Холлстен в гостинице «Бристоль» и в квартире банкира Петропуло происходили званые вечера, обильно смоченные шампанским — в это же самое время в мире происходили вещи, не совсем обычные даже для потрясенного войной мира...

Почти в то же самое время, в те же самые часы, радиостанции Кремля излучали молнии, грозившие гибелью всему капиталистическому миру... Эти молнии возвещали всему пролетариату мира о рождении новой эпохи, об историческом рубеже, о том, что в пламени и крови величайшей

революции рождался новый мир...

Сотни тысяч людей, оборванных и полуголодных, героически сражались против банд насильников, поддерживаемых Британией и Францией...

Пролетариат России, Украины, Грузии и целого ряда стран героически сражался за свои права, утверждал свой новый мир...

И именно в те же часы и дни бывшие союзники по войне с Германией ощерили друг на друга зубы при дележе добычи...

Пышные слова о мире, о разоружении уже тускнели и на Версальской конференции Британия и Франция с угрозой стали друг перед другом...

В эти дни секретные протоколы конференции начинали походить на фитиль, прикладываемый к бочке пороха.

В эти дни мистер Пайен из Калифорнии заявил в американском Сенате:

— Во время войны англичане кланчили деньги у нас и скупали на эти деньги нефтяные источники, где только возможно. Они получили от нас четыре миллиарда долларов якобы на военные нужды и с помощью этих миллиардов стремятся захватить нефтяную монополию в мире...

Комитет международной прессы в Париже сообщал одуроченному человечеству умиленные подробности о великом братстве народов, рождающемся за стенами Версальской конференции и Мельбурн, Капштадт, Сан-Франциско, Бомбей, Буэнос-Айрес читали эти донесения желтой прессы...

А за стенами Версальской конференции, за тяжелыми двойными дверями министерства иностранных дел несколько десятков хищников оскалились друг на друга над добычей, над миллионами трупов добытой добычей...

Версальская конференция пахла падалью, она пахла миллионами разложившихся трупов на полях битв, и острые носы дипломатов сквозь запах падали чуяли запах добычи; капиталисты Америки, Франции, Японии, Великобритании приступали к дележу добычи.

Мистер Вудро Вильсон еще твердил как попугай:

— Никаких аннексий...

— Право на самоопределение народов...

— Твердые обязательства...

А французский министр колоний выступил после парада министр-президентов британских колоний и потребовал категорически аннексии Того и Камеруна в Африке. Бельгия заявила о своем желании получить часть немецких колоний в Африке. Италия потрясала тайным лондонским договором и требовала своей части.

27 января Вудро Вильсон в присутствии блестящего общества вновь произнес свои формулы, которые он продолжал считать магическими. Блестящее общество набережной д'Орсе слушало его иронически. Представители Британии, Франции, Италии в сопровождении своих министров иностранных дел расположились полукругом. Ллойд-Джордж что-то тихо шептал Бальфуру. И Бальфур, изысканный литератор, больше заботившийся о стиле своих докладов, чем об их сущности, кивал головой. Клемансо встряхивал сиди-нами.

Барон Макино, Матсуи и Салури, представители Японии, сидели рядом, похожие на буддистских идолов.

Тридцать два человека присутствовали на этом докладе Вудро Вильсона, который говорил в этот момент:

— Задача заключается в том, чтобы оказывать помощь населению некультурных стран. Необходимо обеспечить мирное развитие отсталым народам и землям, чтобы они могли самостоятельно определить свое отношение к мандатариям, руководствуясь исключительно своими интересами...

Тридцать два представителя империалистических держав мира сидели перед ним с торжественными и серьезными лицами, а за их спинами ухмылялось лицо Мирового Капитала.

И именно в тот момент, когда Вильсон произносил заключительные слова своей сентиментальной речи, в этот момент грохотали орудия в Сирии, недалеко от Бейрута, где повстанцы с помощью английских инструкторов нападали на французские отряды. Именно в этот момент грохотали орудия на всем протяжении фронта от Сибири до

Одессы, где героически сражался пролетариат, а молнии кремлевских радио не уставали разоблачать империалистический мир, свору хищников, деливших добычу...

Мистер Вудро Вильсон кончил речь.

Его приветствовали аплодисменты блестящего собрания... И, вытирая пот со лба, он сошел со своего места... А мистер Ллойд-Джордж уславливался в это время с Клемансо о частной беседе на завтра, а в десяти кварталах от места блестящего собрания секретный отдел министерства военных дел французской республики давал директивы своим командующим и агентам на Востоке: директивы, прямо противоположные тому, что говорилось на конференции...

Полковник Маршан получил одну из таких инструкций. Он улыбнулся своей лисьей улыбкой и сказал, кивнув головой:

— Хорошо...

Часом спустя он говорил леди Эдит на вечере у банкира Петропуло:

— Миледи, наши родины великие союзники и друзья. И мне особенно приятно подчеркнуть это здесь, где мы работаем с вашими соотечественниками бок о бок...

Полковник Маршан чувствовал глубокое наслаждение, говоря эти слова леди Холлстен и чувствуя в своем боковом кармане инструкцию министерства военных дел с надписью:

— «Секретный отдел»...

Леди Эдит благосклонно ответила:

— Британцы великие колонизаторы. Будем надеяться, что и прекрасная Франция окажется не худшим колонизатором и цивилизатором.

Полковник Маршан чувствовал, как смеялось все его существо. Он испытывал огромное удовлетворение от таких бесед. И с обычной лисьей улыбкой он прибавил:

— На трупе Германии рождается дружба ваших великих народов. Миледи, нас приглашают танцевать...

И под изломанные звуки фокстрота полковник Маршан, наклонясь к леди Эдит, сказал:

— Какой озабоченный вид сегодня у нашего милого Гавварда...

Леди Эдит не ответила: она отдалась танцу со всей сосредоточенностью и методичностью англосаксонки...

ГЛАВА 9

Кончик нити, за который ухватился полковник Гаввард, однако, мало помогал делу. Два предварительных опроса индуса Абиндра-Ната не дали никаких реальных результатов...

Абиндра-Нат молчал, глядя тускло-черными, как ночи Индии, глазами на полковника Гавварда...

Между тем, полковник Гаввард решил действовать энергично. Во-первых, агитация среди матросов британских судов представляла непосредственную опасность, опасность более грозную, чем целый вражеский флот с дредноутами и субмаринами, во-вторых, полковнику Гавварду было дано срочное задание всеми силами помешать упрочению французского влияния на побережье: эти две задачи должны были быть решены в кратчайший срок и полковник Гаввард призвал на помощь всю свою энергию, всю свою волю, весь опыт службы в колониях, где неоднократно приходилось исполнять подобные задания...

Что касается до полковника Маршана, представителя Франции — то приблизительно такая же задача была дана на разрешение ему.

Только методы Маршана несколько отличались от методов Гавварда...

«Лисица Маршан», не однажды отличившийся перед контрразведкой в Сирии, в Бейруте, в Алжире, перебрасываемый в самые опасные места как наиболее энергичный и опытный агент — «Лисица Маршан» действовал иными методами... Он не сомневался в том, что английскому командованию даны директивы сорвать работу Франции, срочные депеши из секретного отдела подтверждали это и Маршан повел искусную работу с целью разоблачения английского командования.

Агенты Маршана рыскали по побережью и в Одессе; по его представлению Деникину отпустили новые кредиты и

перебросили новую партию оружия. Взамен этого был заключен тайный договор на уступку Франции целого ряда доходных предприятий, но Маршану было известно, что параллельные договоры были заключены и с британским командованием и главной целью Маршана стало добиться того, чтобы хоть один такой документ попал в его руки.

Тогда английским представителям в Версале стало бы очень тяжело бороться с притязаниями Франции: ибо пара таких документов, опубликованных в прессе или, по крайней мере, прочитанных на заседании конференции или Лиги Наций, показали бы к чему свелись знаменитые пункты Вильсона. Мало того: это повредило бы сближению Америки — мирового кредитора — с Англией, потому что показало бы, что моссульские нефтяные источники, бакинские промыслы и целый ряд аппетитных кусков тайно вырываются Британией не только у Франции, но и у Америки...

Таким образом, задачи Маршана очень походили на задачи Гавварда и эти два человека, встречавшиеся в обществе, как представители дружественных держав — копали друг другу и державе, представителем которой являлся противник, могилу для того, чтобы самому воспользоваться добычей...

Быть может, и Маршан и Гаввард, с согласия секретных отделов, попытались бы войти в соглашение даже с ненавистными им большевиками, устроить что-то вроде Брестского мира, если бы «правительство, расположенное в Москве» согласилось пойти на те требования, которые предъявляли капиталистические хищники...

Но радиобашни Кремля не улавливали разоблачать планы мирового империализма, но кремлевские антенны не улавливали оповещать мир о преступлениях банков Франции и Сити, но «правительство, расположенное в Москве» категорически отказалось продавать интересы пролетариата — а заодно и интересы России — который героически сражался на всем протяжении от Архангельска до Одессы за свою свободу и за мировую революцию...

Кроме того, настороженное внимание рабочих масс во Франции и в Британии, а также возбужденное состояние

народов Востока, не давали возможности к такого рода предположениям.

И агенты Британии и Франции покупали Деникина, покупали зеленые банды, покупали акции и земли, одновременно ведя друг против друга ожесточенную войну...

Эта скрытая война велась с беспощадной жестокостью и, если бы Маршан мог уничтожить Гавварда, дружески ужинающего с ним в «Арлекине» — то он сделал бы это, не колеблясь... И он знал, что Гаввард сделал бы тоже самое...

Но агентура давала мало сведений и борьба велась скрыто...

Маршан давал несколько поручений Анне Ор; все эти поручения исполнялись киноактрисой, запуганной энергичным агентом, но приносили мало пользы. В свою очередь, полковник Гаввард допрашивал Анну Ор об исполнении некоторых заданий командования его королевского величества, но и здесь было то же...

Двойной шпионаж измучил Анну Ор: эта женщина, знавшая раньше только съемки сентиментальных кинодрам и любовников, попала в сложное положение, из которого не видела выхода. Ее тяготение к Казарину, которого она любила безнадежной, последней любовью тридцатишестилетней женщины, о которой сказал поэт:

— Последняя любовь, яркая, как румянец чахоточного...

Это чувство еще более усложняло положение Анны Ор...

В разговоре с полковником Гаввардом она призналась:

— Я вынуждена исполнить взятые на себя обязательства, но я жажду покоя, полковник... Я мечтаю о том времени, когда смогу вставать утром беззаботная, как прежде, зная, что мой день принадлежит мне и что моя ночь равна моему дню...

— Очень хорошо, — ответил сухо Гаввард, — идиллическое времяпрепровождение... Мы все мечтаем об этом...

Он улыбнулся, если можно это было назвать улыбкой:

— Но сейчас надо работать... Мисс, тройное вознаграждение за документы, уличающие того, кто произвел все эти действия, имевшие конечной целью нанесение вреда

британской короне...

Язык полковника Гавварда приобретал в некоторых случаях точный стиль документов секретного отдела...

Анна Ор наклонила голову, под ее глазами лежала глубокая синева...

— Я делаю все, что могу, — сказала она...

— Да, — ответил Гаввард... А что касается до этого Казарина и вашего отношения к нему...

Он улыбнулся улыбкой, которая привела бы в восторг любого жителя Сандвичевых островов:

— То это будет заслуженной наградой после тяжелой работы, не правда ли?..

Анна Ор широко открыла глаза: она не думала, что Гаввард знает ее тайну. Но он знал. Поднявшись и взяв в руки стек, Гаввард добавил:

— Итак, я жду дальнейших сведений...

Почти то же говорил вчера Маршан...

Та же неуловимая рука, которая покончила с агентом Великобритании в гостинице «Бристоль», которая расстроила целый ряд планов британского командования и таких же планов французского, та же самая рука вскрыла портфель полковника Гавварда и похитила оттуда два довольно значительных документа, свидетельствовавших о крайне интимных действиях командования...

Это случилось в восемь часов вечера. В десять полковник Гаввард, сообщая об этом Томсону и Стильби, сказал:

— Эти документы должны быть возвращены, хотя бы ценой нашей жизни.

Он вызвал снова Анну Ор...

На этот раз донесение актрисы послужило на пользу: Анна Ор довела до сведения Гавварда, что экстренный курьер Маршана отправляется сегодня ночью в Париж. Он везет, очевидно, важные документы, так как его отбытие глубоко конспиративно и Анне Ор удалось только случайно узнать об этом...

— Годдем, — сказал Гаввард, — мы примем меры...

Он, Томсон и Стильби совещались не больше получаса. Точный путь курьера был намечен. Лучший агент Гаввар-

да получил срочное задание: курьер должен был следовать до Константинополя на французском миноносце, а оттуда в Париж железной дорогой...

Перед полковником Гаввардом стоял алжирец, смуглый малый с энергичной физиономией: кочегар с миноносца французского флота...

Полковник Гаввард дал ему точные инструкции. Алжирец получил половину суммы вперед, остальную половину он должен был получить при исполнении задания...

Алжирца выпустили тайным ходом из здания британского командования. Миноносец отбывал в шесть часов утра...

Майор Стильби, получив последние инструкции, удалился: он должен был готовиться к отъезду...

Курьер Маршана, молодой марселец лейтенант д'Ангвиль, прибыл на борт миноносца «Дантон» в десять часов вечера... Встреченный командиром, он удалился в отведенную ему каюту...

«Дантон» стал разводить пары, готовясь к отходу...

Через час после прибытия курьера на борт — алжирец-кочегар спустил за борт крепкую веревку; ночь была очень темна... И по этой веревке пробрался наверх человек в макинтоше, в мягкой шляпе, с ловкими, почти кошачьими движениями...

Провожаемый под покровом ночи вахтенным-алжирцем, человек нырнул в трюм и оставался там незамеченным почти все время путешествия в Константинополь...

В шесть часов утра «Дантон» вышел из одесского порта и пошел на всех парах к Востоку...

В семь часов утра алжирец принес матросский костюм неизвестному, пребывавшему в трюме, тот быстро переоделся, прежняя его одежда была брошена за борт шедшего полным ходом миноносца.

— Ты приготовил все? — спросил неизвестный шепотом.

Алжирец кивнул головой.

Каюта курьера находилась в конце судна, почти на корме... В полутемном коридоре неизвестный быстро вынул

из кармана матросской куртки инструменты и приступил к вскрытию двери каюты.

Он работал настолько бесшумно, что даже алжирец, стоявший на часах в пяти шагах от него, ничего не услышал. В каюте было темно, курьер спал глубоким сном... В темноте слабо белело его лицо. Мягкими, кошачьими движениями быстро двигался по темной каюте неизвестный...

— «Готово».

Дверь каюты была тщательно закрыта, неизвестный быстро прошел вместе с алжирцем наверх, прошел, никем не замеченный, к носу и исчез, как привидение, в трюме миноносца...

Курьер французского командования по прибытии в Константинополь сдал свой пакет на хранение в контрразведку. Вечером он выехал в Париж, сопровождаемый другим агентом британской разведки.

Что касается до неизвестного в трюме «Дантона», то он выбрался с помощью того же алжирца Селима из трюма... Дальнейшее его пребывание в Константинополе окружено полной тайной...

Совершенно неизвестно, где именно он останавливался в Константинополе, как он провел два дня, предшествовавшие отходу пассажирского парохода нерегулярных рейсов — Константинополь-Одесса.

Во всяком случае — обратный рейс парохода застал его в каюте первого класса... Всю дорогу до Одессы он ни разу не сомкнул глаз...

Когда полковник Гаввард увидел входящего в комнату Стильби, он приподнялся с кресла:

— Готово, Стильби?..

— Готово, сэр... — ответил Стильби кратко...

Полковник Гаввард занялся рассмотрением пакета, переданного ему Стильби... Пакет был вскрыт в присутствии Гавварда, Томсона и Стильби... Печати были осторожно сняты, пакет был развернут и на столе полковника Гавварда очутилась грудa белой, неисписанной бумаги...

Гаввард посмотрел на Томсона...

Удивленный взгляд Томсона, однако, не смутил Гаввар-

да... Он сказал коротко:

— Неужели он пользуется невидимыми чернилами?...

Над струей пара из чайника, приготовленного Стильби, бумаги оставались такими же белыми и неисписанными...

— Проклятие! — сказал сдавленным голосом Гаввард, швырнув бумаги на стол...

Вечером в «Арлекине» полковник Маршан сказал с обычной своей улыбкой Гавварду:

— Нами были отправлены два курьера в Париж...

— Два? — спросил Гаввард холодно...

— Да... Один на миноносце «Дантон», другой спустя двенадцать часов на греческом пароходе. Я получил сведения, что оба курьера благополучно прибыли в Константинополь.

— Очень рад, — сказал холодно и сухо полковник Гаввард, — очень рад, что курьеры дружественной нам державы проехали, благополучно. Бокал поммери, сэр?...

Полковник Маршан согласился выпить бокал поммери... Лисья улыбка не сходила с его лица. Лицо Гавварда было холодно и вежливо... Поздно ночью он вызвал к себе Стильби и сказал, стукнув кулаком по столу:

— Проклятие: он одурачил нас...

— Кто, сэр...

— Маршан... Он имел сведения, что мы готовимся... Черт, но откуда он это узнал?...

Они пристально посмотрели друг на друга...

— Ор?

— Не может быть, — сказал коротко Гаввард... — Она сама была введена в заблуждение... Во всяком случае, это надо выяснить...

Стильби согласился с этим...

Полковник Гаввард спросил:

— Как арестованный индус?...

— Вполне здоров...

— Завтра я опять допрошу его...

— Слушаю, сэр...

Полковник Гаввард, помолчав, сказал:

— Стильби, все вещи опасные для... для здоровья отобраны у него?...

— Конечно, сэр...

— Бритва?...

— Ее не было...

— Перочинный нож?..

— Даже запонки...

— Подтяжки?..

— Да, сэр...

Полковник Гаввард сказал отдельно:

— Стильби, на вашей ответственности...

— Слушаю, сэр...

Гаввард отпустил Стильби и задумался. Он сидел, пыхтя трубкой, до четырех часов утра и улегся спать уже на рассвете...

Полковник Маршан также лег в это время: он разбираал груды донесений агентов до рассвета...

Леди Эдит Холлстен продолжала свой образ жизни знатной туристки... В Одессе, где на окраинах умирали от сыпного тифа и голода, в центре кипела болезненная шумная жизнь... Балы сменялись маскарадами, кабаре и кафе были переполнены; слетевшиеся со всех концов России спекулянты, бежавшие князья, помещики, банкиры и международные авантюристы шумно прожигали свои бриллианты и иностранную валюту...

Банкир Петропуло устраивал балы за балами и леди Эдит Холлстен была приглашена, как знатная гостья — на один из этих балов...

В бальном платье, выше среднего роста, с драгоценным ожерельем из розового жемчуга на белой шее, с золотисто-белокурой прической пышных волос и высоко поднятой головой, дочь вождя консерваторов делила успех вечера с киноактрисой Анной Ор. Эти две женщины выделялись среди других, среди толпы приглашенных, непохожие друг на друга как день и ночь...

Огромные черные глаза Анны Ор смотрели сегодня уверенно и горели от двух бокалов шампанского, черное шелковое платье с открытой смуглой шеей и нить ярко-

красного коралла — таков был костюм Анны Ор в этот вечер...

— Кто из них лучше? — спросил Маршан у какого-то лейтенанта...

Лейтенант посмотрел сквозь монокль:

— Их нельзя сравнить, — сказал он коротко...

— Почему?..

— Потому что, господин полковник, одна — дочь вождя консерваторов, леди, а другая актриса. Э?

Полковник Маршан улыбнулся:

— Но обе женщины, лейтенант?..

Бальные платья и фраки мужчин, бледные и возбужденные лица; Казарин сказал сидевшему рядом с ним литератору, также бежавшему на Юг из Москвы:

— Инсценировка пира во время чумы. И какая инсценировка!..

Литератор, ставший после революции горячим поклонником шпицрутенгов, Аракчеева и военных поселений и вместо новелл писавший брошюры в «Осваге», тряхнул седой, аккуратно подстриженной бородкой:

— Неудачное сравнение, поручик...

Казарин поглядел на литератора со странной улыбкой. Он хотел еще что то добавить, но поднялся. К ним подошла Анна Ор:

— Я не мешаю?..

— Просим, — сказал литератор, снова тряхнув седой бородкой, — прекрасным женщинам первое место...

Он любил женщин, но женщины не любили его и это портило нервы этому знаменитому литератору, чьи новеллы были переведены на все европейские языки. Он не мог привыкнуть к мысли, что его удел — писать о любви, а удел других — любить..

Анна Ор рассмеялась:

— Месяе Казарин сегодня задумчив?..

— Нет, — сказал Казарин, — я просто думал сейчас о том, как опишут подобные вечера, все это общество, через пятьдесят лет?..

Литератор снова отвел разговор от литературной, по его мнению, темы. Он заговорил об убийстве, происшедшем вчера ночью: французский лейтенант, возвращавшийся домой, был убит неизвестно кем на улице...

— Большевистские агенты, — с ненавистью сказал литератор...

Казарин молчал, наблюдая танцующих... Затем он сказал внезапно:

— Кто знает...

Литератор рассердился:

— Мы это знаем...

Анна Ор сказала мягко своим бархатным голосом:

— Не надо спорить... Господин Казарин — вы не приглашаете меня танцевать?..

Покачиваясь в танце и глядя прямо в глаза Казарину, она сказала:

— Я однажды подметила одно выражение вашего лица, которого не могу забыть...

— Да? — сказал неопределенно Казарин...

— Да. И знаете, когда это было...

— Когда?..

— Когда мы ездили на автомобиле, помните?.. Казарин, вы знаете, я подозреваю, что в вас живет какой-то другой человек...

Рука, охватывавшая Анну Ор, не ослабела.. Казарин улыбнулся, его голос был спокоен:

— Разве в каждом из нас не живет другой человек?..

— Но тот, который живет в вас, он страшен своей загадочностью, своей необъяснимостью, своей тайной... Казарин, кто вы?..

Стальные глаза Казарина посмотрели прямо в глаза Анны Ор:

— Поручик Казарин, сударыня... Причисленный к британскому командованию для связи...

— Я знаю, — сказала нервно Анна Ор...

Он усадил ее в кресло: оркестр, скрытый за пальмами, заиграл новый танец... Анна Ор следила за танцующими. Затем она сказала тихо:

— Мне так хочется покоя...

Казарин спокойно ответил:

— Вам рано еще отдыхать, сударыня... Вы так молоды...

Легкая дрожь пробежала по плечам Анны Ор. Она ничего не ответила...

Леди Эдит, сопровождаемая французским лейтенантом, подошла к ним.

— Хороший вечер, весело, — сказала она, сияя британским здоровьем...

Ужин, сверкавший хрусталем и блеском электрических люстр, продолжался до трех часов ночи...

Леди Эдит, сидевшая рядом с лейтенантом, тщетно ухаживавшим за красивой англичанкой, искала взглядом Казарина. Но его не было за ужином... Анна Ор сидела с литератором, немного опьяневшим и потрясавшим седой козлиной бородкой...

Справа от леди Эдит сидел недавно представленный генерал из деникинского штаба...

В половине четвертого, когда пили кофе, Казарин вновь появился в зале...

Леди Эдит завладела им и, изредка взглядывая туда, где находилась Анна Ор — постаралась ввести молчаливого офицера со стальными глазами в курс британского великосветского флирта. Это плохо удавалось ей...

На рассвете, уезжая домой, она сказала благосклонно банкиру Петропуло, проводившему ее до автомобиля:

— Очень удачный вечер... Почти как в Лондоне...

Толстый и лысый Петропуло склонился в низком поклонении...

У себя в «Бристоле» леди Эдит, снимая драгоценности, обратила внимание на небольшой холмик пепла на туалетном столе... Она рассердилась в первый момент, но вспомнив, что ключи от комнат были с ней и никто не мог войти в ее отсутствие на территорию Великобритании в трех комнатах «Бристоля» — испугалась: леди Эдит хорошо знала, что находится в зоне военных действий, что она находится в городе, где происходят большие события...

Леди Эдит осмотрела внимательно комнату и убедилась, что кто-то в ее отсутствие был здесь.

— Кто же? — спросила себя леди Эдит...

Она осмотрела драгоценности, спрятанные в столе: все было цело, это не были воры...

Осмотр шкатулки с бумагами, где хранились письма, убедил леди Эдит, что тот, кто был в ее комнате, интересовался, главным образом, ее перепиской: письма, несомненно, перебирала чья-то рука, женский инстинкт подсказал это леди Эдит: кроме того, по некоторым мелочам она увидела, что письма сложены в ином порядке...

Леди сначала очень испугалась. Но, вспомнив, что пришла на Восток с чисто спортивными намерениями, быстро взяла себя в руки: приключение — это очень занятно!..

Взглянув в зеркало, она сказала себе:

— Миледи, вам будет что рассказать в Лондоне и миссис Дженетт, и леди Бальфур, и мисс Ллойд-Джордж...

Затем она задумалась:

— Но как они могли войти сюда?..

Это было непонятно... Леди Эдит тщательно осмотрела все окна, все двери; за занавесью у входа в спальню она нашла еще одно доказательство: второпях брошенное письмо, очевидно, оказавшееся ненужным...

Теребя пальцами письмо, леди Эдит испытала сложное чувство. Она могла бы сообщить об этом Гавварду... Но решила не делать этого...

Горничная, вошедшая приготовить постель леди Эдит, подтвердила, что все время находилась в передней комнате... Леди Эдит отпустила ее и снова занялась исследованиями... Она заметила, что рама одного из окон была несколько расшатана... Тщательно осмотрев окно, леди Эдит пришла к выводу, что те, кто были в комнате, проникли в нее именно через это окно. Тем более, что это было единственное окно, выходившее на темную, безлюдную улицу. Леди Эдит, засыпая, припомнила все ей известные сочинения мистера Конан-Дойля и заснула с сознанием того, что она, наконец, пережила приключение, достойное настоящей леди, прибывшей на Восток...

Леди Эдит уже крепко спала сном здоровой, утомленной женщины, когда чья-то тень бесшумно скользнула через полуосвещенную комнату гостиницы «Бристоль», проскользнула к двери, бесшумно открыла ее и снова так же бесшумно закрыла за собой...

Леди Эдит в это время снились скачки, Дерби и победитель джентльменской скачки... Затем ей приснилось, что она едет верхом, утренняя прогулка в Гайд-парке... Дует легкий ветерок... Леди Эдит спала крепко и так же крепко спала в соседней комнате ее горничная...

ГЛАВА 10

Полковник Гаввард вторично допросил инженер-механика Абиндра-Ната...

Смутное лицо индуса несколько осунулось, скулы выдавались резче, но глаза смотрели так же спокойно и непроницаемо...

— Инженер Абиндра, — сказал полковник Гаввард, затягиваясь сигарным дымом, — нами точно установлено, что кем-то похищенный из бюро лазарета паспорт лейтенанта Абиндры был передан вам. Вы использовали этот паспорт для службы в британском флоте с неизвестными нам тайными намерениями... Вы не отрицаете этого, инженер Абиндра?..

Индус молчал, глядя упорным немигающим взглядом черных глаз...

Полковник Гаввард повторил:

— Ваши намерения нам неизвестны... Но, судя по всему, они были направлены во вред британской короне; очевидно, ваши сообщники находились в Лондоне, Константинополе и здесь... Может быть, они и сейчас находятся в рядах моряков его королевского величества?..

Индус молчал...

Гаввард сказал резко:

— Мистер Абиндра, мы будем говорить напрямик: британское командование не будет церемониться с вами... Я могу избавить вас от многих совершенно лишних неприятностей и обещать вам, слово джентльмена, спокойную и не мучительную смерть... Условие: вы объясните нам ваши намерения...

Абиндра-Нат молчал с непроницаемым лицом...

Полковник Гаввард положил сигару в пепельницу, добавил:

— Вы не умрете прежде, чем мы не добьемся от вас нужных сведений. Инженер Абиндра, вы слышали, вероятно, в Индии мое имя?.. Вы уроженец Непала, а там хорошо знают,

кто такой полковник Гаввард. Мое имя порукой тому, что вы не умрете прежде, чем я не выжму из вас все, что мне нужно...

Внезапно инженер Абиндра сказал гортанным голосом:

— Полковник Гаввард — это безуспешно. Я не скажу ничего. Отдайте распоряжение повесить меня...

Полковник Гаввард посмотрел на сухое, нервное лицо индуса:

— Н-е-т, — сказал он резко.

Минута молчания. Затем Гаввард сказал коротко:

— Я не останавливаюсь ни перед чем. Это слишком важно... И по-дружески, как джентльмен, советую вам дать необходимые сведения... Легкая и скорая смерть, именующий себя инженером Абиндра — это достаточная награда?..

Легкое пожатие плеч: индус продолжает молчать...

Гаввард сказал с еле заметным раздражением:

— Я выжимал из индусов многое, Абиндра-Нат; будем так называть вас, пока я выжму и из вас... Я видел уже не одного такого, как вы...

Абиндра-Нат неожиданно выпрямился, его глаза загорелись:

— Такого вы еще не видели, сэр, — сказал он неожиданно взволнованным голосом.

И добавил, глядя прямо в серые глаза полковника Гавварда черными горящими глазами:

— Я повторяю, повесьте меня: вы ничего все равно не добьетесь...

Если бы полковник Гаввард был склонен к поэтическим сравнениям, он подумал бы, что это сама Индия с ненавистью взглянула в холодные серые глаза Британии...

Но Гаввард подумал о том, что этот индус все-таки необычен, несомненно, это важный преступник, не рядовой агент — и он сказал вслух:

— Я предложил вам сделку: за показания легкая и не мучительная смерть. Сделка не состоялась. Мы подождем...

Индуса увели. По распоряжению Гавварда, он был заключен в каюте «Адмирабля», часовые проверялись лично

командиром Томсоном. Гаввард сказал Томсону:

— Артур, если что-нибудь случится с индусом — даже наша двадцатилетняя дружба не будет иметь значения: вы будете преданы военному суду...

И Артур Томсон, командир «Адмирабля», вытянулся и ответил своему товарищу по службе в Индии корректно и официально:

— Будет исполнено, сэр...

Полковник Гаввард путем долгих размышлений пришел к выводу, что имел дело с сильной организацией. И несомненно, что арестованный индус был одним из главарей, одним из вождей этой организации... Но каковы были цели этих людей? Где были их сообщники? Для Маршана это было слишком сложно: агентура Маршана не могла похищать документы в бюро лазарета на Трафальгар-сквере. Полковник Гаввард всю ночь писал доклад высшему командованию британских сил на Востоке, в котором доказывал, руководствуясь своим опытом, что на Востоке они имеют дело с двумя параллельными организациями, действующими самостоятельно: французской агентурой, преследующей чисто империалистические цели и старающейся подорвать авторитет Британии, и другой организацией, преследующей иные цели. Какие — этого не знал ни полковник Гаввард, ни кто-либо другой...

— Это не агенты большевиков, — писал в своем докладе полковник Гаввард, — так как большевики, имеющие возможность непосредственного влияния на рабочие массы, не могут терять времени на подобные авантюры.

Они действуют открыто, сражаясь с денкикинцами и оповещая мир о планах британского правительства. Но тайная организация, с которой мы имеем дело, несомненно, действует в духе, полезном большевикам, несомненно, сочувствует их борьбе с мировым империализмом... Очень возможно, что это организация людей, поставивших своей целью освобождение колоний из-под власти Великобритании, что это союз или партия, в которую входят много членов. Эта организация образовалась во время войны, пока мы были заняты уничтожением Германии... И борьба с ни-

ми, несомненно, так же важна, сэр, как и борьба с французским влиянием... Я прилагаю все усилия...

Полковник Гаввард писал в течение шести часов, затем внимательно перечитал все написанное, внес некоторые изменения и сообщил Стильби, что курьер в Константинополь, к лорду Алленби, должен быть отправлен утром...

Доклад Гавварда был заперт в нестораемой кассе, в помещении, охранявшемся двумя часовыми...

И этот доклад исчез бесследно, каким-то необъяснимым образом, причем все замки кассы остались целыми и нетронутыми...

Майор Стильби никогда не видел своего начальника в состоянии такого бешенства... Полковник Гаввард то бледнел, то багровел. Он беззвучно приказал майору Стильби удалиться. И сидел в кресле с широко открытыми глазами в течение часа. За всю карьеру полковника Гавварда с ним никогда не случалось ничего подобного: ни в Пенджабе, ни в Непале, ни в Сирии, ни, вообще, где бы то ни было...

Полковник Гаввард после часа безмолвного и окаменелого изумления изломал в куски три стека, расшвырял по комнате все бумаги, находившиеся на столе, и ходил из угла в угол в течение двух с половиной часов. Приехавшему Томсону майор Стильби сообщил о своих опасениях относительно рассудка Гавварда...

Но вошедшему Томсону Гаввард сказал, стиснув зубы, свою любимую фразу...

— Не будь я Гаввард...

Борьба полковника Гавварда была сложной и трудной борьбой: он боролся против французского командования, во-первых. Он боролся против большевиков, во-вторых... Он боролся против неизвестной тайной организации, относительно которой ничего не знал, кроме того, что она опасна и угрожает ему, представителю Великобритании, в-третьих.

И, сжав кулаки, с проклятиями, полковник Гаввард поклялся, что он останется победителем...

Томсон молча слушал его. Затем сказал неторопливо и его длинное лицо слегка сморщилось:

— Джон, ты поставил в известность высшее командование?

— Конечно, черт побери... И мне известно, что точно такие же преступления против Британии происходят и в Константинополе. Там арестовано трое албанцев.

Задумчиво Томсон сказал:

— Я думаю, Гаввард, что это нелегкое дело, борьба здесь. Потому что, во-первых, рабочие массы Британии начинают понимать, что наши сообщения о большевизме иногда превратны...

— Хм... — сказал Гаввард...

— А массы колониальных народов начинают понимать, что Версальская конференция ничего не изменит в их положении...

Полковник Гаввард ничего не ответил, он насвистывал:

— Правь, Британия...

Командир Томсон попрощался с полковником Гаввардом и вышел: это была их последняя встреча, ибо через три часа командир Томсон оставил свою службу во флоте его британского величества при некоторых, не совсем обычных обстоятельствах...

Командир Томсон вернулся на борт крейсера «Адмираль» в пять часов вечера. В половине шестого взволнованный помощник ворвался в каюту командира и сообщил, что в помещении арестованного индуса неладно...

Командир Томсон прошел в каюту арестованного, у входа в которую стояли, вытянувшись, два матроса на часах, и увидел тело инженер-механика Абиндра-Ната, содрогавшееся в агонии... Индус на мгновение приоткрыл глаза, затем опустил снова веки; может быть, под ними пробежали картины Непала, гортанные голоса смуглых, как шоколад, девушек... По телу индуса пробежала последняя судорога: уроженец Пенджаба или Непала, именовавший себя инженер-механиком Абиндра-Натом, вторично скончался на борту крейсера «Адмираль», и его вторая смерть была так же безмолвна, как и первая, в лазарете на Трафальгар-сквере...

Артур Томсон был истым британцем, ни один мускул не дрогнул на его лице, когда он увидел, как умирала его карьера вместе с телом индуса. Он круто повернулся и вышел, сопровождаемый помощником, который взволнованно объяснял, что неизвестно каким путем арестованный достал пакет с ядом которым и отравился...

Артур Томсон, командир «Адмирабля», медленно вернулся в свою каюту... Он присел к столу и написал своему старому товарищу, с которым он двадцать лет был на «ты», краткую, официальную записку:

— Сэр! индус умер. Прошу принять мою отставку и довести до сведения Британского Адмиралтейства об исключении меня из списка моряков британского флота. Командование крейсером передано помощнику. С чувством искреннего уважения, Томсон, командир «Адмирабля»...

Затем он снял со стены карточку шотландской девушки, ожидавшей его далеко на севере, и выбросил ее в окно каюты.. И выстрел браунинга оповестил команду «Адмирабля» о том, что командир Артур Томсон кончил свою карьеру...

По распоряжению Гавварда, тело командира Томсона было похоронено со всеми почестями по морскому обычаю: предано воде. При похоронах присутствовали: представитель французского командования полковник Маршан, леди Холлстен, представители Италии и Греции, офицеры французской и британской разведки и представитель деникинского командования в лице поручика Казарина. После залпа из всех орудий «Адмирабля» тело Томсона, зашитое в холстину, было брошено в воду. Полковник Гаввард круто повернулся и пошел к сходням. Его догнал помощник Томсона:

— Смею спросить, сэр, что сделать с телом индуса?

Полковник Гаввард кратко ответил:

— Сильби займется этим...

Майор Сильби занялся телом индуса. Он осмотрел тело индуса в присутствии судового врача, мистера Грэхама, который констатировал смерть от приема дозы стрихнина, затем тщательно спрятал мешочек, валявшийся рядом с те-

лом индуса...

Тело Абиндра-Ната было также предано воде, но без са-люта из орудий и без всяких почестей...

Полковник Маршан принес свои соболезнования Гав-варду... Его лицо было на этот раз серьезно: случай с Том-соном был в высшей степени неприятен даже Маршану...

И затем документы командира Томсона и индуса Абин-дра-Ната были отправлены в Константинополь в распоря-жение высшего командования...

Леди Эдит Холлстен возвращалась с похорон Томсона в подавленном состоянии духа. Ее сопровождал Казарин. Леди Эдит сказала:

— Этот бедняга Томсон! Еще вчера мы очень мило бол-тали с ним у Петропуло... Какой ужасный конец!..

Казарин молчал...

Леди Эдит подняла на него глаза:

— Вы всегда так молчаливы?...

С легкой улыбкой он ответил:

— За редкими исключениями...

Леди Эдит очень хотелось рассказать мистеру Казарину о своем приключении, о том, как кто-то тайком посетил ее комнату.

Но она воздержалась от этого, руководимая необычной для нее осторожностью...

Мистер Казарин распрощался с леди Эдит у входа в гос-тиницу «Бристоль», ссылаясь на срочные дела... И действи-тельно у него был озабоченный вид...

И леди Эдит, скучая, поднялась снова к себе в три ком-наты, намереваясь почитать до обеда новый роман Уэль-са...

Ее встретила растерянная горничная, сообщившая леди Эдит:

— Миледи, в наших комнатах кто-то был...

Леди Эдит взглянула на растерянную девушку:

— Вы в этом уверены, Дженни?..

— О, миледи, конечно... И мне показалось, миледи, что я видела чью-то тень, выскользнувшую из комнаты в ко-ридор...

— Что же вы сделали?...

— Мне стало страшно, миледи, и я позвала Ли-Ванга, он как раз находился неподалеку...

— А, — сказала леди Эдит...

Она подумала с минуту:

— Позовите Ли-Ванга...

Китаец-шофер явился... Его косые глаза остановились на леди Эдит...

— Вы видели кого-нибудь, Ванг, в комнатах?..

— Нет, миледи... Дженни позвала меня, но никого не было...

— Никого?

— Никого, миледи...

— Хорошо, вы можете идти. Автомобиль мне нужен будет к семи часам.

— Слушаю, миледи.

Китаец вышел... Проводив его глазами, леди Эдит сказала горничной:

— Дженни, вы должны молчать. Об этом не надо говорить... Мы подождем, что из этого выйдет...

Испуганная горничная еще раз повторила, что ей страшно...

— Хорошо, вы будете спать внизу, вам отведут другую комнату.

Леди оказалась достаточно мужественной; она проверила свой маленький шестизарядный револьвер с ручкой из слоновой кости и решила быть хладнокровной и настойчивой.

Но ближайшие дни не дали леди Эдит проявить своего мужества и настойчивости: по крайней мере, ничего подозрительного не было замечено. Даже горничная Дженни и та совершенно успокоилась...

Леди Эдит пригласила к себе на вечерний чай Анну Ор, полковника Маршана, Сергея Казарина и еще двух-трех знакомых... полковник Гаввард прислал записку с извинениями: он не мог явиться, срочные дела...

Этот вечерний чай в свете последующих событий навсегда запомнился леди Эдит: потому что именно в этот ве-

чер она убедилась в том, что Анна Ор действительно любит Казарина... В этом леди Эдит была твердо убеждена. И леди Эдит прониклась ненавистью к этой киноактрисе, к этой женщине, осмелившейся стать на дороге самой леди Холлстен: ибо леди Эдит в программе всех удовольствий туристки и спортсменки одним из пунктов ставила флирт с «туземцем». В данном случае туземцем являлся Казарин... Но был ли Казарин склонен к Анне Ор, этого еще не решила леди Эдит...

И, может быть, одним из обстоятельств, удержавшим леди Эдит на лишний месяц на Востоке — был именно спортивный интерес: скачка с препятствиями и призом в виде Казарина. Но пока Анна Ор шла на голову впереди...

— Я возьму этот гандикап, — думала леди Эдит... И сейчас же поправилась:

— Должна взять!..

Холодное, непроницаемое лицо Казарина не выражало ничего...

Он совершенно не догадывался об этом поединке... Он дружески беседовал с полковником Маршаном о новом снаряжении деникинских частей пулеметами, привезенными из Франции...

Полковник Маршан высказал предположение, что новое вооружение поможет армии Деникина в победе над большевиками... Казарин ничего не ответил на это... Впрочем, он был отвлечен от разговора леди Эдит, заявившей:

— Мистер Казарин, вы уроженец Петербурга?..

Про себя леди Эдит подумала:

— Шпоры и хлыст!!..

Казарин подтвердил это... Он часто бывал в окрестностях Петербурга и стал рассказывать о них...

Леди Эдит прервала его:

— Мне говорила о них мисс Бьюкенен, дочь нашего посла в Петербурге при императорском правительстве. Она влюблена в Россию, она даже написала повесть из русской жизни...

Полковник Маршан любезно подтвердил:

— Совершенно верно!.. Я был по делам в Петербурге при посольстве Палеолога и на вечере в посольстве имел честь быть представленным мисс Бьюкенен...

Казарин сказал медленно:

— Это было в 1914 году?..

Полковник Маршан обернулся к нему:

— Совершенно верно... Вы были там в это время?..

— Да, я был в Петербурге в это время...

Маршан сказал с искренним сожалением:

— Какой город, какие прекрасные женщины! И подумать, что все это разрушено и осквернено этими варварами...

Казарин, продолжая нить своих мыслей, спросил:

— Вы, очевидно, сопровождали французского президента?..

Маршан, несколько замешкавшись, ответил:

— Не совсем... Но мой проезд имел отношение к пребыванию президента...

Казарин смотрел на него в упор... И в памяти Маршана вдруг всплыло странное воспоминание, смутное, совершенно забытое ощущение... Но он никак не мог уловить связи между этим неопределенным ощущением и лицом Казарина...

Анна Ор сказала, осторожно проводя рукой по браслету:

— Я снималась в Петербурге однажды... Мне не понравился город.

Леди Эдит возразила:

— Прекрасный город...

Она случайно перевела глаза на дверь и застыла: в следующей темной комнате снова мелькнула чья-то тень... Первый момент окаменения прошел и леди, порывисто поднявшись, прошла туда и зажгла электричество: в комнате никого не было, но что-то неуловимое говорило о том, что здесь только что кто-то был... Дверь была заперта...

Леди, немного побледневшая, вернулась к своим гостям. Она извинилась за свое отсутствие и, стараясь владеть собой, снова принялась говорить о Петербурге...

Но когда гости разъехались, леди Эдит вызвала шофера Ли-Ванга и приказала ему провести эту ночь в смежной с ее комнатой.

Молчаливый китаец сказал коротко:

— Слушаю, миледи...

Затем он спросил:

— Смею спросить миледи, долго ли мы еще пробудем здесь?..

— Нет, не очень... А вы соскучились по Лондону, Ванг?..

— Я только спросил, миледи...

— Лорд Холлстен спрашивал о вас в своем письме...

Китаец промолчал...

— Я написала лорду Холлстену, что вы вполне оправдываете его доверие...

Ли-Ванг низко поклонился: выражения его глаз леди Эдит не могла разобрать...

В эту ночь леди Эдит не спала: она лежала с открытыми глазами и револьвером под подушкой и ждала появления неизвестной тени, так часто посещавшей ее комнаты и интересовавшейся ее перепиской... Но тень не появлялась. Присутствие Ли-Ванга в смежной комнате придавало много мужества леди Эдит... Но это мужество осталось неиспользованным в эту ночь...

Так как спать леди Эдит не могла, то она предалась самым разнообразным мыслям...

Леди Эдит перебрала в памяти всех знакомых в Лондоне, от мисс Бьюкенен до леди Китченер, затем вспомнила лорда Алленби и его советы не ездить на Восток...

Затем мысли леди Эдит перешли на Казарина... В розовой с черным шелковой пижаме леди лежала в постели с револьвером под подушкой и думала об этом странном офицере с холодным непроницаемым лицом.

Леди Эдит была довольно наблюдательна от природы. И она, перебирая в мыслях, свои встречи с Казариным не могла не признать, что этот человек совершенно не похож на остальных виденных ею в Одессе людей...

Он не походил на деникинских офицеров с явно бандитскими замашками, этих офицеров, являвшихся оскол-

ками бывшей царской армии, пивших в кабаре «Арлекин», где леди Эдит с брезгливостью наблюдала их... Это были, по мнению леди Эдит, туземцы, нуждавшиеся в твердой руке британского правительства для руководства их же собственной страной... Казарин не походил также на дельцов, которых леди Эдит встречала в доме банкира Петропуло, этого толстого и льстивого грека...

Он, вообще, не походил ни на кого из виденных леди Эдит людей и она должна была признать, что этот человек с холодными, глазами, с непроницаемым лицом, пожалуй, гораздо интересней даже молодого лорда Грэхема в Лондоне...

Но что то в этом человеке было чужое, никогда леди Эдит не встречавшееся... Она вспомнила одно выражение лица Казарина, когда он разговаривал с Маршаном и ей показалось, что она где-то уже видела подобное выражение глаз...

Но сколько ни напрягала память леди Эдит, она не могла вспомнить, где именно и при каких обстоятельствах...

Во всяком случае, она решила повести решительную атаку на этого молчаливого «туземца» — так назвала про себя леди Эдит Казарина...

За окнами комнат леди Эдит царила ночь... И в этой ночи на протяжении от Иркутска до Одессы, от Москвы до Казани люди с винтовками в руках делали тяжелое и сложное дело освобождения пролетариата от собственных бандитов и от иностранных интервентов...

И та же ночь царила и над остальным миром... Антенны радиостанций вспышками электрических молний сообщали в эту ночь миру, последние известия:

- Нападение повстанцев на поезд в Сирии...
- Пожар нефтяных вышек в Моссульском районе...
- Последняя речь Ллойд-Джорджа...
- Взрыв боевых припасов добровольческой армии, доставленных Францией в Одессу...

В эту ночь антенны радиостанции работали, как и каждую ночь, готова на утро материал для утренней прессы всего мира...

И радио-приемщики с шлемами на голове, с наушниками слушали по радио ноту Чичерина, говорившую миру о предательской политике Британии и Франции на Востоке и в колониях... Они слушали радио о последнем скандале в парламенте... о переносе тела неизвестного солдата в Париж для торжественных похорон...

Радиостанции работали в эту ночь, когда леди не спала, готовясь к встрече того неизвестного, который посещал в ее отсутствие комнаты.

И антенны вспышками молний освещали ночь, нависшую над миром, равно над Калькуттой и Одессой, Лондоном и Мельбурном...

ГЛАВА 11

Трое людей ухватились за концы грех нитей, ведущих, по их мнению, к источнику их волнений и тревог...

Полковник Гаввард, арестовав индуса Абиндру, думал, что именно здесь он найдет разгадку...

Перешагнув через труп Абиндра-Ната, полковник Гаввард стал бороться с мужеством отчаяния: потому, что он чувствовал, что тот неизвестный враг, с которым он имеет дело, во много раз смелее, энергичней и предприимчивей его... Гаввард увидел остатки оборванной нити в своей руке: индус ушел, не оставив ничего, что могло бы навести на след. Единственным вещественным доказательством существования индуса служил маленький пакетик, в котором еще осталось несколько крупинок, несколько белых кристаллов: по заключению доктора Грэхама — цианистый калий, самый могучий, быстро действующий яд, доставленный неизвестно кем и неизвестно каким образом в каюту арестованного индуса...

Показания часовых ничего не дали полковнику Гавварду... И он бережно хранил маленький пакетик из белой бумаги с несколькими кристаллами яда...

Полковник Маршан, которому удалось, при посредстве Анны Ор, также ухватить кончик другой нити, ведущей неизвестно куда, работал над выяснением вопроса: действительно ли британская разведка знала кое-что о последних донесениях французской разведки — и над решением задачи: было ли все, что происходило в последнее время, делом рук Гавварда?..

Некоторые подробности заставляли Маршана думать, что действовал не только Гаввард, но и еще какая-то, может быть, неизвестная Гавварду сила...

И, наконец, третьим лицом, ухватившим третий конец нити, была Анна Ор, измученная двойным шпионажем и любовью, поединком с леди Эдит и ужасом перед наступающей старостью...

Именно поэтому Анна Ор работала для разведки более интенсивно, чем когда бы то ни было: ибо ей было обещано и Гаввардом и Маршаном, после исполнения некоторых заданий — свободный выезд за границу, где она могла бы отдохнуть.

Анна Ор убедилась, что чья-то рука очень искусно и смело действует почти безошибочно, пользуясь враждой обоих представителей европейского империализма, натравливая их друг на друга, заставляя принимать свои действия за действия противника...

Но кто был тот или те, которые осмеливались так дерзко и безнаказанно работать среди деникинской, британской, французской разведки?.. Кто были эти люди?... Большевистские агенты?... Целый ряд деталей указывал, что эти люди не были большевиками. Большевики вели борьбу совершенно иными способами... Возможно, что неизвестная сила, убившая британского коммерческого агента для того, чтобы завладеть документами и предотвратить целый ряд преступных сделок английских капиталистов с русскими капиталистами — возможно, что эта рука была на стороне большевиков... Даже несомненно... Но она действовала без ведома большевиков... И в то время как пролетариат, предводимый коммунистической партией, героически сражался на фронте, эта дружественная рука помогала ему в тылу...

Концом нити для Анны Ор являлись некоторые документы, некоторые подробности, переданные Маршаном и Гаввардом... Она шла по нити, надеясь, что успеет дойти до конца, до того неизвестного конца, который должен же был находиться где-то...

Четвертый конец нити ухватила леди Эдит... Она решила во что бы то ни было добиться разгадки: кто посещал ее комнаты в гостинице «Бристоль», не прибегая для этого к помощи британского командования...

Так шли эти четверо людей, руководствуясь разными концами разных нитей, ведущих к одному и тому же источнику, совершенно не догадываясь о том, что разгадка была гораздо проще и ближе, чем они предполагали...

Анне Ор удалось доставить несколько ценных сведений Гавварду... Выслушав Анну Ор, Гаввард спросил, глядя прямо в глаза актрисы:

— Вы уверены в том, что Маршан получил из Парижа сведения о том, что второй курьер, отправленный им с подлинным пакетом, — что этот второй курьер был ограблен в пути и что пакет был похищен?..

— Да...

— В таком случае...

Гаввард на минуту замолчал...

Затем он спросил:

— Госпожа Ор, это крайне важное обстоятельство... В каких выражениях говорил об этом Маршан?...

— Он сказал мне вчера ночью...

— Вы были одни?..

— Но...

— Бросьте эти пустые условности, дело важнее — вы были одни?..

— Да...

— Как сказал Маршан? Точные слова?

— Он сказал: я не думал, что Гаввард может быть хитрей меня. Но он оказался хитрей...

Полковник Гаввард закусил губу... Затем он попросил:

— Дальше...

— Я должна сказать, что Маршан стал очень подозрителен... Мне с трудом приходится добывать у него сведения...

— Дальше...

— Мне удалось выяснить, что курьер Маршана, второй, не первый, который был отправлен со специальной целью ввести вас в заблуждение, что этот курьер был ограблен по пути в Париж, в скором поезде, и что пакет у него был похищен...

Наступило молчание... Гаввард сказал, сжимая кулаки:

— Кто же мог это сделать...

— Этого я не знаю...

— Хорошо, продолжайте работу...

Анна Ор встала... Глядя на нее, Гаввард припомнил, что эта женщина вела двойную игру, что она с его ведома служила в французской разведке...

Он сказал с тяжелой угрозой в голосе:

— Но если вы, мисс, ведете двойную игру — берегитесь... Наше условие — его всегда можно нарушить. Помните?..

— Я знаю, — повторила Анна Ор с содроганием...

Она вышла от Гавварда с головной болью. За последнее время ей нездоровилось, нервы сдали и синие круги под бархатными черными глазами Анны Ор становились все шире...

Гаввард, отпустив Анну Ор, принялся рыться в памяти, стараясь восстановить в своей памяти некоторые даты...

Он вспомнил, что арест индуса почти совпал с поездкой майора Стильби в погоне за фальшивым пакетом... Он вспомнил, что накануне у него были похищены документы, а через неделю, двадцатого числа, исчез его доклад верховному командованию. Сопоставив эти детали, полковник Гаввард пришел к заключению, что организация, с которой он имел дело, была очень сильна, имела много агентов и что Маршан не раз становился жертвой той же организации...

Гаввард решил, что если соучастники или агенты этой организации находятся во флоте, то самое простое — прибегнуть к излюбленному средству британской разведки: к провокации...

Наиболее подозрительными казались на крейсере «Адмирабль» те двое матросов, которые стояли на часах у каюты тогда, когда неизвестно кем индусу было доставлено извлечение от допросов Гавварда и от предстоящих пыток: цианистый калий... Кроме того — думал Гаввард — нет никакого сомнения, что кроме них, имеются еще сообщники в городе...

Он решил заняться этим немедленно...

Вызванный к нему Стильби молча выслушал Гавварда...

Уразумев, в чем дело — он сказал:

— Слушаю, сэр...

И добавил:

— Я займусь этим сейчас же...

Гаввард кивнул головой и велел ввести Казарина, пришедшего с докладом...

Майор Стильби сделал все необходимые приготовления. Он не гримировался, не надевал парика, он просто сбрил свои усы, а надев матросскую куртку, превратился в матерого боцмана...

На гичке он подъехал к «Адмиаблю» и коротко сказал дежурному:

— Прислан комендантом. Доложить...

Новый боцман был принят командиром, оставался у него около часа, а затем ушел на кубрик...

К вечеру он оказался в лучших отношениях с одним из матросов, стоявших неделю назад у каюты арестованного индуса. А еще через три часа, таинственно наклонясь к матросу, майор Стильби шепотом сказал:

— Я прислан от тех с берега...

— О! — сказал матрос, молодой шотландец.

Он пристально посмотрел на Стильби...

Сердце Стильби запрыгало как у охотника, почувявшего дичь.

Он кивнул головой:

— Да, от тех...

Шотландец пристально посмотрел на него:

— От кого?...

Стильби сделал вид, что рассердился:

— Перестань шутить. Ты знаешь... Я прибыл на помощь к тебе...

Шотландец оказался простосердечным малым. Стильби внутренне улыбнулся, видя, как этот молодец легко шел в ловушку...

Шотландец сказал вполголоса:

— Пойдем туда, на бак, здесь могут услышать...

Полчаса разговора с ним убедили Стильби, что он попал на верный след...

Он спросил:

— Тот, что доставил яд — он отпущен на берег?...

— Не знаю...

— А кто знает?..

Шотландец пожал плечами и закурил трубку. Стилби набрался терпения и молчал пять минут.

Затем он спросил:

— Когда тебе приказано явиться на берег?..

— Завтра, когда получу отпуск...

— Хорошо. И мне тоже...

— Вместе и пойдем...

Когда на другой день матрос съезжал на берег, с ним вместе поехал и новый боцман... Они сошли на берег, сели на извозчика и поехали на другой конец города, в предместье...

И здесь, в грязном и подозрительном трактире, им пришлось ждать около часа. Наконец, дверь стукнула, вошел человек в обыкновенном, купленном, очевидно, в магазине готового платья пальто и отозвал в сторону матроса...

— Наш, — услышал он голос матроса...

Вошедший колебался... Стилби нащупал револьвер в кармане и подошел к ним...

— Дело чисто, — сказал он пришедшему... — Я назначен ему в помощь.

Он кивнул на матроса...

Пришедший пристально поглядел на него... Затем коротко сказал:

— Идем...

Они прошли пустырем в грязный и темный переулок, где стоял мотоцикл с коляской...

— Садитесь, — сказал неизвестный...

Мотоцикл затрещал и помчался по дороге к морю... Уже были сумерки, когда неизвестный, остановив мотоцикл, сказал:

— Здесь...

И в тот же момент Стилби почувствовал удар по затылку, от которого он на момент потерял сознание. Очнувшись, он попытался выхватить револьвер, но его ударили

во второй раз... И, теряя сознание, Стильби услышал, как неизвестный сказал:

— В море...

Выброшенный в море, он пошел камнем ко дну... Но Стильби был опытным пловцом, он нырнул несколько раз подряд и поплыл к берегу в полной темноте...

Когда Стильби явился к Гавварду, совершенно истерзанный, с большой раной на затылке — у Гавварда сидел Казарин...

Отпустив его — Гаввард внимательно выслушал доклад майора...

— Чистая случайность, — сказал майор, — что я остался в живых...

Матрос обратно на крейсер не явился и был вычеркнут из списка экипажа... Но второй матрос, стоявший на часах вместе с первым, был арестован...

Он утверждал, что ничего не видел и Гаввард, пребывавший в состоянии хронического бешенства, приказал его держать под арестом, пока он не даст нужных сведений...

Этот матрос был уроженцем Лондона, работал в доках, затем пошел волонтером на фронт. Служил в эскадре в Красном море, затем вместе с «Адмиаблем» прибыл в Одессу... По отзыву помощника командира, это был прекрасный исполнительный матрос и ничего подозрительного за ним не замечалось... На втором допросе он продолжал утверждать, что ничего не знает...

Стеки полковника Гавварда ломались с поразительной быстротой. Каждый день ординарец покупал в городе новый стек и к вечеру он был сломан...

Руки полковника Гавварда были единственным, что выдавало его бешенство...

В остальном он был молчалив и хладнокровен, как всегда...

Майор Стильби получил трехдневный отпуск, его рана на затылке была довольно тяжела...

Отпуская его, Гаввард сказал:

— Через три дня майор, снова за работу...

— Слушаюсь, сэр... — ответил Стильби...

ГЛАВА 12

Леди Эдит, продолжая свои наблюдения за шкатулкой с письмами пришла к выводу, что неизвестного посетителя ее комнат интересовали, главным образом, письма лорда Холлстена, письма ее отца... Все остальные письма, очевидно, просматривались бегло и совершенно не нужны были таинственным лицам, интересовавшимся перепиской леди Эдит...

Так, например, письмо леди Херст совершенно не было тронуто, а письмо лорда Холлстена, где он давал своей дочери некоторые советы относительно того, с кем именно полезнее всего встречаться на Востоке, исчезло на день и затем было вновь возвращено в шкатулку.

Леди Эдит не удалось застать этого неизвестного посетителя у себя ни разу, хотя она прибегала к самым разнообразным уловкам для этого. Совершенно непостижимым образом этот человек, эта тень человека ускользали от леди и от ее шестизарядного маленького револьвера.

Но с упорством, делавшим честь дочери Холлстена, леди Эдит продолжала выслеживать своего посетителя... Она спала с револьвером под подушкой, старалась неожиданно зажигать электричество: все это было безрезультатно..

Леди Эдит не была наивна: она великолепно знала о том, что в Одессе и на Востоке работает разведка французского командования, что в противовес ей работает британская разведка и что очень возможна и работа какой-нибудь другой разведки...

Но леди Эдит не верила в возможность того, что та или иная разведка могла заинтересоваться ее пребыванием в Одессе. Слишком ясно было, что лорд Холлстен не поручил бы никакой опасной работы леди Эдит...

Именно поэтому леди Эдит особенно тщательно старалась поймать этого странного посетителя, читателя ее писем...

Если это были агенты Маршана — тем лучше; леди Эдит представляла себе, какой фурор, какую сенсацию произведет сообщение прессы о том, что леди Эдит поймала у себя французского шпиона...

Если же это были большевистские агенты — сенсация была бы не меньше: какой шум подняла бы пресса, руководимая ее отцом...

Леди Эдит была уверена, что в этом случае она на двух-трех недели стала бы самой популярной женщиной в Европе...

А леди Эдит любила популярность... Кроме того, охота за загадочной тенью представляла выдающийся спортивный интерес.

И леди Эдит со всей осторожностью и хитростью, доступными ей, продолжала этот захватывающий спорт...

На некоторое время это отвлекло ее даже от поединка с Анной Ор, поединка, в котором призом должен был быть Казарин...

Впрочем, леди Эдит упустила из виду ни актрису, ни гусарского поручика: она встречалась с ними почти ежедневно то в театре, то в кабаре, то у банкира Петропуло, то в тех нескольких домах где продолжало царить веселье отчаяния, прожигание последних дней, вызванное все большим приближением фронта и неминуемой расплатой за прежнее...

Китаец-шофер возил леди Эдит на предоставленном ей автомобиле британского командования в разные места города... Очень часто до брекфеста леди Эдит ездила кататься за город в сопровождении Казарина, несмотря на указания Гавварда, что это небезопасно: фронт приближался к городу...

Вследствие усилившейся агитации в войсках и на судах флота Гаввард вынужден был посоветоваться с Маршаном...

Маршан, улыбаясь лисьей улыбкой, заявил, что агитация имеет место, но особенно тревожиться не следует: все меры приняты...

Но некоторые признаки говорили об обратном: по сведениям Гавварда, Маршан сообщил генеральному штабу, что положение начинает становиться угрожающим, агитация во флоте растет, среди французских моряков волнение и британские моряки также не очень надежны: история с двумя матросами с крейсера «Адмиралъ» не ускользнула от лисьих глаз Маршана...

На одном из вечеров банкира Петропуло было особенно шумно и пьяно...

Артистка бывших императорских театров пела скабрезную шансонетку, пара за парой танцевали фокстрот...

Следя за их развинченными движениями, Казарин сказал стоявшему возле него лейтенанту:

— Знаете, что это напоминает?..

Лейтенант не знал...

Казарин хотел объяснить, но в этот момент к нему подошла леди Эдит с просьбой проводить ее вниз к автомобилю, так как у нее внезапно разболелась голова...

Казарин исполнил ее просьбу, но автомобиля леди Эдит не оказалось, шофер проявил необычайную неаккуратность...

Леди Эдит воспользовалась автомобилем Гавварда и уехала домой...

Придя обратно наверх, Казарин несколько минут пробыл в зале и затем также уехал.

Анна Ор, сопровождаемая целым штабом английских и французских офицеров, уехала кататься.

И когда потухли огни, разбрелась прислуга, прибиравшая столы, и в комнатах особняка Петропуло воцарилась темнота — из передней тихо проскользнула чья-то тень... Она бесшумно прошла длинный зал, бесшумно открыла дверь в кабинет Петропуло и закрыла за собой дверь...

Через пятнадцать минут та же тень показалась снова... Она снова бесшумно проскользнула через зал, прошла переднюю и исчезла так же бесшумно, как появилась...

Банкир Петропуло в это время находился в своей спальне, где предавался сомнительным удовольствиям в обще-

стве той самой актрисы, которая на вечере пела шансонетку...

Банкир Петропуло отличался толстым животом, багровой шеей и ожирением сердца... Гражданскую войну он использовал в качестве посредника между заинтересованными в Востоке банками Сити и туземными учреждениями того же рода... Большинство сделок проходило через руки Петропуло...

И когда Петропуло и его партнерша по ночному времяпрепровождению заснули и банкир захрапел во всю мочь своих ожиревших легких — та же тень проскользнула в спальню...

Неслышно она наклонилась над разбросанными вещами банкира... Его фрак оказался в руках этой тени... Бочковой карман был исследован с молниеносной быстротой... Но, очевидно, его содержимое не удовлетворило тень, потому что она швырнула бумажник и фрак на пол, подошла к двери и снова исчезла...

Утренний рассвет осветил сквозь опущенные гардины спальню банкира, лежащий на полу фрак и рядом с ним бумажник, банкира и актрису, спящих крепким сном на постели из карельской березы и приоткрытую дверь, которую не притворил за собой спешивший уйти неизвестный...

Через день после вечера у Петропуло леди Эдит, наконец, заявила о том, что она собирается покинуть Одессу... Леди Эдит собиралась посетить Каир и вернуться в Лондон к ежегодному состязанию гребцов Оксфорда и Кембриджа...

Но она была задержана в Одессе извещением лорда Холлстена, который сообщил ей, что просит оставаться в Одессе еще две недели, так как в данный момент путешествие по морю не совсем безопасно, по сведениям адмиралтейства...

Это не остановило бы леди Эдит — если бы не незаконченная история с Казариным и незавершенная охота за неизвестным посетителем помещения леди Эдит в гостинице «Бристоль»...

В то время как леди Эдит занималась в Одессе этим своеобразным спортом, лорд Холлстен вел в Лондоне чрезвычайно озабоченный и хлопотливый образ жизни...

Политическое положение, вообще сложное в мировом масштабе, грозившее небывалыми в истории Британии потрясениями, и внутри страны было опасным...

Уже не говоря об Ирландии — отчеты министерства внутренних дел говорили о том, что среди возвратившихся с фронта солдат нарастает брожение...

Такое же брожение началось среди рабочих масс...

В Карлтон-клубе говорили о целом ряде покушений, о ряде заговоров в Метрополии и в колониях...

Восток был похож на готовый к извержению вулкан, Версаль продолжал свою сентиментальную внешне и пресупную по существу работу, разногласия и противоречия между Британией и Францией нарастали...

Лорд Холлстен принимал участие в выработке некоторых экстренных мер по защите «священного права собственности», участвовал в совещаниях с виднейшими представителями банков, в том числе с мистером Джонсом...

Скотленд-Ярд со всем кадром своих агентов и провокаторов работал также усиленно...

Несколько покушений на видных членов кабинета были им предотвращены... Но опасность потрясений не миновала: в Лондоне продолжалось брожение, и секретные доклады начальника Скотленд-Ярда ясно говорили об этом...

* * *

Агент Скотленд-Ярда с чрезвычайно ординарной фамилией Джонсон был, однако, далеко не ординарным агентом: его ценили в Скотленд-Ярде на вес золота, ибо агент Джонсон, проницательная, лукавая и смелая ищейка, был незаурядным талантом в области провокации и слежки...

Его бесцветные проницательные глаза видели, по мнению начальника Скотленд-Ярда, на три метра сквозь землю и

самые важные дела поручались именно этому человеку в потертом пиджачке, с безвкусным, клерковским галстуком, с грязными манжетами и белесыми бесцветными глазами: таков был мистер Джонсон, один из лучших агентов и провокаторов Скотленд-Ярда...

Лорд Холлстен был одним из инициаторов идеи создания международной полиции и начальник Скотленд-Ярда именно мистера Джонсона и прочил для этой работы...

Лучшим местом для времяпрепровождения агент Джонсон считал Поплер: ибо где же, как не здесь, можно было найти работу Джонсону в районе кабачков, где пили виски матросы, слонялись безработные, где можно было услышать самые необыкновенные новости о положении дел в самых разнообразных частях света от Мельбурна до Калькутты из самых разнообразных источников в виде матроса-китайца или кочегара-индуса...

Мистер Джонсон слонялся по Поплеру, по его тавернам, похожий на ящерицу в своем изумрудном галстуке и желтовато-коричневом пиджачке... Его быстрые бесцветные глаза ухватывали самые мелкие подробности и его доклады начальнику Скотленд-Ярда пестрели самыми пикантными и поразительными подробностями...

Он сообщил, например, первым о том, что отправленный с крайне важными заданиями и крупными суммами денег в Египет уполномоченный министерства иностранных дел проигрался в клубе в Каире дотла, проиграл все казенные суммы и агент Джонсон утверждал, что этот проигрыш стоял в непосредственной связи с командированным на Восток агентом секретного отдела французского министерства иностранных дел...

— Потому что, — сказал, ухмыляясь, мистер Джонсон, — этот французский агент привез с собой двух опытных шулеров специально для того, чтобы британский уполномоченный оказался в ужасном положении... И весьма возможно, что этот же агент Франции предложит возместить британскому агенту его проигрыш за некоторые указания относительно его миссии на Востоке...

В этот день ничего особенного не случилось, кроме сообщения уголовной полиции, что в номере небольшой гостиницы в отдаленном районе Лондона найдены два трупа: мужчины и женщины, очевидно, покончивших с собой... Происшествие очень незначительное, пригодное исключительно для репортеров бульварной прессы.

Но острое любопытство Джонсона заставило его посетить номер с двумя самоубийцами...

Беглый осмотр трупов ничего интересного не представил для мистера Джонсона и он, уходя из номера, насвистывал довольно легкомысленный мотив...

Но, выйдя оттуда и удалившись на достаточное расстояние от агентов полиции, мистер Джонсон перестал насвистывать, его лицо приняло настороженное и озабоченное выражение и мистер Джонсон, взяв таксомотор, помчался с докладом к начальнику Скотленд-Ярда...

Должно быть, предположения мистера Джонсона были очень фантастичны, потому что начальник Скотленд-Ярда взглянул на Джонсона и спросил его:

— Мне кажется, вы переутомились, Джонсон?..

Но мистер Джонсон отверг эту гипотезу... Он заставил начальника поверить в свои предположения и получил разрешение заняться крайне важным делом...

После этого мистер Джонсон предался лихорадочной работе; его можно было видеть в самых разнообразных концах Лондона — на скачках и в банках Сити, в универсальных магазинах на Бонд-стрит и еще в тысяче разных мест...

Вечером того же дня мистер Джонсон сидел в кабачке с жокеем-китайцем и вел с ним довольно оживленный разговор...

Этот разговор затянулся до поздней ночи и, должно быть, мистер Джонсон получил интересные сведения: его лицо выражало удовлетворение и почти благодущие, когда он возвращался домой.

В восемь часов утра мистер Джонсон сделал краткий доклад начальнику Скотленд-Ярда... Он порылся в карманах и вытащил очень грязную и помятую записную книжку...

Заглядывая в нее, он сообщил начальнику:

— Сэр помнит, может быть, пропажу некоторых документов, совершенно загадочную пропажу из бюро лазарета в Трафальгар-сквере?

Начальник кивнул головой...

Мистер Джонсон принял почти молитвенный вид:

— Эти документы были проданы, сэр!..

— Проданы?..

— Проданы! Они были проданы неизвестному китайцу лицом, желающим остаться пока неизвестным...

— Но вам это лицо известно! — спросил начальник...

Мистер Джонсон ответил, что не существует вещей, неизвестных ему. И он продолжал:

— Это лицо получило задание приобрести еще несколько паспортов с визами и печатями, что и исполнило...

— Оно подлежит суду, — сказал начальник Скотленд-Ярда...

Мистер Джонсон ухмыльнулся:

— Наоборот, оно заслуживает награды, с вашего разрешения, сэр. Ибо только благодаря этому лицу и двум дуракам, покончившим жизнь самоубийством в этом грязном притоне, мы сможем, сэр...

Агент Джонсон сделал художественную паузу:

— Мы сможем, сэр, раскрыть организацию огромного значения, имеющую своей целью не только ниспровержение британского могущества на Востоке, не только помощь большевикам, но и...

Агент Джонсон понизил голос, объясняя эту цель ошарашенному начальнику...

— Вы с ума сошли! — сказал начальник, глядя вытаращенными глазами на Джонсона...

Мистер Джонсон в полном восторге хлопнул себя по ляжке:

— Сэр, я никогда не был более здоров, чем сейчас!.. Сэр! Пока Британия обладает такими агентами, как Джонсон, его королевское величество, да хранит его Господь, и мистер Ллойд-Джордж, и лорд Холлстен, и джентльмены из Сити могут спать спокойно...

Он продолжал свой доклад:

— Мне остается только установить, сэр, местопребывание того китайца, которому были проданы документы. И тогда, сэр, дело в шляпе... Это будет стоить, сэр, порядочного чека на королевский британский банк, но игра стоит свеч...

— Делайте, — кратко сказал начальник Скотленд-Ярда...

Для агента из Скотленд-Ярда, для мистера Джонсона наступили дни и ночи, полные лихорадочной работы... Он рыскал по Лондону, как ищейка, нюхая воздух и сверкая изумрудным галстуком... Тросточка агента Джонсона отбивала такт его шагам и Джонсон, сохраняя свой обычный вид, перебивал в сотнях самых необычайных мест...

Он пил виски с индусами в кабачках Поплера, в Уайт-чепле тратил целые часы на беседы с эмигрантами: итальянцами, евреями, алжирцами, французами, норвежцами и всем пестрым населением этого квартала...

В этих кварталах, где когда-то бродил Оскар Уайльд, Вальтер Безант, Джек Лондон, в этих кварталах нищеты, где видна оборотная сторона медали, оборотная сторона великой Британии, где за великолепие и могущество банков Сити расплачиваются сотни тысяч, миллионы людей, ведущих образ жизни, близкий к существованию пещерного доисторического человека, в этих кварталах, где царит нищета, вырождение и отчаяние — бродил ухмыляющийся мистер Джонсон, помахивая тросточкой и шмыгая по сторонам бесцветными глазками...

Многочисленные знакомства мистера Джонсона с обитателями этих кварталов отчаяния и нищеты помогали ему в поисках того, что мистер Джонсон называл про себя «дичью»...

Дичь мистера Джонсона отыскалась к концу следующего дня в виде совершенно испитого человека лет сорока, с поседевшими висками, с мутными, глубоко запавшими глазами, совершенно оборванного, почти раздетого...

Мистер Джонсон с некоторым соболезнаванием поглядел на отрешьего этого человека и пригласил его выпить по стаканчику виски в ближайшем кабачке... Он угостил его яичницей в достаточной пропорции для того, чтобы исто-

ценный желудок мог, наконец, удовлетвориться...

Мистер Джонсон терпеливо ждал, пока насытится его новый знакомый... И когда впавшие глаза бродяги засветились, наконец, давно не испытанным блаженством сытости, мистер Джонсон приступил к делу...

Он спросил, не припомнит ли джентльмен (при этом в голосе мистера Джонсона не было иронии), не припомнит ли джентльмен одну небольшую сделку, заключенную в конце декабря прошлого года, сделку, участником которой был упомянутый джентльмен...

Глаза оборванного человека потеряли выражение блаженной сытости, они растерянно и испуганно уставились на мистера Джонсона...

Но агент был опытный человек; он успокоил джентльмена: это не имеет отношения к уголовной полиции, он, мистер Джонсон является просто частным лицом, которому поручено выяснить некоторые подробности...

Хриплый голос бродяги выдал его волнение:

— Действительно, это было... Я бывший человек, сэр, но я не сделал бы этого никогда, если бы не был соблазнен, сэр..

— Деньги? — спросил Джонсон.

Бродяга мотнул головой:

— Нет, сэр — фамилия, сэр!..

Мистер Джонсон счел нужным удивиться:

— Фамилия?..

— Фамилия, сэр! Фамилия мистера Джонса, может быть, вы знаете сэр, Джонса, из Сити, банки, плантации, нефтяные источники и прочее...

— Я знаю, — коротко сказал Джонсон...

— Этот человек, сэр, превратил меня в то, что сидит перед вами сейчас... Это человек, сэр, надругался над лучшими чувствами, над самым ценным в моей...

— Невеста? — коротко спросил многоопытный Джонсон.

— Нет, сэр...

— Дочь?..

— Да, сэр...

Мистер Джонсон сказал:

— А!..

Это означало, что в памяти мистера Джонсона произошла зарубка: это всегда могло пригодиться, такая подробность из жизни всеильного короля Сити...

Затем мистер Джонсон, подливая виски, мягко спросил:

— И вы совершили кражу документов...

— Да, сэр...

— Очень хорошо... А лицо, купившее у вас эти документы, где оно находится?...

— Этого я не знаю...

— Вы знаете!..

— Нет...

Мистер Джонсон задумался... Затем он сказал:

— Ладно! На первый раз достаточно... Я хочу вас видеть завтра...

Лицо бродяги вновь выразило испуг:

— Но вы наверное не из Скотленд-Ярда, сэр?..

Мистер Джонсон пожал плечами и с достоинством ответил:

— За кого вы меня принимаете?..

Он назначил бродяге свидание в том же кабачке и удалился, очень озабоченный.

ГЛАВА 13

Зеленый галстук Джонсона и его бесцветные, почти рыбы глаза продолжали мелькать во всех концах Лондона. Он трясся в омнибусах, автобусах, такси, кэбах по самым разнообразным улицам, начиная от Риджент-стрит до переулков Поплера...

Мистер Джонсон, ищейка из Скотленд-Ярда, работал с упоением, предвидя раскрытие огромного дела... Он отказался от предложения Скотленд-Ярда принять участие в подделке некоторых документов, отказался еще от двух дел, всецело занятый своими изысканиями. Бродяга, с которым мистер Джонсон вторично встретился в таверне в Поплере, этот бродяга продолжал настаивать на том, что не знает, куда исчез человек, купивший у него документы с визами и печатями...

Однако мистеру Джонсону удалось выяснить, что бродяга ходил к этому человеку в гостиницу «Два оленя», в Майль-Энд...

Точно установив числа, мистер Джонсон помчался в гостиницу «Два оленя» со всей быстротой доступной ему...

Управляющий гостиницей очень недружелюбно принял мистера Джонсона, но предъявление билета Скотленд-Ярда быстро сделало его любезным и общительным: управляющий дал все нужные Джонсону сведения...

Человек, которым интересовался агент, выбыл из гостиницы 28 декабря для поездки на континент. Все подробные сведения о его внешности были даны Джонсону. Оставалось только узнать местопребывание этого человека, а это было нелегко...

Путем одному ему ведомых изысканий мистер Джонсон, однако, напал на следы этого человека: он не уезжал на континент, он продолжал жить в Лондоне...

Мистер Джонсон потратил два дня на усиленную работу по отысканию человека, купившего документы и нашел его... Это был давно известный Скотленд-Ярду шулер

и подделыватель векселей, не однажды отбывавший наказание...

Он долго упирался, но, наконец, вынужденный угрозами и обещаниями и красноречием мистера Джонсона — признался, что купил документы по поручению человека...

— Впрочем, это был китаец, — прибавил шулер...

— Где он находится?..

— Не знаю...

— Постарайтесь припомнить, — с угрозой сказал мистер Джонсон.

И тогда он узнал поразительную вещь: он узнал, что китаец, купивший документы, как видел шулер, однажды выходил из особняка лорда Холлстена, вождя консервативной партии...

— Не может быть, — сказал Джонсон, изумленный, — что он стал бы там делать?..

Но шулер клятвенно заверил его в этом.

Мистер Джонсон расстался с шулером и в течение трех часов бродил возле особняка лорда Холлстена, не осмеливаясь прийти туда с подобными подозрительными расспросами...

Он был принят дворецким, который очень сухо встретил мистера Джонсона...

Мистер Джонсон, поправляя ярко-зеленый, изумрудный галстук, с трудом подбирая слова, объяснил, что его интересует одна мелкая подробность: не посещал ли особняка лорда Холлстена в прошлом декабре какой-нибудь китаец?..

— Посещал? — спросил дворецкий, с безразличностью разглядывая изумрудный галстук Джонсона... — Нет, не посещал... Он живет в особняке милорда...

Мистер Джонсон подпрыгнул на своем стуле:

— Живет... — подтвердил дворецкий...

Он прибавил:

— Вернее, не в особняке, но в службах для прислуги. Он шофер милорда...

Мистер Джонсон кратко спросил:

— Имя?

— Ли-Ванг...

— Находится в Лондоне?..

— Нет.

— Где?

— На Востоке...

Глаза мистера Джонсона выкатились из орбит:

— На Востоке?!

— Да, сэр, — сказал дворецкий с раздражением...

Мистер Джон подавленно спросил:

— Для чего он поехал на Восток, этот китаец?..

С гордостью хорошо оплачиваемого лакея дворецкий ответил, что китаец Ли-Ванг сопровождает леди Эдит Холлстен в ее поездке на Восток; он один из самых преданных слуг милорда...

— Самых преданных? — переспросил мистер Джонсон.

— Да, сэр, — ответил дворецкий, — хороший шофер и очень преданный человек!..

— Хорошо, хорошо, — быстро сказал мистер Джонсон, — я попрошу вас не доводить пока до сведения милорда о моих расспросах, лишне беспокоить милорда, пока не предвидится в этом надобности...

С этим дворецкий согласился...

Мистер Джонсон ехал в Скотленд-Ярд, крайне подавленный тем, что китаец оказался так далеко: это осложняло дело. Кроме того, он, может быть, уже успел скрыться.

Он имел продолжительный разговор с начальником, после которого снова посетил шулера, у которого взял точные сведения о проданных паспортах...

Паспорта были: на имя индуса, уроженца Пенджаба лейтенанта Абиндра-Ната, китайца, уроженца Кантона, Ли-Ванга и еще один паспорт, которого никак не мог припомнить шулер...

— Вы должны припомнить, — сказал Джонсон, нервно теребя свой изумрудный галстук...

Но этого шулер припомнить не мог... Он мог только сказать, что купил этот паспорт в Поплере у какого-то человека и что паспорт принадлежал умершему от воспаления

легких брату этого человека... А больше шулер ничего не мог сказать...

Мистер Джонсон ехал обратно в Скотленд-Ярд, механически постукивая тросточкой по колену; его лицо было сосредоточено: мистер Джонсон приступил к наиболее опасной и ответственной части своих исследований...

* * *

Леди Холлстен продолжала свою работу по выслеживанию бесшумной тени, посещавшей ее комнаты...

Она пустила в ход всю свою женскую хитрость и все упорство спортсменки: это было занятнее верховой езды и хоккея и тенниса...

И леди Эдит проводила ночи с револьвером под подушкой, готовая при малейшем шорохе включить электричество и встретить ночного гостя, как подобает смелой путешественнице по Востоку...

В этот вечер леди Эдит вернулась домой рано; Казарин, провожавший ее, распрощался и уехал...

Леди Эдит совершила свой обычный туалет перед зеркалом, отпустила горничную, еще раз взглянула в зеркало, отразившее фигуру сильной и стройной спортсменки в розово-черной пижаме, с выбившимися из-под чепчика прядями светло-белокурых волос, легла в постель и выключила электричество...

Леди Эдит успела задремать, как вдруг ощущение присутствия в комнате кого-то постороннего разбудило ее...

Леди не зажгла света, зная по опыту, что из этого ничего не выйдет... Она даже не пошевелинулась в постели...

И леди Эдит явственно почувствовала, как мимо ее постели проскользнул кто-то... Как всегда — именно в этот день леди Эдит получила от лорда Холлстена письмо...

Она переждала несколько секунд, затем откинула одеяло и, собрав все свое мужество, бесшумно скользнула по ковру к двери... В щели мягко светился луч электрического

фонаря... Вся комната была в темноте и у бюро, где хранились письма, леди Эдит увидела Ли-Ванга, в одной руке державшего электрический фонарик, в другой письма...

Первым побуждением леди Эдит было окликнуть шофера, осмелившегося просматривать письма леди... В ней сразу заговорило чувство женщины, привыкшей видеть вокруг себя покорных рабов...

Но сейчас же леди Эдит подавила в себе это побуждение: было бессмысленно окликнуть Ли-Ванга... Человек, осмелившийся читать письма, пробравшись ночью в комнату, этот человек не остановился бы перед тем, чтобы избегнуть тревоги и ответственности, убив леди Эдит на месте...

Поэтому она так же бесшумно вернулась в постель...

Через минуту она почувствовала, как Ли-Ванг проскользнул мимо, почувствовала веяние струи воздуха от открываемой двери: Ли-Ванг исчез...

Леди Эдит, не закрывая глаз, пролежала до утра, обдумывая, зачем Ли-Вангу понадобились ее письма...

Она припомнила слова лорда Холлстена о преданности и улыбнулась: что сказал бы он, если бы увидел Ли-Ванга за чтением ее писем...

Когда утром леди садилась в автомобиль — она пристально взглянула на снявшего почтительно каскетку Ли-Ванга... Но лицо китайца было невозмутимо и выражало только обычную готовность служить своей хозяйке...

Леди Эдит призвала всю свою выдержку на помощь, чтобы не разоблачить сейчас же китайца...

И она молча села в автомобиль, приказав поехать по городу для прогулки...

Леди Эдит решила ни одним движением не показать китайцу, что она знает о его посещениях: она предпочла выждать дальнейшего хода событий...

Вечером, в «Арлекине», куда за последнее время собирались почти ежевечерне все иностранцы, леди Эдит внезапно решила, что цели китайца, вероятно, были не так уж просты...

Она спросила Маршана:

— Это, должно быть, трудное дело — разведка?..

Маршан вежливо поклонился:

— Очень, миледи... требует большого хладнокровия, здоровых нервов и находчивости...

Он рассмеялся:

— А почему леди пришло это в голову?..

Леди Эдит рассеяно сказала:

— Так, совершенно случайно...

Анна Ор выглядела в этот вечер утомленной... Она жаловалась на переутомление, съемка новой фильмы затянулась, новый режиссер не нравился ей...

Казарин, сидевший рядом, высказал предположение, что картина будет неудачна...

Анна Ор сказала нервно:

— Конечно, она не может быть удачна... Новый режиссер очень слаб, кроме того, сценарий написан кем-то из Освага, а это служит верным признаком того, что фильм провалится...

Глаза Анны Ор и леди Эдит в этот момент встретились: это были глаза двух врагов, черные, глубокие Анны Ор и зеленоватые, холодные, с искрами лукавства, леди Эдит...

Они одно мгновение смотрели друг на друга; Казарин, опустив глаза, делал вид, что рассматривает ногти....

Затем Анна Ор отвела свои глаза, она почувствовала себя побежденной...

Неожиданно, ослабевшим голосом, она спросила Казарина:

— Вы провожаете меня домой?..

Казарин вежливо поклонился... С жестким смехом леди Эдит сказала:

— Мистер Казарин не отличается хорошей памятью: полчаса назад он обещал проводить меня...

И их глаза снова встретились...

Казарин сказал, спокойно:

— Разумеется — я провожу миледи... Но можно было бы поехать втроем: мы завезли бы госпожу Ор?..

— Нет, — коротко сказала Анна Ор...

Она поднялась навстречу подходившему Маршану:

— Здесь душно и скучно... Полковник, я с удовольствием поехала бы покататься...

— Автомобиль к услугам мадам, — предупредительно ответил Маршан.

Анна Ор слегка кивнула леди Эдит и Казарину и удалилась, сопровождаемая Маршаном...

Когда они остались одни, леди Эдит улыбнулась Казарину:

— Мисс Ор стала очень нервничать в последнее время...

Он отозвался:

— Съемка фильма идет плохо: это ее огорчает...

— Вы думаете? Разве у мисс Ор нет никаких других забот?..

Казарин покачал головой:

— Не знаю.. Возможно...

Легкая улыбка вновь показалась на лице леди Эдит; наклонившись к Казарину так, что он почувствовал теплоту ее тела и запах духов, шедших из корсажа открытого бального платья, леди Эдит сказала:

— Мистер Казарин — полковник Маршан и эта киноактриса поехали кататься.. Думаю, что леди Холлстен и гусарскому офицеру русской армии не так уж неприлично было бы также поехать кататься...

Она рассмеялась, припомнив что-то... Затем снова сказала и ее зеленоватые глаза заискрились лукавством:

— Мистер Казарин, здесь, в Одессе, здесь, на Востоке, многие внешние приличия, требования респектабельности устраняются: даже я, британка, одна из тех британок, которых упрекают в ханженстве и лицемерии — даже я отрешилась от многого здесь...

Ее глаза заглянули в глаза Казарина с вызовом:

— Итак — мы поедем кататься?..

Казарин кивнул головой: его серые глаза слегка потемнели...

Когда автомобиль понес их по улице, леди Эдит, перегнувшись к шоферу, сказала ему:

— Ванг, мы едем кататься... Поэтому дайте скорость: я люблю быструю езду...

Откинувшись, она процитировала Киплинга:

— И конь понес по отрогам Гималаев меня,
Но ветер, но ветер быстрее коня...

И снова заглянула в холодные спокойные глаза Казарина:

— Но вы так спокойны, как будто изучаете карту Черноморского побережья?..

Казарин резко обернулся:

— Я не изучаю карты Черноморского побережья...

Леди Эдит рассмеялась:

— Ах да, нам, бедным женщинам нельзя знать секреты офицеров разведки... Но я однажды, все-таки, видела у вас в руках карту побережья...

— Где?..

Леди расхохоталась, очень довольная тем, что заинтересовала Казарина:

— Угадайте!..

— Я не могу угадать...

— Попробуйте...

— Но ведь ничего не выйдет...

Леди Эдит снова расхохоталась:

— Ну, довольно... Ванг сегодня везет прекрасно, правда?..

В этот момент автомобиль остановился: Ли-Ванг, обернувшись, сказал коротко:

— Камера лопнула, надо переменить, миледи...

Его косые глаза на мгновение остановились на Казарине. Это длилось одну секунду, но леди Эдит заметила этот взгляд...

Правда, шампанское шумело в ушах миледи, правда, это был мимолетный, случайный взгляд, но леди Эдит, заметив его, вздрогнула:

— Становится сыро, — сказала она неожиданно другим голосом...

Затем, как бы решив что-то, снова рассмеялась:

— Пока Ли-Ванг будет менять камеру, вы должны рас-

сказать мне, мистер Казарин, о своем прошлом...

Взгляд Казарина встретился с глазами леди Эдит:

— О прошлом?..

— Да. Я чрезвычайно интересуюсь вашим прошлым. Я вообще интересуюсь вами: это не льстит вам?..

И снова в этот момент леди Эдит пришло в голову, что она когда-то уже видела это или подобное этому лицо, с коротко стриженными волосами, с упрямой складкой у бровей и с этими стальными глазами, которые ее так притягивали...

— Прошлое, — сказал Казарин глухо, так показалось леди Эдит...

Затем, слегка пожав плечами, он добавил:

— Разве это так важно?.. Существует настоящее: вот ночь, темная улица, Ли-Ванг, который возится с камерой, и мы с вами, и эта страна, объята пожаром революции, и сотни тысяч людей, сражающихся сейчас на фронте...

Он оборвал:

— Кажется, Ли-Ванг кончает?..

Леди Эдит пристально посмотрела на него:

— Вы чисто русский?..

— Конечно...

— Странно, мне часто кажется, что я уже видела вас где-то, а между тем я впервые в России...

— Я бывал в Англии...

— Вот как?.. Когда?..

— Много лет назад...

— В командировке, вероятно?..

Казарин кивнул головой:

— Да...

Леди Эдит хотела спросить, в какой именно командировке, но оборвала и опять рассмеялась:

— Вы, вероятно, недовольны этим допросом: вы больше привыкли допрашивать сами...

Казарин промолчал... Ли-Ванг, вынырнув из темноты справа, сказал:

— Сожалею, миледи: машину нельзя исправить, поврежден карбюратор...

Он установился косыми глазами на леди Эдит:

— Миледи прикажет отыскать экипаж...?

— Кэб, — смеясь, сказала леди, — нет, не нужно, Ливанг, мне хочется пойти пешком... Мы пойдем...

— Слушаюсь, миледи, — сказал Казарин.

Они сошли с автомобиля... И снова леди Эдит уловила краткий, мимолетный взгляд, которым обменялись шофер и Казарин... Они пошли по темной улице, манто все время сползало с плеча леди Эдит, она смеялась коротким отрывистым смехом...

— Где вы живете? — неожиданно спросила она...

— Недалеко, — ответил Казарин, — за углом...

И, совершенно внезапно, леди Эдит прижалась к Казарину...

— Я хочу посмотреть, как вы живете...

Заметив удивленный взгляд Казарина, леди Эдит сказала раздраженно:

— Ах, да, этикет и правила приличия лучшего лондонского общества... Устав, предписанный ее британским величеством королевой...

Она снова посмотрела на Казарина:

— Но мы на Востоке!.. Мы на Востоке, мистер Казарин, в стране, объятой революцией и интервенцией и еще Бог знает чем... И через две недели я уезжаю, я уезжаю в Каир... Можно мне будет вспоминать вас, небольшое приключение в стиле Мопассана в стране гражданской войны...

— Вы знаете литературу довольно хорошо, — сказал холодно Казарин...

— О да, мы, британки, занимаемся ею очень охотно... Чего нельзя, кажется, сказать о русских женщинах... По крайней мере я не слышала ни одной цитаты из уст нашей приятельницы, очаровательной мисс Ор... Не правда ли?..

Коротко Казарин сказал:

— Если миледи хочет мне нанести визит в такое необычное время — мы должны свернуть направо...

Они пошли молча... Леди снова поправила манто и опустила голову, прислушиваясь к шагам, звучащим по панели...

Когда вспыхнуло электричество в комнате Казарина, леди Эдит сказала нервно:

— Гардины... гардины у окна надо опустить, все-таки...

Казарин занялся этим... Расхаживая по комнате, леди осматривала ее, затем она сказала, увидев, что Казарин смотрит на нее:

— Мистер Казарин, мы сядем на диван и, все-таки, я надеюсь послушать о вашем прошлом... Мы устроим элегический вечер воспоминаний в пять часов утра...

Казарин оставил гореть только большую лампу под абажуром темно-синего цвета... Леди Эдит глядела на него искрющимися глазами:

— Вы всегда так холодны и уравновешены...

Улыбка скользнула по лицу Казарина и спряталась в углах губ:

— Профессия, миледи... Без этого нельзя было бы состоять в разведке... А это мне нужно...

Леди удивилась:

— Нужно?.. Я думала, что джентльмен только в случае крайней нужды...

Но сейчас же она оборвала:

— Простите... Итак, мистер Казарин, я слушаю...

Леди Эдит полулежала на мягких подушках дивана... Глаза Казарина, блестя в синеватом полусвете, глядели на нее пристально и серьезно...

Он хотел что-то сказать, но стук в дверь перебил его...

— О... — сказала леди Эдит встревоженно, — какой ранний визит...

Казарин вскочил... И снова леди Эдит успела заметить в этот момент, как сквозь обычное лицо, холодное спокойное лицо Казарина, проступило новое, которое леди Эдит где-то смутно видала...

Он сказал тихо, чужим голосом:

— Я сейчас посмотрю...

Стук повторился... Подойдя к двери, Казарин спросил тем же чужим голосом:

— Кто?..

— Можно? — спросил женский голос...

Дверь распахнулась и на пороге показалась Анна Ор, смертельно бледная...

Казарин автоматически закрыл за ней дверь... И мертвое молчание воцарилось в этой комнате, тускло освещенной лампой под синим абажуром...

Это молчание длилось не менее минуты... Затем, прерывающимся голосом, Анна Ор сказала:

— Мне было так жутко... Я помешала, простите, я помешала...

Неожиданно она опустилась в кресло и закрыла лицо платком...

Леди Эдит, встав, сказала повелительным голосом:

— Мистер Казарин, вы проводите меня... Простите, мисс Ор, если я отниму мистера Казарина у вас еще на несколько минут... Он сейчас возвратится...

С иронией, с иронией Холлстенов, леди Эдит прибавила:

— Мы собирались здесь заняться элегическими воспоминаниями прошлого... Доброго утра, мисс Ор...

Сходя по лестнице и не глядя на Казарина, леди Эдит сказала:

— Я прошу прощения, что отзывалась о мисс Ор в не совсем почтительном тоне: я не знала, что мисс Ор занята иными делами и не имеет поэтому времени для литературы...

— Но, — начал Казарин...

Но леди Эдит быстро пошла вперед... Их шаги гулко стучали по панели тротуара, смоченной росой... Косые лучи рассвета освещали верхние этажи домов...

Так же молча они попрощались у входа в гостиницу «Бристоль», леди Эдит быстро прошла в дверь, открытую заспанным швейцаром...

Казарин вернулся обратно, но Анны Ор уже не было... Он оглянул пустую комнату и пожав плечами, сказал:

— Положительно, я становлюсь мопассановским героем... На что только не приходится идти...

Он еще раз пожал плечами, подошел к письменному столу и, перебирая бумаги, неожиданно рассмеялся... Этот

смех, которого никто не слышал, этот смех прозвучал чуждо и странно... Тому, кто посмотрел бы на Казарина, стоявшего спиной к свету и смеявшегося, никогда не поверилось бы, что этот смех принадлежал Казарину, гусарскому офицеру, причисленному к британской разведке... Казарин оборвал этот странный смех и сел в кресло: он работал у письменного стола до восьми часов утра, а затем, умывшись холодной водой, поехал к Гавварду...

ГЛАВА 13

Постороннему взгляду могло бы показаться странным, почему мистер Джонсон, осмотрев тела самоубийц в гостинице — сразу напал на след заговора...

Но все гениальные открытия этой ищейки объяснялись очень просто: мистер Джонсон нашел возле кровати самоубийц бланк с штампом:

— Лазарет № 124, Трафальгар-сквер, Лондон, министерство здравоохранения...

Мистер Джонсон нашел бумагу со штампом, на которой был записан адрес кабачка в Поплсере... Этот старый обрывок бумаги, очевидно, сохранившийся только потому, что в него завернули какой-то предмет, может быть, кольцо или часы — послужил путеводной нитью ищейке из Скотленд-Ярда...

Мистер Джонсон в свое время интересовался загадочной историей бесследной пропажи нескольких документов из лазарета и был вполне подготовлен к тому, чтобы адрес, написанный на грязном клочке бумаги, возбудил в нем всю свойственную ему энергию. Несколько дней работы убедили мистера Джонсона, что в разное время в разных концах Лондона было похищено около пятидесяти паспортов: очевидно, это была работа хорошо поставленной организации...

Но куда девались все эти документы, этого мистер Джонсон не знал...

Счастливым случай помог ему напасть на след Ли-Ванга... Это было единственной надеждой шаг за шагом раскрыть всю организацию. Но Ли-Ванг был далеко, в большевистской России...

Конечно, можно было бы послать депешу британскому командованию с требованием арестовать Ли-Ванга и именно так и хотел поступить начальник Скотленд-Ярда, но мистер Джонсон решительно воспротивился этому.

— Сэр, — не делайте этого, — почти умоляюще произнес он.

— Почему? — сказал недовольно начальник..

— Не делайте этого, — повторил мистер Джонсон, опора палаты лордов, кабинета министров, короля Великобритании и банкиров из Сити...

— Потому что, — повторил он, — арестовать Ли-Ванга не значит еще раскрыть всю организацию... Во-первых... Эти китайцы упорный народ.

Он помолчал... И, наклонившись к начальнику, добавил:

— А во-вторых, сэр, вы не можете быть уверены в том, что британский приемщик радио на Востоке, что он не принадлежит к той же организации... Вот что, сэр...

С этим начальник согласился...

И мистер Джонсон поставил вопрос ребром:

— Кто-нибудь должен отправиться на Восток для расследования. И контрразведка британского командования должна оказать содействие...

— Вы, — выпалил начальник...

Мистер Джонсон немного пожеманился, как избалованный опереточный тенор, но начальник хорошо знал мистера Джонсона:

— Тысяча фунтов стерлингов, — коротко сказал он...

Эта цифра сразу изменила настроение Джонсона. Он кивнул головой:

— Я согласен. Через два дня, милорд, я выезжаю. К тому времени вы согласуйте мой отъезд с секретным отделом министерства военных дел и с джентльменами с Даунинг-Стрит...

— Да, — коротко сказал начальник...

Приготовления мистера Джонсона не были очень сложными... Ему приходилось уже ездить с деликатными поручениями Скотленд-Ярда, например, в Калькутту, по делу о похищении бриллиантов на крупную сумму из королевской сокровищницы, и в Мельбурн по делу о похищении двух секретных документов...

Таким образом, дальнейшее путешествие не смутило мистера Джонсона.

Небольшой чемодан, два револьвера, грязная записная книжка, еще один, на этот раз серый с красными крапинками галстук, двоюродный брат знаменитого ярко-изумрудного: мистер Джонсон был готов к путешествию в страну варваров, в страну, не соглашавшуюся сделаться колонией его британского величества и джентльменов из Сити, да хранит их Господь...

Напутственные слова начальника Скотленд-Ярда были краткими:

— Джонсон, на вас смотрит весь Скотленд-Ярд... Веселей за работу, мой мальчик...

И хотя мистера Джонсона даже в темноте трудно было принять за мальчика — он растрогался и едва не полез целоваться с начальником, но тот отстранил его и в виде утешения прибавил, имея в виду сентиментальную натуру Джонсона:

— Тысяча фунтов лежат на текущем счету, мистер Джонсон...

— Есть, сэр, — ответил Джонсон... Еще раз мелькнул его неподражаемый ярко-изумрудный галстук и мистер Джонсон отчалил, снабженный всеми полномочиями и рекомендациями, какие нужны были для поездки на Восток-

Мистер Джонсон, исчезнув с лондонского горизонта, как бродячая звезда, вынырнул в Константинополе...

Он посвятил Константинополю всего три дня, причем не осмотрел ни Айя-Софию, ни могилу жены Сулеймана, ни оттиск его кровавой руки, ни вообще ни один памятник оттоманского искусства или зодчества: эти вопросы были глубоко безразличны для мистера Джонсона.

Зато каикчисы Галаты и Золотого Рога хорошо запомнили юркую фигуру этой человеческой ящерицы в ярко-зеленом галстуке...

Мистер Джонсон шнырял по Константинополю, как по Поплеру, и при этом не поинтересовался даже узнать, что на языке туземного населения этот город носит название Стамбула...

Мистера Джонсона интересовали иные вещи... И кое-что удовлетворило любопытство мистера Джонсона... Затем контрразведка имела честь увидеть в своих стенах агента Скотленд-Ярда и услышать исполненные достоинства слова человека в ярко-изумрудном галстуке и с тросточкой в руках:

— Сэр, мне необходимо выехать в Одессу...

Нужные документы были выданы мистеру Джонсону и с полным комфортом он выехал на пароходе, носившем название «Астра», что очень мало подходило к его внешности, до того он был грязен и запущен. Это был греческий пароход, совершавший нерегулярные рейсы Константинополь-Одесса и перевозивший обмундирование для деникинских частей...

Мистер Джонсон мельком окинул взглядом одесский порт, поймал два-три взгляда грузчиков, работавших на пристани, и свистнул про себя...

Многоопытный агент Скотленд-Ярда с достаточной ясностью увидел, что здесь дела идут не блестяще, что скоро, очень скоро британскому командованию придется оставить этот город...

— Впрочем, — утешил себя Джонсон, — и в Египте, и в Судане, и в Индии нас любят не больше... Эти джентльмены из Сити не очень церемонятся со шкурами колониального населения, да хранит Господь их и его британское величество...

И полковник Гаввард увидел в своем кабинете человека в ярко-изумрудном галстуке, который со всей почтительностью доложил, что имеет разговор крайне конфиденциального характера...

Полковник Гаввард отослал Стильби, присутствовавшего при разговоре, и беседовал с мистером Джонсоном в течение часа...

ГЛАВА 14

Анна Ор проводила глазами вышедших из комнаты Казарина и леди Эдит: перед ее глазами шли синие и красные круги, в ушах звенело...

Второй раз за последние месяцы Анна Ор опустила голову на колени и разрыдалась, вздрагивая плечами...

Она пришла к Казарину, мучимая невыносимой тоской, невыносимым стремлением к нему... Эта женщина, запутавшаяся в сетях контрразведки, двойная шпионка, агент британского и французского командований, любовница Маршана и еще многих других, эта женщина почувствовала, что к ней, после долгой и нелепой, пестрой жизни пришла настоящая любовь, настоящее чувство к этому странному человеку с холодными и спокойными глазами...

Эта любовь была еще тем сильнее, что актриса чувствовала, что это — последнее из того, что может ей уделить жизнь: еще одна-две морщины, еще одна-две пряди седых волос — и Анны Ор не станет.

Стоя перед зеркалом, Анна Ор часто видела, как из смуглого, продолговатого, молодого лица проступает безобразная маска старости, это видение было почти реально.

Анна Ор старела с каждым днем, с каждым часом, ей казалось, что даже минуты несут разрушение ее прекрасному телу, ее смуглой полной и стройной шее, ее прекрасным рукам и прославленным на экране бархатистым черным глазам... Тем сильнее становилась с каждым днем ее любовь к Казарину...

Распроставшись с Маршаном, которому она сослалась на сильную головную боль, Анна Ор просидела, не снимая манто и шляпы, у себя в течение часа...

Она не обдумывала своего визита к Казарину, она решила пойти к нему неожиданно для самой себя. И вот следствие этого: Казарин только возненавидит ее, заставшую его с леди Холлстен, помешавшую ему в пять часов утра...

Анна Ор припомнила изумленное выражение лица леди Эдит и ей показалось, что она начинает ненавидеть эту уравновешенную спортсменку, эту леди, привыкшую к забавным приключениям во время своих спортивных поездок, эту леди, отнявшую у Анны Ор последнюю надежду, последнее, может быть, прибежище...

Анна Ор подняла голову. В комнате продолжал царить синеватый полусвет, но сквозь шторы окна уже пробивались лучи рассвета...

Она вытерла лицо одеколоном, механически припудрила покрасневший нос, мельком взглянула на стол, на котором лежали бумаги...

Затем вышла из комнаты, осторожно притворив за собой дверь...

В гостинице заспанный швейцар сообщил ей, что ее дважды вызывали по телефону...

Анна Ор медленно поднялась к себе и ничком бросилась, не раздеваясь, на постель; так пролежала она, не раздеваясь, до одиннадцати часов дня, когда коридорный лакей, постучав в дверь, сообщил, что ее зовут к телефону...

Телефонная трубка донесла до слуха Анны Ор голос Гавварда: он требовал немедленного приезда Анны Ор по срочному делу...

— Хорошо, — покорно сказала Анна Ор...

Она снова поднялась наверх, с трудом переоделась... Зеркало показало ей неузнаваемо-похудевшее лицо и синие круги под глазами. Косметические средства перестали помогать Анне Ор. С большим трудом она привела лицо в более нормальный и не внушающий никаких подозрений вид...

Полковник Гаввард принял Анну Ор немедленно...

Он попросил ее сесть, закурил трубку и несколько секунд внимательно смотрел на нее...

Затем Гаввард сказал коротко, по своему обыкновению:

— Вы нездоровы?...

— Немного...

— Не прошла головная боль?..

Анна Ор подняла на него глаза... На головную боль она жаловалась вчера вечером полковнику Маршану...

В глазах Гавварда промелькнуло что-то... Но, сейчас же став снова деловитым и кратким, он сказал:

— Есть срочное поручение...

— Да? — спросила актриса...

Полковник Гаввард изложил дело.

Полковник Гаввард изложил еще несколько мелких дел и затем, глядя в упор, неожиданно спросил:

— Что говорил вчера полковник Маршан?..

Анна Ор ответила, что с полковником Маршаном она мало виделась, так как из-за головной боли рано ушла домой...

— Так, — неопределенно сказал Гаввард...

Затем он неожиданно сказал:

— Это все чепуха, мисс... Есть крайне важное дело...

Он повернулся к боковой двери и сказал:

— Вы можете войти...

Человек в ярко-зеленом галстуке, похожий на гигантскую ящерицу, выскочил из этой двери, как заводная игрушка...

— Мистер Джонсон, — холодно пояснил Гаввард, — из Скотленд-Ярда в Лондоне...

Затем Гаввард пояснил Анне Ор, что необходимо устроить тщательную слежку за Ли-Вангом, шофером леди Эдит...

— Леди Эдит, — механически повторила Анна Ор...

— Да... При этом нужно употребить все усилия, чтобы это было глубокой тайной, никто, даже сама леди Эдит не должна знать об этом...

— Хорошо, — сказала Анна Ор...

Мистер Джонсон скороговоркой сказал:

— Мисс должна, главным образом, следить за Ли-Вангом в те часы, когда ей это будет указано... Остальное сделаю я сам.

Анна Ор уехала домой... Она чувствовала смертельное утомление, голова кружилась, нервное переутомление давало себя чувствовать.

Леди Эдит, вернувшись домой, старалась убедить себя в том, что вся история с посещением квартиры Казарина в высшей степени юмористична и могла бы дать хороший материал любому фельетонисту...

Но как ни старалась леди Эдит убедить себя в этом, ей это слабо удавалось: она начинала чувствовать к Казарину нечто вроде ненависти, новое для нес ощущение...

Леди долго лежала в постели, не засыпая...

Затем, неожиданно приподнявшись в постели, леди, широко раскрыв глаза, была озарена неожиданной догадкой: взгляд Ли-Ванга, который он дважды уловила и которым шофер обменялся с Казариным, неожиданно пришел ей на ум...

Сопоставив некоторые второстепенные детали — леди Эдит вскочила с постели и зашагала по комнате: для нее стало проясняться многое и леди смутно начала улавливать какую-то нить, которая до сих пор ускользала от нее...

Леди Эдит много слышала о сети разведок в Одессе, она кое-что знала также о том, что кроме агентов британской, французской разведки существуют еще иные агенты...

Внезапно лицо Казарина всплыло перед глазами леди Эдит и с поразительной ясностью она вспомнила, где видела это лицо... Год назад в Гайд-парке происходил митинг и леди Эдит, проезжавшая мимо, случайно увидела оратора одной из этих преступных левых партий, которые мешают работе правительства и Сити, которые, сколько раз леди Эдит слышала это от лорда Холлстена, стараются погубить величие Британии...

Леди Эдит глубоко задумалась...

Что касается до мистера Джонсона — то он имел случай увидеть Ли-Ванга, когда леди Эдит выезжала с визитами...

Мистер Джонсон хорошо запомнил лицо китайца-шофера, и в течение трех дней мистер Джонсон безрезультатно пытался выследить китайца, но это не удавалось ему...

Ищейка из Скотленд-Ярда шныряла по всем концам Одессы... Джонсон видел весь этот разгул, маскарады, балы, кабаре, рестораны, которыми одурманивали себе головы собравшиеся в Одессе и бежавшие от большевиков бур-

жуазия и бывшая царская бюрократия... Опытному взгляду Джонсона было ясно, что это последние дни: пройдет немного дней и железная метла выметет Одессу и все черноморское побережье... Ставка британского правительства не удалась. Это было ясно: эту страну придется оставить, она не хочет сделаться колонией...

Мистер Джонсон продолжал следить за Ли-Вангом... Он не сомневался ни на минуту, что имеет дело с огромной организацией, с организацией, помогающей русским большевикам, имеющей разветвления и в Лондоне и Константинополе, и в Индии...

История с индусом Абиндрой была известна Джонсону со слов Гавварда: таким образом, два паспорта из трех были найдены... Но третий...

Джонсон продолжал слежку...

Он проводил часы под воротами гостиницы «Бристоль», ожидая выезда леди Эдит...

Он изучил гараж, где стояла машина леди Эдит, посетил в часы, когда китайца не было, его помещение, рылся в чемодане, но ничего не нашел...

Поэтому, когда однажды мистер Джонсон увидел выходящего из ворот в час ночи китайца — он, как тень, последовал за ним...

Китаец шел очень долго, прошел центральные улицы, миновал театральный проезд, спустился к приморскому бульвару и пошел по одной из боковых аллей...

Мистер Джонсон следовал за ним, стараясь держаться темных углов.

Китаец остановился на углу, стоял несколько минут, затем медленно повернулся и пошел обратно...

Мистер Джонсон, спрятавшись под воротами, пропустил его мимо себя, затем снова последовал за китайцем...

Около трех часов он блуждал за китайцем по городу... Затем китаец, решительно повернув, пошел обратно и в три часа утра взбешенный Джонсон увидел, как китаец медленно входил во двор, где находился гараж... Он вошел в помещение, где жил и через две минуты Джонсон мог убедиться в том, что китаец мирно разделся и лег спать...

Джонсон ушел, извергая проклятия... Если бы он мог заглянуть в комнату шофера — он бы увидел, как скуластое, шафранно-желтое лицо Ли-Ванга сморщилось в улыбку: китаец смеялся довольным смехом человека, которому удалось провести кого-то... Затем его лицо снова стало серьезным...

У леди Эдит произошел любопытный разговор с полковником Маршаном на одном обеде в итальянской миссии.

Маршан сидел рядом с леди Эдит, она очень долго спрашивала полковника о его прежней службе, Маршан долго предавался воспоминаниям. Ему действительно было что вспомнить: Сирия, Константинополь, затем Россия, затем Аргоны, Париж, затем снова Россия.

Когда в боковом салоне все общество расположилось за кофе — леди Эдит продолжала свой разговор с Маршаном...

Маршан припоминал свою поездку в царский Петербург во время посещения президентом Пуанкаре Царского Села...

— Вы были в свите президента?.. — спросила леди Эдит.

Лисья улыбка скользнула по лицу Маршана... Он ответил:

— Я был направлен с особыми заданиями в распоряжение нашего посла месье Палеолога...

— Я была знакома с ним, я встречалась с ним в Париже, — сказала леди Эдит...

Полковник Маршан улыбнулся еще раз:

— Славный малый, немного только театральный, любит позы, не правда ли, миледи?..

Леди Эдит согласилась с этим...

Полковник Маршан сказал, припоминая:

— Это было 22 июля 14 года... Президент прибыл в Кронштадт на броненосце «Франция» и был встречен императором Николаем на яхте «Александрия»...

— Это было импозантно? — спросила леди Эдит... — Мне рассказывала мисс Бьюкенен об этом...

— Да, конечно, — ответил Маршан.

После паузы он сказал:

— После обеда в Петергофе, это был замечательный обед, миледи, обед на котором присутствовали все великие князья, все министры, все императорское общество Петербурга: поток, фантастический поток сверкающих мундиров, алмазов, бриллиантов, обнаженных женских плеч, рубинов, сапфиров, топазов, поток света и огня... И среди всего этого блеска выделялся черный фрак месье Пуанкаре с голубой орденой лентой через всю грудь...

— Это были решающие дни, — сказала леди Эдит...

— Да... Я присутствовал при совещании Пуанкаре с императором на корме «Александрии»... Здесь была решена война, миледи...

Леди Эдит задумалась... Затем она спросила:

— Президент пробыл три дня?..

— Да... И мне пришлось все эти три дня сильно поработать... Ибо, кроме жандармского корпуса и охранного отделения, по требованию месье Палеолога президента охраняли и мы, агенты секретного отдела французского штаба... И я припоминаю...

Полковник Маршан увлекся воспоминаниями:

— Это был замечательный случай, миледи... Когда президент поехал присутствовать на обеде, данном в честь французской делегации, я стоял у входа в здание городской думы... Мимо меня прошли Сазонов, господин Вивiani...

— Социалист? — спросила леди Эдит с пренебрежением.

Полковник Маршан улыбнулся:

— Очень милый господин... Из социалистов, которые ничуть не вредили военному сближению императора и президента: наоборот, способствовали ему... Я пропустил их всех; в ту минуту, когда президент проезжал на автомобиле, сопровождаемый эскортом императорского конвоя, — я обращаю внимание, миледи, на человека, который стоит в трех шагах от меня... Этот человек, в скромном костюме, в фуражке инженера, обращает мое внимание на себя... Я говорю стоящему возле меня сержанту в штатском:

— Обратить внимание...

— Заговорщик? — жадно спросила леди Эдит.

— Его схватили и оказалось, что с ним была бомба... Этот человек должен был ее бросить — неизвестно в кого, в царя или в президента. Таким образом, я спас жизнь месье Пуанкаре...

— Его расстреляли? — спросила леди Эдит...

С сожалением полковник Маршан сказал:

— Нет! Ему удалось скрыться. Как сейчас вижу перед собой его фигуру... Как раз в этот момент...

Полковник Маршан остановился, ясно припомнив этот момент... Затем, внезапно ослепленный почти так же, как леди Эдит накануне, он сказал:

— Это был красивый и сильный человек... Его лицо... Вы знаете, миледи, его лицо страшно напоминало лицо мистера Казарина, нашего общего знакомого.

Глаза Маршана и глаза леди Эдит встретились... После паузы полковник Маршан сказал тихо:

— Эти русские лица очень походят друг на друга...

— Да, конечно, — рассеянно сказала леди Эдит...

Она снова задумалась... Полковник Маршан был несколько смущен неожиданным воспоминанием... Он сказал:

— Лишнее, конечно, доводить об этом до сведения Казарина, леди Эдит...

— Конечно, — коротко ответила леди... Но в этот момент она уже не сомневалась; она твердо знала, что означала связь, неуловимая связь Ли-Ванга и Казарина... Она твердо знала, что означало это странное выражение лица Казарина, которое она как-то уловила...

Леди Эдит могла восхищаться мужеством и силой и выдержкой... С этой стороны она не могла не отдать должного Казарину... Но леди Эдит была также дочерью лорда Холлстена...

Она продумала очень тщательно все происшедшее... Затем решила, что завтра, перед отъездом из Одессы в Константинополь, она скажет несколько слов полковнику Гавварду... Она скажет их уже на палубе миноносца, на котором леди Эдит должна была уехать.

И глаза леди Эдит, зеленоватые глаза, зажглись торжеством: необычное приключение, материал для расска-

зов в Лондоне, был у нее готов, леди Эдит подумала, что не все знатные британки могли похвастать подобными приключениями...

ГЛАВА 15

Секретное совещание Маршана и Гавварда длилось недолго... Без слов они понимали друг друга... Предписания высшего командования были получены и Гаввардом и Маршаном...

Теперь некогда было заниматься шпионажем друг за другом и посылать сведения о противнике в секретные отделы. Теперь надо было с достоинством эвакуироваться, ибо игра была все равно проиграна...

Полковник Маршан сообщил Гавварду:

— По сведениям моих осведомителей, сэр, шофер леди Холлстен, кажется, он китаец? — этот шофер играет какую-то странную роль здесь... Я рекомендую вам обратить должное внимание...

Полковник Гаввард остановил его движением руки:

— Я знаю, сэр... Сейчас нам будет сделан доклад...

По приказанию Гавварда в комнате появился мистер Джонсон.

Его изумрудный галстук ослепил Маршана... Невольная улыбка скользнула по губам полковника французского штаба, но он ничего не сказал...

Полковник Гаввард сухо приказал мистеру Джонсону начать доклад.

— Слушаю, сэр...

Мистер Джонсон откашлялся, у него был торжественный вид...

— Джентльмены, по сведениям Скотленд-Ярда, в частности, по моим сведениям — в декабре прошлого года неизвестными лицами были куплены паспорта, несколько десятков паспортов, оставшихся после умерших, украденных и так далее... Уважаемые джентльмены, путем тяжелой работы и долгих изысканий...

— Короче, — проворчал Гаввард...

Маршан смотрел на Джонсона с неопределенной улыбкой...

— Джентльмены, эти паспорта были куплены организацией, поставившей своей целью низвержение владычества капиталистов в колониях Великобритании и Франции.

— Продолжайте, — сказал Маршан, кивнув головой...

— В этой организации находятся индусы, китайцы, малайцы, русские, к сожалению, британцы, французы: она насчитывает много людей, обладает большими средствами...

Полковник Гаввард посмотрел на Маршана: Маршан кивнул головой.

— Я продолжаю, джентльмены... Мне удалось с большим трудом напасть на след: я открыл, что паспорта были куплены китайцем, шофером лорда Холлстена, по имени, вернее, по паспорту Ли-Вангом.

— Меньше о себе, больше о деле, — проворчал Гаввард.

— Этот китаец находится здесь в этом городе... Я прошу вас, джентльмены, отметить, что здесь дело не в нем одном...

Мистер Джонсон поправил свой замечательный изумрудный галстук:

— Не в нем одном, джентльмены... Именно поэтому было бы крайне неосмотрительно арестовывать этого китайца сейчас..

Смею сказать: не только неосмотрительно, но и преступно, джентльмены, ибо никакие меры воздействия, смею сказать, британской разведки...

Джонсон запнулся, затем продолжал:

— Не помогли бы... Китайцы упрямый народ... Кроме того, случай с индусом, именовавшим себя Абиндра-Нат и...

— К черту, — сказал Гаввард, — ближе к делу...

С лица Маршана не сходила лисья улыбка... Он сказал:

— Не мешайте ему, дорогой Гаввард, он неподражаем...

Мистер Джонсон не понял, что хотел сказать французский полковник; он поклонился с достоинством и продолжал:

— Надо выслеживать, надо следить, чтобы установить, какую связь имеет упомянутый китаец с остальной органи-

зацией, надо проследить, куда ведут нити этой организации: в Турцию, Индию, Персию или еще куда в одно из мест, отмеченных в географии, одним словом, колоний, с вашего разрешения, джентльмены...

Джонсон кончил свою речь и оглянул слушателей...

Маршан сказал:

— Это, действительно, интересно... Но это надо держать в строгой конфиденциальности, черт возьми...

Гаввард кивнул:

— Конечно... Джонсон занимается слежкой пять дней...

И ничего... Этот китаец, дьявольски осторожен...

Маршан внезапно заинтересовался:

— А леди Эдит... Она знает?..

— Нет, сохрани Боже... Этого ей незачем знать...

И мистеру Джонсону были даны директивы: вести слежку за Ли-Вангом, не возбуждая никаких подозрений...

Мистер Джонсон озабоченно спросил:

— А как долго мы еще будем здесь, сэр?..

Полковник Гаввард заявил мистеру о том, чтобы мистер Джонсон не заботился об этом, это забота командования...

— Слушаю, сэр, — сказал мистер Джонсон...

Банкир Петропуло, казалось, был занят, главным образом, тем, что давал парадные обеды и вечера для иностранцев. По крайней мере, не проходило недели, чтобы в особняке Петропуло не собирались гости, не гремела музыка, не раздавались торжественные тосты в честь «наших друзей, британцев и французов»...

Очевидно, банкиру Петропуло это было нужно...

Леди Эдит собиралась уезжать из Одессы... Она пробыла здесь достаточное время, темы для рассказов леди Херст и мисс Бьюкенен были найдены; леди Эдит собиралась посетить Каир и уехать в Лондон...

Было нечто удерживавшее леди еще в Одессе... Неразгаданный Ли-Ванг — это мучило леди Эдит...

Но она решила молчать до последнего дня отъезда, до того момента, когда настанет время уезжать... Тогда леди Эдит скажет несколько слов полковнику Гавварду...

Этот день настал... На другое утро «Адмираль» снимался с якоря, увозя с собой несколько членов британской колонии и, в их числе, леди Эдит...

Готовясь поехать на обед к банкиру Петропуло, леди Эдит сказала горничной:

— Позовите Ли-Ванга...

Китаец пришел, став почтительно у двери...

Леди Эдит внимательно посмотрела на его бесстрастное лицо, узкие косые глаза и выдающиеся скулы...

— Настоящий азиат, — подумала леди Эдит...

Она сказала:

— Ли-Ванг, довольны ли вы службой у меня?..

— Да, миледи...

— Вы не можете ни на что пожаловаться?..

— Нет, миледи...

Леди замолчала... Затем вдруг спросила;

— Ли-Ванг, сколько времени вы служите у нас, я хочу сказать, у лорда Холлстена?..

Китаец взглянул на леди:

— Полтора года, миледи...

— Вот как? Мне казалось, гораздо больше... А где вы служили до этого, Ванг?..

Ли-Ванг пояснил бесстрастно:

— У мистера Джонса, Сити, миледи.

Леди Эдит сказала внезапно:

— Ли-Ванг, вы не поедете со мной на «Адмираль»...

Лицо китайца не изменилось. Он ответил бесстрастно:

— Как прикажет миледи...

— Вы останетесь здесь, Ли-Ванг, и поступите в распоряжение полковника Гавварда... Ему нужен опытный шофер...

Ли-Ванг молчал...

— Вам это не нравится?

— Как прикажет миледи...

Леди отпустила шофера и поехала на обед Петропуло... Этот торжественный обед давался в честь отъезда леди Эдит и речи следовали за речами...

Банкир Петропуло разливался в своих дружественных чувствах к Британии и, в частности, Сити... Он произносил слово Сити с благоговением...

После обеда, за кофе у леди Эдит произошел небольшой, но довольно значительный разговор с полковником Маршаном...

Леди Эдит говорила в полголоса:

— Дорогой полковник, это занятная страна, я вполне довольна...

Полковник Маршан улыбнулся:

— Миледи, ваша страсть к приключениям вполне удовлетворена?...

— О, вполне...

Леди рассмеялась музыкальным звенящим смехом... Она, действительно, была довольна... Затем она сказала:

— Я бы рассказала вам, сэр, одну историю, если бы была уверена...

— О, — сказал Маршан, — вы можете быть уверены...

— Вполне?..

— Конечно...

Леди Эдит колебалась:

— Слово джентльмена?

С еле уловимой разницей в тоне полковник Маршан сказал:

— Слово француза...

Леди Эдит не уловила этой разницы... С прямокой британки она сказала:

— Я могу вам рассказать...

И леди Эдит поведала полковнику Маршану историю с Ли-Вангом.

— Но, миледи, — сказал Маршан, — ведь это очень интересно... Почему вы не сказали этого Гавварду?

— Я скажу перед отъездом... Но это еще не все...

С наслаждением спортсменки леди Эдит рассказала о неуловимой связи Ли-Ванга и нашего доброго знакомого, вы знаете, полковник, мистера Казарина...

На этот раз полковник Маршан остался серьезным.

— Вы напрасно...

— Нет... нет... Гаввард узнает об этом перед отъездом... Я хотела сама раскрыть преступление... Полковник, ваше слово дано...

— Конечно, — неохотно ответил Маршан...

— Но это еще не все, — сказала леди Эдит с торжеством...

— Да? — спросил Маршан...

— На вечере, вы помните, когда был этот русский великий князь, как его зовут...

— А, да, помню...

— Мне удалось установить...

Для эффекта леди Эдит выдержала паузу:

— Мне удалось установить, что гусарский офицер Сергей Казарин был убит в бою под Варшавой. Вы помните эти бои, полковник?

На этот раз полковник Маршан удивился непритворно... Леди была счастлива, видя это изумление...

С довольной улыбкой она сказала:

— Не правда ли, я очень умело разузнала все это?

— Конечно, — ответил Маршан... — Но я настаиваю на том, чтобы миледи немедленно довела до сведения сэра Гавварда... Это очень важно...

— Я не скажу раньше, чем на палубе «Адмирала», — упрямо сказала леди Эдит...

Она добавила:

— Ваше слово француза... Вы будете молчать?..

— Конечно, — ответил Маршан...

Когда леди Эдит распрощалась и уехала к себе готовиться к отъезду, полковник Маршан задумался на минуту... Затем он позвал одного из офицеров своего штаба, лейтенанта д'Орвилля, и отвел его в нишу, образованную ниспадавшими до пола занавесями:

— Д'Орвилль, на пару слов...

— Слушаю, господин полковник...

— Вы понимаете, Орвилль, я связан словом... Но слово для леди Холлстен, я не доведу этого до сведения Гавварда. Но мы должны наблюдать, мы должны быть в курсе, лейтенант.

— Само собой — ответил лейтенант, — я слушаю, господин полковник.

Они обменялись несколькими фразами. Лейтенант очень удивился, слушая полковника Маршана.

Анна Ор запоздала на обед... Она была занята съемкой новой фильмы, режиссер задержал Анну Ор на два часа...

Кроме того, Анна Ор получила письмо от Джутича: он и Ленский устроились в итальянской кинофирме и Джутич писал:

— Забудем прежние обиды, приезжайте сюда, вы необходимы...

Анне Ор страстно захотелось этого... Вести прежнюю жизнь, беззаботную жизнь актрисы, жить в Риме, ездить на съемки в Венецию и Неаполь...

Анна Ор даже закрыла глаза от наслаждения...

Затем она отогнала от себя эти мысли... Это можно было сделать потом...

А пока... А пока...

Анна Ор поехала переодеваться... Горничная сообщила, что ее спрашивали по телефону...

— Незнакомый голос, — сказала горничная... — Сказал, что позвонит вечером...

— Хорошо, — ответила Анна Ор..

Она приехала в особняк Петропуло в четыре часа... Проходя по небольшой гостиной, в которой никого не было, Анна Ор услышала тихий разговор за занавесью...

Бесшумно подойдя — она услышала голос Маршана:

— Таким образом, лейтенант...

Анна Ор стояла, прикованная к занавеси, и слушала... Ее сердце остановилось, Анна Ор, казалось, превратилась в камень, только уши Анны Ор жили и слушали полковника Маршана...

* * *

После разговора с леди Эдит Ли-Ванг вернулся в гараж... Он аккуратно вычистил машину, смазал некоторые части мотора, проверил карбюратор, коробку скоростей, поправил фонари, осмотрел камеры...

Затем медленно выехал за ворота... Прогуливавшийся за воротами мистер Джонсон бросился китайцу в глаза...

И в глазах китайца промелькнула ирония...

Он искоса посмотрел на мистера Джонсона и увидел, что тот смотрит вслед автомобилю...

На чистом английском языке, без всякой примеси гортанного акцента, Ли-Ванг пробормотал:

— Смотри, смотри, ищейка из Скотленд-Ярда...

Мистер Джонсон смотрел вслед автомобилю, пока тот не скрылся из глаз...

А через два часа мистер Джонсон узнал в здании британского коменданта, что автомобиль леди Эдит найден в десяти верстах от Одессы без шофера... Одна камера лопнула, автомобиль стоял в стороне от дороги... Никаких признаков шофера не было...

И мистер Джонсон, испустив проклятие, бросился на улицу: надо было найти след Ли-Ванга, пока не было поздно...

Ибо мистер Джонсон почувствовал, что нить начинает ускользать...

Его остановил ординарец, который потребовал мистера Джонсона к Гавварду... Между ними произошел краткий, но значительный разговор, после которого мистер Джонсон выскочил из кабинета как школьник, которого отодрали за уши, и устремился на улицу с дикой энергией.

ГЛАВА 16

Анна Ор шла, ступая помертвевшими ногами по панели тротуара. Ей казалось, что не час, годы протекли с того ужасного момента, когда она услышала это хладнокровное решение, касавшееся Казарина. Ей показалось, что вчера, вчера она еще была жива, дышала, а сегодня мрак, нечто безнадежное, неотвратимое...

Она дошла до извозчика и села в пролетку... Актер из студии крикнул ей с тротуара:

— Не подвезете ли меня в ателье?...

Анна Ор покачала головой деревянным жестом... Актер, всмотревшись, увидел мертвенную белизну лица и расширенные глаза, маску, которая его испугала...

Отправившись дальше., актер подумал, что слухи, несомненно, были верны: Анна Ор была близка к французскому командованию...

— Что ж, — подумал актер, — теперь пусть расплачивается...

Анна Ор проехала три квартала и вдруг, испугав извозчика странным ломким голосом, крикнула:

— В гостиницу «Бристоль»...

Швейцару она бросила короткое:

— Леди Холлстен...

Швейцар ответил почтительно:

— Готовятся к отъезду. Никого не принимают...

Но Анна Ор не слышала его: быстрыми шагами — ее ноги опять ожили — она прошла коридор, остановилась на мгновение у двери и, не стуча, вошла...

Леди Эдит, нагнувшаяся над саквояжем в этот момент, выпрямилась: они опять стояли друг перед другом — второй раз в жизни...

Через секунду мертвого молчания леди Эдит сказала ровным и музыкальным голосом:

— Мисс Ор... Я очень рада вас видеть...

Ее зеленоватые глаза блеснули... Затем, указывая на беспорядок, на чемоданы и баулы — она прибавила:

— Простите за хаос: я уезжаю через час...

Анна Ор молчала... Глаза их встретились... Леди Эдит отвела свои глаза от глаз Анны Ор, воспаленных и тусклых, и сказала таким же ровным голосом:

— Прошу вас, присядьте... Я рада вас видеть...

Голос леди Эдит был ровен... Это снова была леди, дочь лорда Холлстена... Колониальное общество, до которого она снизошла, это общество уже было позади... Леди Холлстен добавила, прищурив глаза:

— Вы, кажется, очень расстроены, милая мисс Ор...

И тогда колени Анны Ор согнулись... Она почти упала на пол перед леди Холлстен. Анна Ор стояла на коленях перед леди Эдит на грязном, усеянном обрывками бумаги полу, среди чемоданов и баулов, среди всех признаков отъезда... Она подняла молча, вверх, к лицу леди Эдит свои глаза, пару воспаленных глаз, выразивших нечто, от чего леди Эдит почувствовала, как холодок ползет у нее по спине...

Она наклонилась над Анной Ор, стараясь не смотреть в Эти ужасные глаза... Голосом, который она постаралась сделать спокойным, леди Эдит сказала:

— Дорогая, что с вами?..

Анна Ор не встала с колен... Ее губы зашевелились совершенно беззвучно...

Леди Эдит стояла перед ней в светло-сером дорожном платье, отделанном шеншелями... Ее зеленоватые глаза стали еще прозрачней...

Откинув белокурую голову, леди сказала коротко, глядя куда-то вверх:

— Нет...

Наступило молчание... Горничная открыла дверь, увидела стоявшую на коленях Анну Ор и захлопнула немедленно дверь, исчезнув, как заводная игрушка...

Губы Анны Ор шевелились совершенно беззвучно...

Медленно и жестко, разделяя слоги, леди Эдит Холлстен сказала:

— Мисс Ор, вы напрасно пачкаете свое обворожительное платье на этом грязном полу...

Она пожала плечами:

— Как любят киноактрисы мелодраму...

Затем несколько иным голосом сказала, глядя на этот раз в безжизненные глаза Анны Ор:

— Мисс, мы должны быть беспощадны к такого рода преступлениям. Этого ждет от нас весь культурный мир... Ибо, если мы не будем карать этого, мы, представители руководящих классов Европы — эти варвары и насильники уничтожат все, что мы создали...

Выдержав паузу, она сказала, глядя в мертвое лицо Анны Ор зеленоватыми прозрачными глазами:

— Простите, я должна готовиться к отъезду...

И она повернулась, легко и гибко, к оставленному сак-вояжу...

Через секунду Анна Ор поднялась с колен и медленно вышла...

Она аккуратно закрыла за собой дверь и, закрывая ее, услышала музыкальный смех леди Эдит...

Анна Ор медленно сошла по лестнице вниз и вышла на тротуар...

Но, сев в пролетку, она сказала адрес таким голосом, что извозчик, испуганно оглянувшись, стал хлестать лошадь: пролетка понеслась...

Анна Ор постучала в дверь Казарина громко и четко... Через секунду молчания голос Казарина, как всегда спокойно, ответил:

— Кто?..

Анна Ор раскрыла дверь и вошла. Это был ее второй визит к Казарину.

Он посмотрел на нее своими холодными глазами и ничего не сказал...

Мертвым голосом, совершенно чужим голосом Анна Ор сказала:

— Бегите... Бегите...

Опустившись в кресло, она сказала тихо:

— Через полчаса будет поздно...

Казарин не расспрашивал... Он наклонился над ней и с неожиданной теплотой спросил:

— А вы...

Губы Анны Ор опять зашевелились беззвучно... Овладев собой, она сказала:

— Меня не тронут...

Казарин стоял, глядя на эту женщину, похожую на труп... И он сделал в этот момент то, что меньше всего можно было ожидать от этого стального человека, от человека, воля которого была сильнее всего, что может вынести обыкновенное человеческое тело: Казарин наклонился над Анной Ор и прикоснулся губами к холодному лбу женщины...

Анна Ор закрыла глаза...

Когда она открыла их — никого в комнате не было: Казарин исчез бесшумно, как тень... На диване валялась шинель с погонами поручика, на письменном столе лежали в беспорядке бумаги...

Анна Ор медленно поднялась и вышла.. Она ехала на извозчике, сидя прямо как манекен из модного магазина...

Ее мертвенно-бледное лицо резко выделялось на темном меху... И когда она сошла с пролетки, извозчик, взглянув на это лицо, сказал упавшим голосом:

— Платить не надо, не возьму...

Он хлестнул лошадь и поспешно отъехал...

Анна Ор упала ничком на диван и пролежала неподвижно до утра...

* * *

Леди Элит, стоя на палубе «Адмирабля», трубы которого уже дымились, сказала провожавшему ее полковнику Гавварду:

— Я надеюсь видеть вас, сэр, в Константинополе...

Полковник Гаввард ответил, оглянувшись на Маршана:

— Я думаю, миледи, через несколько дней быть в Кон-

стантинополе...

С лисьей улыбкой Маршан добавил:

— Миледи увидит нас всех через несколько дней... Наша ставка, миледи, бита...

Леди Эдит посмотрела на него пристально и выпрямилась.

— Полковник Маршан, я надеюсь, что это ненадолго...

Маршан не ответил... Он хотел сказать, что, к сожалению, у французских моряков нашелся общий язык с русскими рабочими, имена Марти и Бадина вертелись на языке полковника Маршана... Но он ничего не сказал...

Помолчав, он добавил:

— Желаю миледи счастливого пути...

Глядя прямо в глаза полковнику Гавварду, леди Эдит сказала тихо и отдельно:

— Сэр, я должна вам сообщить...

Полковник Гаввард ждал...

И, услышав два имени, произнесенные музыкальным голосом миледи, он сказал коротко:

— Мы знаем, миледи...

Свисток боцмана прервал его... Поцеловав руку леди Эдит, полковник Гаввард пошел к трапу... Отходя, он сказал:

— Будет сделано, миледи...

Легкая гичка понесла полковника к берегу... «Адмираль» загудел сиреной, его винты вспенили зеленоватые волны одесского рейда: «Адмираль» отходил от берегов Одессы, чтобы больше уже не возвращаться туда...

Леди Эдит стояла на спардеке, облокотясь на перила... Зеленоватыми холодными глазами она глядела, как отходили все дальше пристани, приморский бульвар и линия белых, сверкавших на солнце домов...

Затем она медленно повернулась и пошла по трапу вниз. Сходя, леди Холлстен, не меняя выражения лица, подумала:

— Быть может, к моим, рассказам о приключениях на Востоке я смогу прибавить в лондонском обществе совершенно невероятную вещь: я могу рассказать, что видела

настоящую любовь...

Она улыбнулась корректной улыбкой, улыбкой, достойной леди Холлстен, и медленно сошла в кают-компанию...

Бойкий стюард в белоснежном костюме спросил:

— Кофе... Чай... Какао...

Медленно, леди ответила:

— Чай и кекс... Я проголодалась...

* * *

Среди суеты, царившей в городе, панических лиц, расширенных ужасом глаз шнырял мистер Джонсон... Ввиду важности минуты он переменял свой ярко-изумрудный галстук на серый с красными крапинками, гладко побрился и смазал волосы брилином: он выглядел именинником...

Мистер Джонсон в сопровождении двух агентов русской разведки подошел в сумерках к дому, где жил Казарин...

Они бесшумно поднялись по лестнице... Мистер Джонсон дважды стукнул в дверь... Ответа не было. И, надавив дверную ручку, мистер Джонсон, держа наготове револьвер, ворвался в Комнату. За ним вошли двое офицеров...

Комната была пуста... На диване лежала шинель с погонами поручика...

Окаменевший мистер Джонсон молчал... Затем, выйдя из столбняка, крикнул:

— Ушел!.. Годдем...

Он еще раз сказал ослабевшим голосом:

— Годдем...

Сверкая и кружась как хлопья огненного снега, в его голове замелькала потерянные тысяча фунтов... И, чувствуя как слабеют его ноги, мистер Джонсон сел на диван, глядя на русских офицеров.

— Ушел, — сказал один из них...

Другой выругался, длинно и цинично... Мистер Джонсон, не понимая слов, понял сущность ругательства... Он немедленно перевел его на английский, прибавив еще от себя комментарий...

Вскрытые ящики стола не обнаружили ничего...

Но в боковом ящике лежало письмо, на котором аккуратными буквами, прекрасным почерком было написано:

— Сэру Джону Гавварду, лично.

Мистер Джонсон спрятал письмо в карман. Выходя, он вдруг втянул своим носом ищейки воздух...

— Годдем, — сказал он еще раз...

Он снова вошел в комнату, втягивая воздух ноздрями...

Затем мистер Джонсон сказал самому себе:

— Здесь была женщина... И эти духи...

Мистер Джонсон немедленно вспомнил, где он слышал этот запах... Еще одно проклятье сорвалось у него с губ и, не обращая на офицеров никакого внимания, мистер Джонсон выскочил из комнаты и исчез...

Жевательные мускулы Гавварда напряглись и зашевелились, когда мистер Джонсон кончил свой короткий доклад, сделанный убитым голосом...

— Письмо, — сказал отрывисто Гаввард...

Он вскрыл письмо и прочел бисерные аккуратные строки:

— Сэр! Уходя из сферы вашего внимания, я льщу себя надеждой еще встретиться с вами... Я не могу не встретиться с вами, сэр, профессиональным убийцей и, в частности, убийцей Абиндра-Ната. Мы встретимся с вами, сэр, несомненно, и будет ли это в Калькутте, когда революционный индусский народ свергнет владычество британских чиновников, будет ли это в Афганистане, в Египте, Австралии — все равно, где я буду счастлив, сэр, отправить вас на виселицу...

Нас много, сэр, в этом не обманывается ваша ищейка, этот Джонсон, опора короля и джентльменов из Сити. Нас много: китайцы, египтяне, индусы, малайцы, аннамиты и многие другие... И наша работа сводится к тому, чтобы поработанные

миллионы Востока и Юга голосом, подобным обвалу Гималаев, сказали вам:

— Смерть...

Я ухожу для работы над этим, сэр... Кстати, вам не мешало бы заменить зеленый галстук мистера Джонсона другим на средства британского казначейства: ибо этот галстук вопит о принадлежности к Скотленд-Ярду...

До свидания, сэр.

Казарин.

П. С. Спешу довести до вашего сведения, что полковник Маршан, ваш коллега, дал крайне интересную характеристику вашей личности в докладе секретному отделу генерального штаба Франции... Рекомендую с ней ознакомиться...

К.

Полковник Гаввард проглотил слюну. Затем он сказал Джонсону:

— Попрошу выйти из комнаты...

Мистер Джонсон попятился из комнаты... И когда он закрыл за собой дверь, полковник Гаввард взял в руки стек и медленно, методически стал его ломать...

Жевательные мускулы полковника Гавварда двигались, как мускулы циркового атлета...

Он изломал стек на мелкие куски с наслаждением бешенства, затем стал рвать письмо... Покончив с письмом, он оглянулся: в комнате никого не было... И тогда полковник Гаввард сказал медленно и убежденно:

— Старый осел...

После чего простонал:

— Десять лет службы в Индии...

В дверь постучали... Полковник Гаввард принял обычный вид... В комнату вошел, пятясь как-то боком, как ученая цирковая лошадь, Джонсон...

Гаввард посмотрел и Джонсон съежился под этим взгля-

дом... Глаза Гавварда опустились к галстуку Джонсона и, вздрогнувший от неожиданности, Джонсон услышал:

— Где вы покупали этот галстук, черт бы вас подрал, сэр?

Мистер Джонсон растерянно ответил:

— Бонд-стрит, Грайви и сын, сэр... Шиллинг штука, сэр...

Оглянувшись, мистер Джонсон добавил:

— Еще одна подробность, сэр...

Гаввард махнул рукой, глядя неподвижными глазами на остатки стека на полу... Джонсон сказал:

— Духи фирмы «Пивер», сэр... Запах магнолий, такие плоские флаконы, сэр...

Увидев изумленный взгляд полковника Гавварда, он добавил:

— Ими сильно пахло в комнате, сэр... Прямо-таки несло, сэр...

Одно мгновение мистер Джонсон не знал: ударит ли его полковник Гаввард или даст два фунта стерлингов в виде дружеского поощрения... После паузы полковник Гаввард сказал медленно:

— Никому ни слова....

— Есть, сэр...

— Непрерывно наблюдать за гостиницей до вечера...

— Слушаю, сэр...

Выйдя из комнаты, мистер Джонсон подумал с отчаянием:

— Если будет так же, как с тем — я не виноват... И вообще, я джентльмен и хочу семейного образа жизни... К черту всех полковников в мире.

Он шел по улице, чрезвычайно расстроенный, по направлению к гостинице, указанной полковником Гаввардом.

ГЛАВА 17

Вся накипь, переполнявшая город, поняла: конец близок. Офицеры, кокотки, спекулянты, шулера, банкиры, великие князья, уголовные преступники, греческие, французские, английские агенты, вся ужасающая смесь, танцевавшая, вихляясь, фокстрот на вулкане — подошла к неизбежному концу!..

В эти дни улицы были полны бегущими... В порту грузились английские, греческие, французские пароходы, переполняясь бегущими от суда, от возмездия за совершенное...

По вечерам улицы были темны... В глубокой тьме звучали отрывисто и сухо выстрелы: это деникинская контрразведка разделялась на прощанье в рабочих кварталах... Над городом нависло бешенство отчаяния, разгул безумия: кабаре, рестораны, маскарады ломились в эти ночи от не успевших еще уехать: сегодня они пили и вихлялись в танцах и просиживали ночь за зелеными столами железки, чтобы завтра бежать на иностранном пароходе...

Звуки шимми и фокстрота пьянили слабеющие от ужаса головы...

Выстрелы на темных улицах заставляли их скапливаться в кабаре и шантанах, чтобы еще немного покружиться в танце, еще раз опьянить себя шампанским, еще раз поставить на карту доллары и фунты стерлингов...

В эти ночи молнии радио сообщали Роттердаму и Лондону, Нью-Йорку и Чикаго, Парижу и Вашингтону, что сделка лопнула, спекуляция на черноморском побережье не удалась, британский и французский генеральные штабы отдавали по радио приказание эвакуироваться в Константинополь, грузовым и пассажирским пароходам вывезти все, что можно было вывезти из товарного и людского запаса, молнии радио сообщали, что миллионы людей с твердыми мозолистыми руками одержали неслыханную в истории победу над британским и французским генеральными шта-

бами, над самым великим Сити, выигравшим мировую войну и проигравшим рынки России, пресса всего мира, желтая пресса, сообщала в вечерних выпусках, что варвары победили, что просторы России, объятые гражданской войной, оставляются европейцами, что пламя мировой революции грозит парижским банкирам и корректным джентльменам из Сити...

И в кафе, барах, театрах, биржах Парижа, Лондона, Нью-Йорка, Берлина тысячи, миллионы людей хватали еще сырые оттиски газет, чтобы убедиться лично, чтобы побледнеть, читая эти радио, предвещавшие многим разорение, многим предвещавшие то, что должно наступить неизбежно, не завтра, так послезавтра: ибо революция победила в далекой России и рента, процентные бумаги, акции, вложенные в сотни предприятий, эта рента, росшая на миллионах согнутых спин рабочих — рента лопалась...

В кабинетах набережной д'Орсе в Париже и Даунинг-стрит в Лондоне бледнели те, кто работали над мировой бойней и над Версалем: ибо за победой миллионов пролетариата в России могли следовать другие победы в Европе...

Во дворце династии «Джонс и сын» в Сити были получены радио в двенадцать часов дня...

Мистер Джонс-младший вынул трубку из левого угла рта и внимательно перечел радио... Затем он побледнел и прошел в кабинет мистера Джонса-старшего...

Трубка мистера Джонса старшего торчала, как всегда, в правом углу рта.

Мистер Джонс-старший прочел радио и также ничего не сказал. Он взглянул на помертвевшее лицо мистера Джонса-младшего, заметил, что трубка мистера Джонса торчит, вопреки всем традициям, не в левом, а в правом углу рта и также переложил свою трубку в левый угол рта, крепко прикусив ее желтыми зубами...

Оба Джонса посмотрели в глаза друг другу... И ни один из них не сказал ни слова...

Мистер Джонс круто повернулся и вышел из кабинета.

И тогда Джонс-старший опустился в кресле и из короля Сити сразу превратился в мешок старых костей и никуда не годного, отравленного никотином и виски мяса...

А через двенадцать часов в зале с куполом и колоннадой из красного мрамора, в храме торговли Сити, в главном зале биржи, где гудели сотни охрипших голосов и мелькали на световых экранах цифры, на трибуну поднялся клерк и, ударив молотком по железной доске и переждав, пока утихнет гул голосов, сообщил:

— Джентльмены, фирма «Джонс и сын» просит сообщить, что выполнить свои обязательства не может...

Он снова ударил молотком и сошел с трибуны...

И в гуле голосов, хриплых голосов дельцов Биржи, зазвучало уже мертвое имя Джонса...

Через десять минут имя «Джонс и сын» было вычеркнуто из списка живых, а через двадцать — биржа гудела так же, как и до этого, но тысячи акций полетели вниз и на бирже стала нарастать паника. Ибо световые экраны отразили последнее радио, последнее радио, послужившее могилой не одной только фирме «Джонс и сын»...

Оборванец, старый и испитой, шатавшийся по Попле-ру, из уст какого-то матроса также узнал содержание этих последних радио и содержание заявления клерка на собрании биржи...

Этот оборванец поднял руки вверх и хриплым голосом сказал окаменевшему от изумления матросу:

— Будь благословен тот день, когда я продал китайцу паспорта... Я могу умереть спокойно. Дженни, ты отомщена, понимаешь, матрос, понимаешь, парень, она отомщена...

— Старый сумасшедший, — пробормотал изумленный матрос, отходя от оборванца...

Оборванец, согнувшийся, почти дряхлый старик, побрел дальше, бормоча все те же непонятные слова:

— Да будет благословен тот день... Это говорю я, старый Грэхам... Да будет, говорю я, благословен тот день, когда этот китаец взамен паспортов обещал мне гибель проклятого Джонса...

Он шел, бормоча эти слова и обращая на себя внимание толстых «бобби» его королевского величества.

Секретные отделы французского и британского генеральных штабов, Скотленд-Ярд и сыскные отделения Америки, сыскные бюро Франции работали лихорадочно, устанавливая настроения в рабочих кварталах, производя аресты; желтая пресса, рупор капиталистических династий, непрерывно работала над сотнями клеветнических статей и поддельных телеграмм...

Полковник Маршан, получив радио из Парижа и Константинополя, приготовился к отъезду... Сообщая полковнику Гавварду об этом, он спросил:

— Когда вы выедете, сэр?...

Полковник Гаввард ответил сухо:

— Не позднее чем завтра...

— По распоряжению командования я оставляю два миноносца французского флота для наблюдения за эвакуацией.

— Хорошо... Я уеду на миноносце «Гамильтон»...

— Ваше намерение, я надеюсь, не изменилось, сэр Гаввард?..

С лисьей улыбкой полковник Маршан выслушал ответ:

— Британцы не меняют решений...

— Вы правы. И кроме того, это необходимо... Опасно было бы оста...

Он не закончил, так как полковник Гаввард повторил упрямо:

— Британцы не меняют решений...

Полковник Маршан уехал... Эвакуация шла лихорадочным темпом; вечером полковник Гаввард, оставив дела Стильби — пошел переодеваться...

Он одевался медленно перед огромным зеркалом в оправе из красного дерева... Полковник Гаввард увидел в зеркале сверкающее белизной белье, седые виски и сухое, немного обрюзгшее лицо с мешками под глазами, гладко выбритое...

Безукоризненный фрак лондонского изготовления сказал полковнику, что он еще строен; что выправка полков-

ника Гавварда еще достаточно хороша...

Полковник Гаввард отдал последние распоряжения ординарцу об упаковке вещей, которые полковник распорядился перевезти на миноносце...

— Я буду ночевать на борту «Гамильтона»...

— Есть, сэр.

— По всем делам к майору Стильби...

— Есть, сэр.

Полковник Гаввард из нижнего ящика стола вынул небольшой бумажный пакетик, который был найден возле трупа индуса Абиндра-Ната...

Он бережно спрятал его в боковой карман фрака, еще раз взглянул в зеркало, натянул пальто, поднял воротник и вышел...

Автомобиль привез Гавварда в кабаре «Арлекин»... Сходя, полковник распорядился:

— Ждать у подъезда...

— Есть, сэр...

Шофер-шотландец дал задний ход и откатил машину на несколько шагов назад...

Полковник Гаввард вошел в зал «Арлекина», где был устроен маскарад и неистово визжали скрипки, полузаглушенные гулом пьяных голосов...

Женщины в домино и полумасках, мужчины во фраках и смокингах, в мундирах и френчах и над ними нарастающее безумие ужаса, жажда забыть о завтрашнем дне, о неизбежной расплате, опьянение отчаяния и как бы опьяневшие от людей скрипки и виолончели оркестра...

Пары двигались в бесстыдном, разнузданном ганце, раскачиваясь, медленно испытывая друг друга, бледные от вина лица, блестящие глаза и срывающиеся голоса, неясный гул сотен голосов...

Сам воздух был насыщен опьянением отчаяния и похотью последних наслаждений перед концом...

Банкир Петропуло, толстый и пьяный, раскачиваясь, стал перед Гаввардом:

— Конец мира, сэр, — сказал он, задыхаясь от ожирения сердца и от того, что он, банкир Петропуло, должен бежать,

бросив банкирскую контору, — конец мира, сэр... Выпьем поммери, сэр?...

Гаввард отстранил его молча и пошел через зал... Через минуту он столкнулся с Анной Ор... Окруженные синевой глубокие черные глаза встретились с глазами полковника Гавварда...

Он поцеловал ей руку, склоняясь очень низко... Анна Ор была в бальном туалете, от нее сладко пахло духами Пивера... На ее лице только судорожно подергивавшиеся углы губ говорили о нервном напряжении...

Полковник Гаввард был до торжественности любезен:

— В боковой кабинет, миледи?.. Здесь угар от шампанского...

Он бросил лакею:

— Поммери сек, фрукты, в боковой кабинет...

Сквозь толстые занавеси глуше звучали скрипки и пьяные голоса...

Полковник Гаввард налил два бокала... Ваза с фруктами стояла посреди стола...

Гаввард сказал медленно:

— Разве вы не уезжаете отсюда, миледи?..

Анна Ор смотрела на него молча...

Он повторил:

— Или вы прониклись симпатиями к большевикам?.. О, господем...

Полковник Гаввард в упор смотрел на Анну Ор... И в его глазах она прочла то, что знала заранее...

Анна Ор повернулась к зеркалу и стала оправлять свои черные блестящие волосы... В зеркале она увидела, как рука полковника Гавварда опустилась в боковой карман фрака, как та же рука медленно высыпала содержимое пакетика в ее бокал... Гаввард поднял глаза и увидел глаза Анны Ор в зеркале... Он, не торопясь, бросил пакетик под стол.

И когда она повернулась и села в кресло, Гаввард сказал медленно и раздельно:

— Без тостов, миледи, они прозвучат как надгробные речи этой ночью.

Анна Ор подняла бокал с искристым вином...

Холодно и спокойно полковник Гаввард сказал:

— Мы пьем до дна...

Анна Ор что-то хотела сказать, се глаза блеснули... Она подняла бокал и залпом выпила его... Затем бросила бокал на стол. Полковник Гаввард медленно поставил свой бокал.

Анна Ор откинула голову на спинку кресла, по ее телу пробежала судорога, в углах губ проступила розовая пена...

Полковник Гаввард посмотрел еще раз на то, что называлось Анной Ор... Автоматически он отметил судорогу, застывшую на лице, и маленькие мелкие морщинки возле глаз.

В зало раздались выстрелы: пьяному офицеру показалось, что вокруг него рабочие, и он стал стрелять из браунинга... Такие же выстрелы раздались на улице...

Полковник британской армии Чарльз Гаввард круто повернулся, прошел через пьяный, охваченный неистовством страха зал, где продолжали раздаваться выстрелы, и сел в автомобиль...

— В порт, — сказал он коротко...

Шофер, обернувшись, сказал:

— Последние ночи, сэр...

Гаввард ничего не ответил: его губы были сжаты и воротник пальто поднят...

В зале продолжали стрелять... Кучка пьяных офицеров стреляла из браунингов, на улице выстрелил кто-то из винтовки. Застывая в дверях, толклись обезумевшие от страха посетители, давя женщин, опрокидывая столы и крича пьяными голосами...

Люстра в боковом кабинете ярко освещала стол с белой снежной скатертью, вазу с фруктами, опрокинутый бокал и откинутое на спинку кресла, искаженное застывшей судорогой, похожее на гипсовую маску лицо Анны Ор...

Об авторе и его романе

Поэт, журналист и прозаик Борис Владимирович Олидорт (1893-1939) публиковался до революции в периодике южной (газета *Приазовский край*, журнал *Звездочка*) и центральной (*Саатирикон*, *Рампа и жизнь* и другие журналы) России. Выпустил в Москве сборники стихов *Геммы* (1912) и *Тростниковая флейта* (1914). В 1918 г. – редактор-издатель журнала *Новости театра* (Ростов-на-Дону).

В 1923-1925 гг. под псевдонимом «Марк Максим» напечатал в Новочеркасске и Ростове ряд авантюрно-фантастических романов в духе «красного Пинкертона» – *Похождения Баржевского* (не оконч.?), *Шах и мат*, *Чемодан из крокодиловой кожи*, *Смерть Анны Ор*.

Роман *Смерть Анны Ор* явно обязан заглавием чрезвычайно популярной в то время *Любви Жанны Ней* (1924) И. Эренбурга; в остальном роман весьма вольно трактует события, связанные с интервенцией союзников в Одессе в 1919 г. В центре его – киноактриса Анна Ор, смуглая красавица с черными бархатистыми глазами, в которой без труда угадывается звезда немого кино Вера Холодная (1893-1919).

Внезапная смерть Веры Холодной от испанки в феврале 1919 года породила множество слухов, которые продолжают циркулировать до сих пор в книжных и периодических изданиях России и зарубежья. Актрисе приписывали любовные связи с французским консулом Э. Энно, начальником французского штаба А. Фрейденбергом, белогвардейским генералом А. Гришиным-Алмазовым, работу на французскую контрразведку, большевистское подполье, двойной шпионаж и т.д. Утверждалось, что она была отправлена французами или подпольщиками-чекистами, застрелена революционерами и тому подобное.

В этом смысле роман «Марка Максима» был, по-видимому, первой попыткой эксплуатации легенд о В. Холодной. Среди прочих можно назвать роман украинского писателя Ю. Смолича *Світанок над морем* (*Рассвет над морем*, 1953, русс. пер. 1955) – где Холодная, пассия Энно, по его требованию становится любовницей Гришина-Алмазова и информирует французов о деятельности деникинского генерала. В конце концов Энно – страшась, что Холодная в эмиграции сможет «воспроизвести перед мировой об-

щественностью широкую картину американско-англо-французской оккупации» – отравляет актрису «кристаллами» яда кураре. Близкое совпадение ряда мотивов заставляет предположить, что Смолич мог воспользоваться для своей книги романом неизвестного автора.

В основанном на романе Смолича опереточном либретто Г. Плоткина *На рассвете* (ок. 1964) вокруг Холодной увиваются не только французы, но и Мишка Япончик. В 1970 г. в *Литературной газете* против такого рода домыслов гневно выступил А. Каплер (Каплер А. Адрес – «Кинопанорама» // Литературная газета. 1970. № 40. 30 сент.), написавший затем и очерк *Загадка королевы экрана*. Но все это не помешало выходу на экраны фильма Н. Михалкова *Раба любви* (1975), где очевидно «списанная» с Холодной актриса Ольга Вознесенская превращена чуть ли не в красную подпольщицу. Начало же этому буму положил забытый на многие десятилетия роман Олидорта-Максима...

Олидорт отличался бойким пером и романы свои лепил, как пирожки. Так, в 1924 г. он напечатал в харьковской газете *Пролетарий* (под псевдонимом «Борис Оленин») роман *Люди из Лондона*. Еще об одном авантюрном романе Олидорта и его газетной работе в середине 1920-х гг. вспоминает в автобиографической повести *О моей жизни, книгах и читателях* В. Панова:

«Сначала я работала в “Трудовом Доне”, потом газета “Советский Юг” предложила мне писать для нее фельетоны в очередь с Ю. Юзовским и Борисом Олениным (Олидортом). Фельетонами в те времена назывались пространные эссе на какую-либо злобу дня, причем от этих эссе требовалась не только поучительность, но занимательность и даже, насколько возможно, некоторая, что ли, художественность. <...>

Мы трое – Юзовский, Оленин и я – работали в очередь, тем же каждый выбирал себе по своему усмотрению, иногда это было сопряжено с немалыми хлопотами и даже мучениями. <...>

Тем временем почти такой же подъем переживала <...> газета “Советский пахарь”. Там дела шли отменно плохо, пока не демобилизовался из Красной Армии и не был назначен туда редактором некий Иван Макарьев, крестьянский сын, рязанский мужик, знавший деревню как свои пять пальцев.

<...> Он мобилизовал в свою газету Бориса Олидорта. Олидорт, он же Оленин, был журналист несколько провинциальный, но безусловно способный, этакое бойкое перо, не претендующее на утонченность, но умевшее писать быстро и занимательно.

Макарьев позвал его и сказал:

– Сочините роман с продолжением. Чтоб печатать из номера в номер, чтоб герой был простой хлебобоб, желательно наш донской казак, и чтоб читатель помирал от нетерпения, дожидаясь очередного номера.

Олидорт не ударил в грязь лицом, он сочинил роман “Приключения Петра Николаева”, в точности такой, какого желал Макарьев. Этот Петр Николаев был донской казак, он сражался против немцев, попал к ним в плен, после множества приключений попал в Африку, а там уже начался такой переплет со львами и крокодилами, что читатели, несомненно, обмирали, ожидая следующего номера, а Олидорт получал столько писем, что в редакции не знали, куда их девать.

Тираж “Советского пахаря” в кратчайшее время достиг неслыханной цифры».

На задних страницах книг и книжек Б. Олидорта перечислены также романы *Ветер с Востока* и *Дело профессора Леви* (публикации не установлены). «Кинороман» *Тайна Тамары Джугели* означен как выпущенный в Тифлисе в 1925 г., однако в крупнейших библиотеках такая книга не обнаружена.

Роман *Смерть Анны Ор* публикуется по первоизданию (Ростов н-Д.: 1-я гостипография Д.П.Б., 1925) с исправлением ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации, а также очевидных опечаток.

М. Ф.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.